CD
501

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКІЙ.

ОЧЕРКЪ
РУССКОЙ ДИПЛОМАТИКИ
ЧАСТНЫХЪ АКТОВЪ.

Лекціи, читанныя слушателямъ „Архивныхъ Курсовъ“
при Петроградскомъ Археологическомъ Институтѣ
въ 1918 году.

„Пров 38“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1569
29

„Очеркъ русской дипломатики частныхъ актовъ“ составился изъ тѣхъ лекцій, которыя покойный А. С. Лаппо-Даниловскій читалъ въ октябрѣ-ноябрѣ 1918 г. на Архивныхъ курсахъ при Археологическомъ Институтѣ въ Петроградѣ. Принявъ тогда же сдѣланное ему предложеніе напечатать упомянутыя лекціи, А. С. въ послѣдующіе мѣсяцы приступилъ къ подготовкѣ ихъ для печати, но успѣлъ до своей болѣзни, а отчасти и во время ея въ январѣ 1919 г. въ значительной степени подготовить лишь ту часть „Очерка“, которая напечатана ниже на страницахъ 3—66; остальная часть не подвергалась тщательной авторской обработкѣ и издается почти въ томъ видѣ, какой она имѣетъ въ первоначальной редакціи; опущены лишь наброски критическихъ замѣчаній А. С. по поводу статьи С. А. Шумакова о грамотахъ и записяхъ, помѣщенной въ четвертомъ выпускѣ „Обзора грамотъ Коллегіи Экономіи“ (ср. с. 80), и такія же замѣчанія по поводу акта, напечатаннаго на с. 117. Въ немногихъ случаяхъ для связи текста пришлось, однако, дополнить его отдѣльными словами, поставленными въ ломаныя скобки; въ нѣсколькихъ случаяхъ явныя описки исправлены мною.

Что касается примѣчаній, то большинство изъ нихъ вывѣрено и дополнено мною необходимыми библіографическими указаніями; на стр. 89 прибавлена ссылка на статью В. К. Трутовскаго о „рядной Тѣшаты“.

Принятыя мною сокращенія при ссылкахъ на общеизвѣстные сборники актовъ не требуютъ, кажется, поясненій; цитируемый нерѣдко „Сборн. грам. Коллегіи Экономіи“, т. I, есть тотъ сборникъ грамотъ Коллегіи Экономіи по Двинскому уѣзду, который былъ начатъ печатаніемъ Академіей Наукъ по иниціативѣ А. С. и при его жизни доведенъ до листа 43-го. Отсутствующее въ рукописи „оглавленіе“ составлено мною.

А. Андреевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Время, которое мы переживаемъ, не особенно располагаетъ къ отвлеченнымъ научнымъ занятіямъ, но оно возлагаетъ на насъ весьма серьезныя обязанности: для тѣхъ изъ насъ, которые дорожатъ культурой, онѣ состоятъ прежде всего въ томъ, чтобы соблюсти и развить ея начала въ нашей жизни.

Одной изъ такихъ обязанностей, къ исполненію которой всѣ мы, историки и архивисты, спеціально призваны, является сохраненіе многовѣкового нашего культурнаго наслѣдія, запечатлѣннаго въ архивныхъ документахъ. Архивные документы включаютъ, главнымъ образомъ, публичные и частные акты; а потому нѣсколько лекцій, посвященныхъ выясненію научнаго значенія не только публичныхъ, но и частныхъ актовъ, принциповъ и методовъ ихъ изученія, задачъ и пріемовъ ихъ храненія и т. п., можетъ быть, не покажутся вамъ излишними.

Никто изъ васъ, вѣроятно, не сомнѣвается въ значеніи публичныхъ актовъ; но въ вашей средѣ могутъ найтись скептики, которые усумнятся въ томъ, есть ли достаточное основаніе настаивать на научной цѣнности частныхъ актовъ, стоитъ ли историку подробно останавливаться на изученіи какихъ-либо духовныхъ и данныхъ, служилыхъ кабалъ и жилыхъ записей, купчихъ и закладныхъ и т. п., и нужно ли

семѣрно заботиться о ихъ храненіи и регистраціи, описаніи изданіи и т. п.

Во избѣжаніе недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть а почвѣ такихъ сомнѣній, я попытаюсь предварительно выснить вамъ, въ чемъ именно состоитъ ученіе объ историческихъ источникахъ и въ какомъ отношеніи оно находится ь той его отрасли, которая называется дипломатикой, а акже укажу вамъ на ея русскіе источники и пособія, въ собенности примѣнительно къ частнымъ актамъ. Вслѣдъ замъ я перейду къ краткому изложенію тѣхъ основныхъ астей дипломатики, которыя мнѣ казалось бы желательнымъ азличать, а именно: документальнаго источниковѣдѣнія и окументальнаго построенія актовъ. Документальное источниковѣдѣніе изслѣдуетъ ихъ въ качествѣ источниковъ, подлежащихъ интерпретаціи и критикѣ; документальное построеніе азсматриваетъ ихъ въ качествѣ явленій, нуждающихся въ нализѣ и синтезѣ. Принципы и методы обѣихъ частей олучаютъ, конечно, болѣе или менѣе широкое примѣненіе ь изученію всякаго рода документальныхъ матеріаловъ, въ омъ числѣ и къ тѣмъ частнымъ актамъ, которые имѣютъ лижайшее отношеніе къ русской исторіи. Въ заключеніе я озволю себѣ, на основаніи вышеизложенной характеристики, братить ваше вниманіе на научное значеніе частныхъ актовъ ля пониманія нашей исторической дѣйствительности и тѣмъ амымъ надѣюсь оправдать передъ вами цѣлесообразность ого краткаго курса по русской дипломатикѣ частныхъ актовъ, оторый я намѣренъ предложить вамъ въ теченіе ближайшихъ ашихъ совмѣстныхъ занятій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Общее понятіе о дипломатикѣ и ея положеніи въ русской исторической наукѣ.

Вообще, принципы и методы изученія историческихъ источниковъ, разумѣется, прилагаются и къ тѣмъ изъ нихъ, которые называются документами и актами; безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ разъясненій нельзя, однако, приступить къ работамъ подобнаго рода: они подготовятъ насъ къ болѣе правильному пониманію той отрасли историческаго знанія, которая получила наименованіе „дипломатики“, и помогутъ намъ разобраться въ ея источникахъ и пособіяхъ, главнымъ образомъ, тѣхъ, которые относятся къ русской исторіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предметъ дипломатики: изученіе документовъ и актовъ.

§ 1. Понятіе о документѣ и объ актѣ.

Въ многообразномъ составѣ историческаго матеріала, отображающаго психическую дѣятельность человѣка, можно различать два основныхъ вида источниковъ: смотря по тому значенію, какое они имѣютъ для познанія исторической дѣйствительности, такіе источники соотвѣтственно называются историческими остатками и преданіями[1]).

---

[1]) Въ новѣйшей французской литературѣ выраженіе „историческій источникъ“ иногда замѣняется терминомъ „документъ“ (document), причемъ подъ

Въ самомъ дѣлѣ, съ познавательной точки зрѣнія легко прядти къ заключенію, что историкъ можетъ изучать факты воякимъ образомъ: или черезъ посредство собственнаго воспріятія остатковъ того именно факта, который его интересуетъ; или черезъ посредство результатовъ чужихъ воспріятій даннаго факта, реализованныхъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ и такимъ образомъ доступныхъ его собственному изученію. Съ такой познавательно-исторической точки зрѣнія, значитъ, нужно различать два основныхъ вида источниковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда историкъ можетъ смотрѣть на источникъ, какъ на остатокъ изучаемаго имъ историческаго факта, онъ получаетъ возможность непосредственно заключить по нему о томъ, что и фактъ, остатокъ котораго доступенъ его изслѣдованію, дѣйствительно существовалъ; такого рода источники я буду называть историческими остатками. Въ тѣхъ случаяхъ, когда историкъ усматриваетъ въ источникѣ только преданіе объ историческомъ фактѣ, а не его остатокъ, онъ еще не можетъ, однако, непосредственно заключить по нему о томъ, что и фактъ, извѣстный ему лишь черезъ посредство чужого о немъ показанія, сохранившагося въ источникѣ, дѣйствительно существовалъ; слѣдовательно, прежде чѣмъ утверждать дѣйствительность его существованія, историкъ долженъ установить, на какомъ основаніи и въ какой мѣрѣ онъ можетъ довѣрять преданію о фактѣ; такого рода источники я буду называть историческими преданіями.

Итакъ, съ познавательной точки зрѣнія, принимая во вниманіе степень близости познающаго субъекта, т. е. историка, къ объекту его изученія или степень непосредственности

документомъ" разумѣютъ „слѣды человѣческихъ мыслей и дѣйствій"; такіе слѣды могутъ быть „непосредственными" (вещественными) и „посредственными" (письменными); см., напримѣръ, *Ch. V. Langlois et Ch. Seignobos*, Introduction aux études historiques, Par. 1898, p. 1. *Ch. Seignobos*, La méthode historique appliquée aux sciences sociales, Par, 1901, pp. 17—19. Едва ли желательно, однако, пользоваться такимъ черезмѣрно широкимъ словоупотребленіемъ: одинъ изъ вышеназванныхъ авторовъ самъ замѣчаетъ, что термину „документъ" часто придаютъ болѣе узкое значеніе „писанія"; см. *Ch. Seignobos*, Op. cit., pp. 19, 43.

его знанія о такомъ историческомъ фактѣ, можно установит
два основныхъ вида источниковъ: историческіе остатки
историческія преданія.

Нельзя смѣшивать ту познавательную точку зрѣнія, ко
торая лежитъ въ основѣ только что указаннаго дѣленія, с
реалистической: послѣдняя ведетъ къ положительному разли
ченію объективно данныхъ источниковъ, что обыкновенно
дѣлается въ конкретно-историческихъ работахъ. Въ такомъ
случаѣ дѣленіе историческихъ источниковъ на остатки и пре
данія ставится въ зависимость отъ того, что именно разумѣт
подъ объективно даннымъ историку остаткомъ или предані
емъ, и можетъ быть характеризовано слѣдующимъ образомъ.

Подъ историческимъ остаткомъ можно разумѣть непосред
ственный результатъ той самой дѣятельности человѣка, кото
рую историкъ долженъ принимать во вниманіе при построеніи
исторической дѣйствительности, включающей и означенный
результатъ; такой остатокъ есть, въ сущности, часть того
самаго историческаго факта, который изучается историкомъ;
слѣдовательно, можно сказать, что въ случаяхъ подобнаго
рода историческій фактъ какъ бы самъ о себѣ отчасти сви
дѣтельствуетъ передъ историкомъ. Подъ историческимъ пре
даніемъ можно разумѣть отраженіе какого-нибудь историче
скаго факта въ источникѣ; послѣдній не остатокъ даннаго
факта, а результатъ того впечатлѣнія, которое онъ произвелъ
на автора преданія, реализовавшаго его въ данномъ матері
альномъ образѣ. Иными словами говоря, остатокъ есть
слѣдствіе причинъ, въ совокупности съ другими вызвавшихъ
отъ самый фактъ, который изучается; преданіе же есть
послѣдствіе этого факта: фактъ вліяетъ на данную личность;
подъ его впечатлѣніемъ она запоминаетъ его или оцѣниваетъ
его въ преданіи [1]).

Въ видѣ примѣра можно привести хотя бы слѣдующій:
колонна дорійскаго храма въ Олимпіи есть часть того самаго
факта, который насъ интересуетъ, и, слѣдовательно, является

[1]) А. *Лаппо-Данилевскій*, Методологія исторіи, С.-Пб. 1913 г., в. II.
с. 385—387.

историческимъ остаткомъ; описаніе того же храма, сохранившееся у Павзанія, напротивъ, есть только послѣдствіе этого факта и оказывается историческимъ преданіемъ о немъ. Возьмемъ другой примѣръ, почерпнутый изъ нашей отечественной исторіографіи: извѣстный договоръ 945 года, заключенный между царемъ Романомъ и княземъ Игоремъ, начинающійся словами: „мы отъ рода Рускаго послы и гостье: Иворъ, посолъ Игоревъ великаго князя Рускаго..." и т. д., — историческій остатокъ, такъ какъ является результатомъ тѣхъ именно отношеній между русскими и греками, которыя мы въ данный моментъ изучаемъ; разсказъ лѣтописи о мирѣ между царемъ Романомъ и княземъ Игоремъ, о прибытіи въ 945 г. греческихъ пословъ къ великому князю русскому, о „ротѣ" обоихъ государей и т. д., напротивъ, историческое преданіе, ибо въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ фактомъ и даже не съ частью этого факта, а съ впечатлѣніемъ, которое этотъ фактъ произвелъ на данное лицо — лѣтописца и которое отразилось въ его повѣствованіи.

Вышеуказанное дѣленіе историческихъ источниковъ перекрещивается другимъ, имѣющимъ въ виду ихъ содержаніе: можно различать источники съ фактическимъ содержаніемъ и источники съ нормативнымъ содержаніемъ, т. е. такіе, которые содержатъ показанія о фактахъ, и такіе, которые содержатъ показанія о какихъ-либо нормахъ или правилахъ: логическихъ, этическихъ, эстетическихъ, техническихъ и т. п.; къ числу источниковъ съ нормативнымъ содержаніемъ легко отнести и тѣ, которые имѣютъ правовое содержаніе. Средневѣковыя реальныя энциклопедіи представлялись, напримѣръ, сборниками правилъ касательно тѣхъ дисциплинъ, которымъ обучали въ школахъ: Satyricon Marcianus'a a Capella (изъ Карѳагена, середины V вѣка) содержалъ, напримѣръ, школьныя науки тривіума (грамматику, риторику и діалектику) и квадривіума (геометрію, ариѳметику, астрономію и музыку, со включеніемъ поэтики). Нашъ Домострой также заключалъ въ себѣ скорѣе правила о томъ, каковы должны быть отношенія между

мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми, а также прочими домочадцами и слугами, какъ содержать свое хозяйство и вести себя въ общественной жизни и т. п., чѣмъ воображеніе дѣйствительно существовавшаго въ то время семейнаго и общественнаго быта.

Систематически пользуясь вышеуказанными критеріями дѣленія историческихъ источниковъ по ихъ познавательному значенію и по ихъ содержанію, разумѣется, часто смѣшиваемыхъ на практикѣ, легко придти и къ болѣе точному пониманію тѣхъ изъ нихъ, которые называются документами.

Вообще, принимая во вниманіе дѣленіе историческихъ источниковъ на остатки и преданія, можно въ самомъ широкомъ смыслѣ разумѣть подъ документомъ историческій остатокъ, обозначающій соотвѣтственное его содержаніе преимущественно въ письменной формѣ [1]), хотя въ древнѣйшее время далеко не всякое правоотношеніе получало такое именно выраженіе и часто укрѣплялось лишь какимъ-либо символическимъ дѣйствіемъ, напримѣръ, клятвою, рукобитіемъ и т. п., однако, самое понятіе о документѣ обыкновенно связывалось съ его письменной формой. Такое пониманіе отражалось въ старинномъ нашемъ словоупотребленіи: уже съ древнѣйшаго времени у насъ употребляли, въ сущности, однозначущее съ терминомъ документъ слово „грамота“,

---

[1]) Въ нѣмецкой литературѣ терминъ „Urkunde“ употребляется въ болѣе, широкомъ смыслѣ; онъ обозначаетъ всякій матеріальный предметъ, служащій для показанія или свидѣтельствованія о чемъ либо, причемъ, однако, значительно ограничивается въ его примѣненіи къ „правовой жизни“, съ такой точки зрѣнія подъ понятіе „Urkunde“ подводятъ, напр., межевые знаки, таможенныя пломбы и т. п., а подъ понятіе о „подлогѣ документовъ“ и поддѣлку этихъ предметовъ, что сохранилось до позднѣйшаго времени въ словоупотребленіи нѣкоторыхъ нѣмецкихъ уголовныхъ кодексовъ. Впрочемъ, терминологія подобнаго рода стала весьма рѣдкой, и подъ словомъ „Urkunde“ теперь чаще всего разумѣютъ письменный документъ; см *F. Rietsch*, Handbuch der Urkundenwissenschaft, 2 Aufl. Berlin, 1904, SS. 1—6. Въ англійской литературѣ „record“ уже употребляется въ послѣднемъ смыслѣ и, въ особенности, примѣняется къ актамъ; см. еще ниже § 15. Матеріальные предметы, свидѣтельствующіе о правовомъ значеніи даннаго дѣйствія, можно называть описательно, напр., знаками удостовѣренія (Beweiszeichen) и т. п.

которое явно указываетъ на письменную его форму (γράμμα— черта); та же связь сохранилась и въ терминологіи позднѣйшаго времени [1]).

Въ самомъ дѣлѣ терминъ „грамота“ могъ обозначать самые разнообразные документальные источники, напримѣръ, письма, дѣловыя бумаги, акты, имѣющіе правовое значеніе, и т. п.[2]).

Вообще, называя письменные остатки культуры „документами“, мы часто причисляемъ къ нимъ письма и т. п.; мы говоримъ, напримѣръ, въ такомъ смыслѣ о письмахъ Цицерона къ Аттику или о письмахъ Ивана Грознаго къ князю А. Курбскому и т. п. Въ древнемъ нашемъ быту для тѣхъ же цѣлей пользовались словомъ: „грамота“. Старинные наши формулярники содержатъ, напримѣръ, образцы „грамотокъ“, т. е. писемъ къ разнымъ лицамъ: къ отцу, къ матери и къ другимъ членамъ семьи, къ должностнымъ лицамъ и т. п.[3]). Аналогичное словоупотребленіе встрѣчается и въ отдѣльныхъ памятникахъ: князь Владиміръ Мономахъ сообщаетъ, напримѣръ, Олегу Святославичу въ 1096 году: „написахъ ти грамоту, аще ю приимеши с добромъ, ли с

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Московскаго государства, вмѣсто термина „грамота“ (въ широкомъ смыслѣ), употребляли терминъ „письмо“, хотя, впрочемъ, такое названіе для обозначенія архивныхъ документовъ встрѣчается „очень рѣдко“. Въ смѣтной книгѣ города Торопца 7150 г., напр., значится: „въ житницѣ — писмо въ сундукѣ и въ коробьяхъ: государевы грамоты и отписки розныхъ годовъ и судные и всякіе дѣла“; или въ смѣтной книгѣ Великихъ Лукъ 7189 г. замѣчено, что „письма старые прежнихъ воеводъ“ перенесены были изъ приказной избы на гостинный дворъ; см. *И. Оглоблинъ*. Провинціальные архивы въ XVII в., въ Сборникѣ статей по Архивовѣдѣнію, изд. подъ ред. И. Зубарева. С.-Пб. 1910, т. I, ч. I, сс. 123—124.

[2]) По опредѣленію нашей Академіи Наукъ, документъ—„это письменный актъ, служащій доказательствомъ или свидѣтельствомъ чего-либо; дѣловая бумага, относящаяся къ канцелярскому производству“; см. Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ. С.-П. 1895 г., т. I, с. 1088. Опредѣленіе это не совсѣмъ удовлетворительно, такъ какъ въ немъ отождествляются термины: „документъ“ и „актъ“, которые, однако, не совпадаютъ. Объ обязательности письменной формы для важнѣйшихъ частныхъ актовъ см. ниже.

[3]) Старинные „формулярники“, сообщенные *Н. Калачевымъ*, въ Лѣт. зан. Археогр. Ком.. С.-Пб. 1862 г., вып. I, сс. 34—49.

поруганьемъ, свое-же оузрю на твоемъ писаньи"; въ одном изъ старѣйшихъ Златоструевъ мы читаемъ: „Павелъ приимаш и посылаше всюдоу грамоты" (γράμματα, litteras); въ повѣст Кирилла Туровскаго къ Василію, игумену Печерскому: „а немъ-же, господине, прислалъ ми еси грамоту" и т. п Грамотами назывались также письма съ нѣсколько болѣ оффиціознымъ содержаніемъ; такова, напримѣръ, „милостива грамота" царя Алексѣя Михаиловича Вологодскому архі епископу Симону 1671 года, въ которой онъ обращается к архіепископу со слѣдующими словами:

„писалъ ты къ намъ, великому государю, что послал про нашъ великого государя обиходъ сосудъ рыжиковъ воло годскихъ, за своею печатью; и мы, великій государь, указал тѣ рыжики принять, а тебя, богомольца нашего, за то ми лостиво похваляемъ; писанъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ нашихъ царскихъ палатахъ, лѣта 7179 марта въ 8 день" [1])

Кромѣ писемъ, къ документамъ или грамотамъ можн причислить и публичные и частные акты.

Понятіе о документѣ въ вышеуказанномъ широкомъ смыслѣ получаетъ уже нѣкоторую дальнѣйшую квалификацію, есл связывать его съ извѣстнымъ содержаніемъ, въ особенност дѣловымъ. Въ такомъ смыслѣ документомъ называется, на примѣръ, бумага, касающаяся фактической дѣятельност какого-либо учрежденія или лица. Сюда можно отнести напримѣръ, дѣловыя письма, росписи и описи имущества тому подобные документы, никѣмъ не засвидѣтельствованные таковы, напримѣръ, письмо архіепископа Вологодскаго Мар келла думному дворянину Ивану Аѳанасьевичу Гавреневу с увѣдомленіемъ о покупкѣ, по его порученію, соли и об отправкѣ ея въ Москву, 1653 года; „роспись архіепископ лихъ селъ Стефановскаго, Григорьевскаго, Цыбоева, что в которомъ селѣ высеяно въ поляхъ овса и ячменя и пше

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VI, № 27. Ср. *М. Курдюмовъ*, Описаніе коллекц П. И. Савваитова, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. 27 (1915 г.), №№ 960 и 100

ицы", при посельскихъ старцахъ Антоніѣ и Аѳанасіѣ, 685 года; извѣстная опись книгамъ Спасской библіотеки 690 года и т. п. [1]).

Въ менѣе широкомъ и болѣе опредѣленномъ смыслѣ подъ окументомъ слѣдуетъ разумѣть историческій остатокъ съ орматывнымъ, въ особенности съ правовымъ содержаніемъ, ри чемъ оно облекается обыкновенно въ закрѣпляющую го письменную форму. Такой нормативный характеръ обнаруживается, напримѣръ, въ особаго рода документахъ, называемыхъ „прощальными грамотами": хотя онѣ и составлялись уховными лицами на случай смерти и выражали какъ бы ослѣднюю ихъ волю, однако, ихъ нельзя причислить къ ктамъ, извѣстнымъ подъ наименованіемъ духовныхъ: „прощальныя грамоты" или „завѣты" состоятъ изъ нравственыхъ наставленій, преподанныхъ духовными лицами своей аствѣ и, въ сущности, не содержатъ никакихъ имущественыхъ распоряженій; таковы, напримѣръ, прощальныя грамоты итрополитовъ Кипріана 1406 г., Іовы 1461 г. и т. п. [2])

Нормативный характеръ проявляется еще яснѣе въ докуентахъ съ правовымъ содержаніемъ. Таково, напримѣръ, письмо князя Дмитрія Петровича Львова архіепископу Вологодскому и Великопермскому Маркеллу 1653 года, съ препровожденіемъ тридцати червонцевъ на поминъ души дяди его, князя Алексѣя Михаиловича Львова, и родителей его и съ просьбою дозволить ему, князю Дмитрію, невозбранно ходить въ церковь на Московскомъ архіерейскомъ подворьи" [3]). Вышеприведенное письмо, какъ видно, довольно близко подходитъ къ вкладной, хотя и не имѣетъ ея формальнаго вида.

---

[1]) А. Ю. Б., т. III, № 320. *М. Кудрюмовъ*, Опис. коллекціи П. И. Савваитова, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. 27 (1915 г.), № 351.

[2]) А. Ю. № 428. А. Ю. Б., т. I, № 83. П. С. Р. Л., т. XXI, с. 441. Библіогр. Лѣтоп., в. III, с. 167. *І. Вѣрюжскій*, Историческія сказанія о жизни святыхъ подвизавшихся въ Вологодской епархіи, Вологда 1880 г., сс. 385—386: „завѣтъ" преподобнаго Иннокентія Комельскаго († 1521 г. марта 19).

[3]) *М. Кудрюмовъ*, Описаніе коллекціи П. И. Савваитова, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. 27 (1915 г.), № 294.

Въ виду того, что терминъ „документъ“ можетъ имѣть нѣсколько разнообразныхъ значеній, приходится или каждый разъ оговаривать то изъ нихъ, которое придается ему въ данномъ случаѣ, или, подвергнувъ его дальнѣйшей квалификаціи, пользоваться другимъ болѣе опредѣленнымъ терминомъ для ея обозначенія. Такое ограниченіе легко сдѣлать, если принять во вниманіе лишь тотъ видъ документовъ, которые имѣютъ правовое значеніе: документы или „грамоты“ съ правозначущимъ содержаніемъ, т. е. такіе, которые облекаютъ извѣстное правоотношеніе — правительственное постановленіе или юридическую сдѣлку — въ письменную форму, можно называть актами въ широкомъ смыслѣ. Сюда относятся даже памятники законодательства, въ родѣ, напримѣръ, Новгородской судной „грамоты“, Псковской судной „грамоты“ и т. п., и, во всякомъ случаѣ, болѣе спеціальные виды актовъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ: жалованныхъ, тарханныхъ, несудимыхъ, правыхъ или же купчихъ, мѣновныхъ, рядныхъ, духовныхъ [1]) и т. п.

§ 2. Акты съ освѣдомительнымъ и акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ.

Въ составѣ актовъ слѣдуетъ различать акты съ декларативнымъ или освѣдомительнымъ характеромъ и акты съ конститутивнымъ или удостовѣрительнымъ характеромъ.

Актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ имѣетъ меньшее правовое значеніе, чѣмъ актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ. Актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ служитъ главнымъ образомъ, для показанія о состоявшемся правоотношеніи; онъ пишется для запечатлѣнія въ памяти тѣхъ дѣйствій или событій, которыя породили его. Актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, напротивъ, является основаніемъ для признанія правоотношенія состоявшимся; онъ пишется

[1]) А. Э., т. I, № 92 (ст. 41). Псковская Судная Грамота, изд. Археогр. Ком. СПб. 1914, с. 1.

для закрѣпленія тѣхъ элементовъ или условій, изъ которыхъ оно состоитъ. Въ самомъ дѣлѣ, актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ есть письменное показаніе о такомъ правоотношеніи, которое уже произошло въ дѣйствительности и совершеніе котораго онъ долженъ, въ случаѣ нужды, обнаружить, облегчивъ его доказательство черезъ посредство опроса и присяги свидѣтелей того, что происходило, и составителей акта, если они упомянуты въ немъ. Актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, напротивъ, есть письменное свидѣтельство, на основаніи котораго правоотношеніе устанавливается во всей полнотѣ его юридическаго значенія и безъ котораго оно не можетъ быть признано дѣйствительнымъ. Въ связи съ указаннымъ различеніемъ актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ получаетъ обыкновенно иную форму, чѣмъ актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ: тѣснѣе связанный съ бытомъ, нѣмъ съ правомъ, актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ составляется въ болѣе свободной формѣ, чѣмъ актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ; послѣдній, напротивъ, требуетъ возможно болѣе точной и строгой формулировки. Естественно, что при такихъ условіяхъ актъ, смотря по принадлежности его къ тому, а не иному виду, особенно частный, играетъ различную роль и въ судебномъ процессѣ: актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ, будучи не удостовѣреннымъ, можетъ быть пригоднымъ для судебнаго разбирательства, но не въ качествѣ судебнаго доказательства; актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, напротивъ, имѣетъ юридическую силу и становится, съ теченіемъ времени, важнѣйшимъ судебнымъ доказательствомъ [1]).

---

[1]) *I. Ficker*, Beiträge zur Urkundenlehre, Innsbruck 1877, Bd. 1, SS. 60-63, 226-266, 340-345. *O. Posse*, Die Lehre von Privaturkunden, Lpz. 1887, SS. 66-75, 82-84; вообще, слѣдуя примѣру Зиккеля (Acta reg. et imp. Karol. 1, 2), авторъ придаетъ термину „Urkunde“ значеніе, аналогичное съ тѣмъ, какое у насъ приписывается термину „актъ“, и, наоборотъ, сближаетъ актъ съ notitia (см. ниже). Кири, напротивъ, признаетъ терминъ актъ „наиболѣе всеобъемлющимъ изъ всѣхъ, которые можно употреблять для обозначенія совокупности дипломатическихъ источниковъ“; см. *A. Giry*, Manuel de diplomatique, Par. 1894. p. 10; но такое новоупотребленіе едва-ли соотвѣтствуетъ тому, которое принимаютъ, напримѣръ,

Въ западно-европейской дипломатикѣ подобное различіе проводилось, впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ колебаній и отразилось въ болѣе или менѣе устойчивой терминологіи: освѣдомительный актъ извѣстенъ былъ подъ наименованіемъ „notitia", notice или memoratorium (Beweisurkunde), удостовѣрительный актъ—подъ наименованіемъ carta (charte, Geschäftsurkunde), хотя значеніе такихъ терминовъ не всегда было одинаковымъ, и различіе между ними оставалось довольно текучимъ [1]).

Въ нашей старинной дѣловой практикѣ нѣкоторое различіе между освѣдомительнымъ актомъ и удостовѣрительнымъ актомъ, вѣроятно, намекающее на послѣдовательное развитіе ихъ во времени, также обнаружилось, по крайней мѣрѣ, отчасти, хотя соотвѣтствующая ему терминологія далеко еще не установилась.

Впрочемъ, освѣдомительный актъ часто назывался, подобно средневѣковой „notitia"—„memoratorium"—„памятью".

Въ приказномъ дѣлопроизводствѣ, по крайней мѣрѣ позднѣйшаго времени, „память" отличалась, напримѣръ, отъ „указа": въ 1677 году „великій государь указалъ изъ Розряду во всѣ приказы, гдѣ по его великаго государя указу сидятъ думные люди, въ памятѣхъ писать къ нимъ указомъ, а памятьми къ нимъ ни къ кому не писать" [2]).

составители „Французскихъ Пандектъ", говоря объ „actes authentiques", „actes de l'état civil", „actes notariés" и т. п.; см. Pandectes françaises de *M. Rivière* et *R. Fremont*, Par. 1886, t. 1, pp. 483, 552, 647. Англійское выраженіе „act" обыкновенно служитъ для означенія декрета, исходящаго отъ какого-либо законодательнаго учрежденія, парламента и т. п. Вышеупотребляемые термины: „актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ" и „актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ" указываютъ лишь на характерный признакъ каждаго изъ видовъ, что не исключаетъ нѣкотораго смѣшенія ихъ въ дѣйствительности; ниже тѣ же виды называются сокращенно: освѣдомительными и удостовѣрительными актами.

[1]) *H. Brunner*, Carta und Notitia, въ Festgabe für Mommsen, Berl. 1877 Ср. его же, Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunden. Berl. 1880, Bd. I, SS. 8-17, 211-244.

[2]) П. С. З., т. II, № 677 (1677 г. февраля 23). Г. Шумаковъ пришелъ къ заключенію, что „память"—одинъ изъ „прихотливѣйшихъ и неустойчивѣйшихъ древнерусскихъ юридическихъ терминовъ", но самъ онъ отмѣчаетъ, по крайней мѣрѣ для частной памяти, весьма существенные признаки, на которые будетъ указано ниже; см. *С. Шумаковъ*, Обзоръ грам. Кол. Экон., в. IV, с. 1.

Освѣдомительный характеръ „памяти“ въ области пуличнаго права, дѣйствительно, обнаруживался иногда довольно наглядно. Присутственныя мѣста сносились между собой по поводу тѣхъ или иныхъ состоявшихся указовъ или распоряженій правительства при помощи „памятей“: государевы указы и боярскіе приговоры, напримѣръ, вносились въ указныя книги нерѣдко по „памятямъ“, которыя дьяки присылали въ соотвѣтствующіе приказы. Одинъ изъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Москву въ серединѣ 1650-хъ годовъ, разсказываетъ, напримѣръ, что царю „докладываютъ всѣ прошенія (челобитчиковъ), читая ихъ передъ нимъ“: „на какихъ пожелаетъ, онъ [?] дѣлаетъ надпись, чтобы было исполнено“; челобитныя передаются въ особый приказъ, куда челобитчики являются справиться о нихъ; если на. челобитной „сдѣлана надпись объ исполненіи, то онъ идетъ съ нею къ визирю въ Посольскій приказъ и подаетъ ее ему, и тотъ, сдѣлавъ на ней надпись, передаетъ одному изъ секретарей, который пишетъ по ней память, т. е. записку государственному казначею, чтобы онъ выдалъ тому человѣку то-то, согласно приказанію царя, съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа“ [1]).

Такой же порядокъ соблюдался и относительно царскихъ указовъ: по случаю „состоятельнаго 208 года указу“ о писаніи крѣпостей, напримѣръ, велѣно было „о состояніи того нашего великаго государя указу послать памяти и съ статей списки во всѣ приказы и Ратушу...“ [2]). Аналогичная формула установилась и для сношеній присутственныхъ мѣстъ или органовъ правительственной власти между собою. „Наказныя памяти“ XVII вѣка обыкновенно начинались словами: „по государеву цареву и великаго князя указу память“ такому то должностному лицу объ исполненіи того-то, причемъ

---

[1]) *Павелъ Алеппскій*, Путешествіе патріарха Макарія въ Россію, пер. Г. Муркоса. въ Чт. М. О. И. и Др. 1898 г., кн. IV. сс. 142-143. Если понимать приведенное извѣстіе въ томъ смыслѣ, что самъ царь писалъ свои резолюціи на челобитныхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ видѣ общаго правила, оно невѣрно; возможно, что здѣсь рѣчь идетъ о докладчикѣ.

[2]) П. С. З., т. IV, № 1833.

ногда дополнительно дѣлалась ссылка и на „приказъ“ во-
оды, напримѣръ: „лѣта 7143 маія 29 день, по государеву
цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи
казу и по приказу [соликамскаго] воеводы Захарья Гри-
орьевича Шишкина память въ Ужгинской погостъ земскимъ
юдемъ, судейкѣ Поспѣлкѣ Васильеву съ товарыщи“ пред-
исываетъ имъ „сыскать“ Микитку Агаѳонова, знающаго,
дѣ въ Ужгинскомъ уѣздѣ „Чюцкіе люди дѣлывали оловян-
ую руду“ и водится краска, и послать его туда вмѣстѣ съ
вумя посадскими людьми „для государева дѣла“ и т. п. [1])
Такимъ же характеромъ отличались и тѣ подписанныя дья-
ками „приставныя памяти“, которыя, въ видѣ предвари-
наго увѣдомленія судьи о вчинаніи иска, подавались истцами
а своими руками и по которымъ пристава сыскивали отвѣт-
иковъ, давали ихъ на поруки и къ суду срочили ихъ без-
олокитно, напримѣръ, „память приставу“ о дачѣ ему на по-
руки Якова Еропкина въ насильственномъ владѣніи и поль-
зованіи землей Ѳедора Микулаева, конца XVII вѣка и др. [2]).
Въ видѣ „памятей“, наконецъ, могли составляться и „правыя“,
напримѣръ, та, которая была выдана земскимъ судьей Алек-
сѣемъ Самойловымъ Подвинской чети Селецкой волости цер-
ковному старостѣ Богдану Травникову и всѣмъ крестьянамъ,
1654 года; она сообщала о томъ, что

„по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаи-
ловича всеа Русіи указу и по грамотѣ и по другой

---

[1]) Уложеніе, X, 142; XVIII, 46 и др. А. Ю. № № 351-352, 354-357. А. Ю. Б., т. II, № № 230 XI; 233. А. И., т. III, № № 232, 236. А. Г. Р., т. II, № 115, с. 31. Р. И. Б., т. XII, ст. 571. Наказныя памяти получали иногда характеръ инструкцій; см. Уложеніе, XXI, 4; ср. А. Ю. № 336; Р. И. Б., т. XIV, ст. 41 233, 327. Памяти по разнымъ дѣламъ см. въ А. Ю. № 347.

[2]) Уложеніе, X, 100, 137, 139 и др. А. Ю. № № 55, 56. А. Ю. Б., т. II, № 235. Ср. *Г. Котошихинъ*, О Россіи, VII, 37-40. Значеніе „доѣзжей памяти“ (ср. Уложеніе, X, 120 и 141) выясняется хотя-бы изъ слѣдующаго текста: „и по ихъ де испову челобитью ись приказу Большого Дворца посланъ по наказу отъ мѣста подъячей для досмотру порченыхъ гранныхъ признакъ и досмотру своего доѣзжую память онъ, подъячей, за руками окольныхъ людей и за своею рукою въ приказѣ Большого Дворца подалъ“. См. А. Г. Р., т. II, № 177, ст. 727. Р. И. Б., т. XII, ст. 707; ср. еще Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 76, ст. 79.

святительской грамотѣ, земской четвертной судья Алексѣй Самойловъ отвелъ, по прежней государевѣ грамотѣ блаженные памяти государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и по воеводцкой отводной памяти воеводы Степана Стрешнева да Еуѳимья Филатова, и по нынѣшней государевѣ грамотѣ и по святительской [т. е. патріарха Никона] нарейку Островки, Анятокъ тоже [взятую въ тягло себѣ крестьяниномъ той же чети Заостровской волости Васкою Зыковымъ], отвелъ и велѣлъ владѣть въ церкви Ильи пророка причетникомъ попрежнему..., а Васкѣ Зыкову въ той землѣ отказалъ владѣть и вступатца не велѣлъ".

Эта „правая память" была написана, какъ видно, по состоявшемся, на основаніи царскихъ и святительскихъ грамотъ, отводѣ спорной земли, занятой Васькой Зыковымъ, прежнему ея владѣльцу—церкви Ильи пророка [1]).

Въ области частнаго права актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ также отличался отъ акта съ удостовѣрительнымъ характеромъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, впрочемъ, далеко не всегда ясно установленныхъ.

Въ древней нашей письменности уже существовали, напримѣръ, термины: „доска" и „память", подъ которыми могли скрываться и освѣдомительные акты.

Въ самомъ дѣлѣ, термину „доска" (дъска, πίναξ, tabula), кромѣ буквальнаго смысла, придавали еще и другіе, которые позволяютъ сближать ее съ документомъ. Въ средніе вѣка обычай писать на досчатыхъ (или рѣже изъ слоновой кости) табличкахъ, покрытыхъ слоемъ воска, былъ очень распространеннымъ и продолжалъ переживать даже въ позднѣйшее время: онѣ преимущественно служили для временныхъ замѣтокъ, въ особенности для записыванія счетовъ. Въ такомъ же смыслѣ тотъ же терминъ употреблялся и въ нашей древней пись-

---

[1]) А. Ю. Б., т. II, № 234. Можно было выдавать память въ пріемѣ другой памяти, о чемъ см. тамъ-же, т. II, № 236. Въ XVIII вѣкѣ вмѣсто термина „память" стали употреблять соотвѣтствующій ей терминъ „промеморія"; ср. Записку о сношеніяхъ правительственныхъ мѣстъ, въ Гос. Арх. XVI, 170, п. 2.

ценности, хотя-бы, напримѣръ, въ Кормчей книгѣ 1100 года, которая при изложеніи правилъ Трульскаго вселенскаго собора упоминаетъ о „писаныхъ на дъскахъ“ (ἐν πίναξιν, in tabulis); Никифоръ, митрополитъ кіевскій, въ своемъ посланіи къ Володимеру Всеволодовичу, говоря о Моисеѣ, писалъ: „сшедъ съ горы, яже ношаше дъскы законныя (т. е. скрижали завѣта), съкроуши“ и т. п. Далѣе, терминъ „доска“ употреблялся также въ смыслѣ: „писаніе“, „напись“, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ выраженій въ Патерикѣ Синайскомъ XI вѣка: „обрѣтохомъ-же на немъ и дъски написаны тако: оумьрохъ азъ“ (πτυκία γεγραμμένα οὕτως, chartam inscriptam); или въ выпискахъ Ѳедора Студита изъ Кормчей XIII вѣка: „иже обрящется въ доскахъ написано ино что книжно и лексиконъ и къ брату написаніе какому, развѣ тому-же учится стихерамъ или сѣдилнамъ, да отлучится три дня“. Наконецъ, подъ доскою разумѣли иногда и письменный документъ: въ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку мы читаемъ, напримѣръ, подъ 6717 годомъ, при описаніи расправы, учиненной новгородцами надъ посадникомъ Дмитріемъ и его братьей: „А Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житіи ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъкъ роздѣлиша..., а что на дъщькахъ, а то князю оставиша“; и ниже: „тъгда даша посадьництво Твьрдиславу Михалковицю, и даша дъщкы Дмитровы Святославу: а бяше на нихъ (въ спискѣ Археографической Комиссіи XV вѣка прибавлено: „писано“) бещисла“. Въ Суздальской лѣтописи тѣ же событія подъ тѣмъ же годомъ разсказаны слѣдующимъ образомъ: „И дворъ его и села пограбиша, а что ся на дъскахъ остало въ письмѣ, а то все князю“; и „приде въ недѣлю мясопустную, и даша князю дъскы Дмитровы, а бяше на нихъ богатества бесъ числа“ [1]).

---

[1]) *W. Wattenbach*, Das Schriftwesen in Mittelalter, 2 Aufl, SS. 44-74. *И. Срезневскій*, Матеріалы, т. I, ст. 761-762. Авторъ „Матеріаловъ“ оставилъ безъ вниманія текстъ изъ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку; см. изд. Археогр. Ком., С.-Пб. 1888 г., с. 191. Іосифъ Волоколамскій въ X главѣ своего

Итакъ, можно думать, что въ старину терминомъ „доска" означали также „писаніе" или документъ, который могъ имѣть характеръ и освѣдомительнаго акта.

Уже въ древности, наряду съ терминомъ „доска", стали употреблять другое выраженіе, получившее довольно широкое распространеніе въ позднѣйшее время: въ переводѣ одного изъ словъ Григорія Назіанзина, по списку XI вѣка, греческій терминъ „ὑπόμνημα" передается словомъ „память", въ смыслѣ „напоминанія" о чемъ-либо; то же выраженіе могло означать и записку для памяти, что видно хотя-бы изъ слѣдующаго текста твореній Кирилла Туровскаго XII вѣка: „да нелзѣ ся ихъ запрети, понеже лѣта и мѣсяци, и времена, и дни, и часы, и праздници съ памятью имуть исписаны, съгрѣшихомъ когда" [1]). Позднѣе терминъ „память" получилъ нѣкоторое примѣненіе и для означенія актовъ съ освѣдомительнымъ характеромъ.

Впрочемъ, въ старинномъ нашемъ законодательствѣ акты съ освѣдомительнымъ характеромъ, вѣроятно, причислялись къ домашнимъ актамъ, которые противополагались актамъ публично засвидѣтельствованнымъ. Наиболѣе развитый изъ ста рѣйшихъ памятниковъ подобнаго рода—Псковская Судная Грамота противополагаетъ „доску" или актъ, повидимому, еще не облеченный въ надлежащую форму, вѣроятно, публично не засвидѣтельствованный, записи, которая, по крайней мѣрѣ, судя по одной изъ ея статей, оказывается актомъ „положеннымъ въ ларь" Св. Троицы, т. е. публично засвидѣтельствованнымъ. Здѣсь мы читаемъ:

„А кто положитъ доску на мрътваго о зблюденъи, а иметъ искати на приказниковъ того соблюденіа, сребра или платіа, или круты, или иного чего животнаго, а тотъ оумрѣшей съ поряднею, и рукописаніе оу него

става упоминаетъ о книгахъ, писанныхъ на берестѣ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ. Въ Публичной Библіотекѣ, по словамъ митр. Евгенія, есть расписи VII-XVIII в. на берестѣ (Труды Имп. Общ. Ист. и Др., ч. III, сс. 26 27). О книгахъ, писанныхъ на берестѣ въ Сибири, еще въ XVIII вѣкѣ (1776 г.), см. П. С. З., т. XX, № 14538. Ср. еще *К. Неволинъ*, Сочиненія, т. IV, с. 50.

[1]) *И. Срезневскій*, Матеріалы, т. II, ст. 871-873.

написано и въ ларь положено; ино на тыхъ приказникохъ не искати чрезъ рукописаніе, ни зсудіа безъ закладa и безъ записи, и на приказникахъ не искати ничего; а толко будетъ закладъ, или запись, ино волно искати по записи. І и кто животомъ владѣетъ по записи, или по закладу, а оу приказниковъ умрѣшаго, а не будетъ заклада, ни записи оумрѣшаго на кого, ино имъ не искати ничегожъ, ни съ суділ, ни торговли, ни збліоденіа, ничегожъ“ [1]).

Аналогичное противопоставленіе между „доской“ и записью Псковская Судная Грамота проводитъ и въ другихъ статьяхъ: онѣ касаются долговыхъ обязательствъ, допускаемыхъ по „доскамъ“ лишь въ размѣрѣ не болѣе рубля и, въ противномъ случаѣ, заключаемыхъ съ записью; различаетъ обязательства, принятыя на себя „изорниками“ по доскамъ и по записямъ, которыя, въ такихъ случаяхъ, однѣ только признаются судебными доказательствами, и т. п. [2]). Въ Московской практикѣ подобное же различіе проводилось, преимущественно, между „письмомъ“ или „памятью“ и „крѣпостью“. Уложеніе, напримѣръ, противопоставляетъ „письма“ или „памяти“—„крѣпостямъ“: говоря о холопахъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, оно отказываетъ въ искѣ, основанномъ на одной только „грамоткѣ“ или на „письмѣ“, а не на кабалѣ, въ слѣдующей статьѣ:

„А которой человѣкъ живетъ у кого бескабально, а грамотѣ онъ умѣетъ, и учнетъ тотъ человѣкъ во всякихъ писмахъ писатися холопомъ того человѣка, у кого онъ живетъ бескабально, а послѣ того онъ у того человѣка жити не похочетъ, и отшедъ отъ него дастъ кому иному служилую кабалу, и тотъ человѣкъ крѣпокъ тому, кому онъ дастъ на себя кабалу. А будетъ тотъ у кого онъ жилъ бескабально до тоя кабалы учнетъ на него

[1]) Псковская Судная Грамота, изд. Археограф. Ком., С.-Пб. 1914, ст. 14. Ср. выраженіе „закладная доска“, тамъ же, ст. 28.

[2]) Псковская Судная Грамота, ст. 14, 19, 30, 75, 93; ср. еще ст. 28—29 нѣкоторыя исключенія въ пользу торговыхъ оборотовъ—въ ст. 38; ср. ст. 103.

бити челомъ, и станетъ его уличать по грамоткамъ рук его, и ему отказать, потому безъ кабалы держать н велѣно. А что онъ въ писмахъ писался холопомъ тог человѣка, у кого онъ жилъ бескабально, и тѣхъ писем такимъ людемъ въ крѣпости не ставить“ [1]).

Аналогичное же различіе Уложеніе проводитъ, главным образомъ, между „памятями“ и „крѣпостями“; впрочемъ различіе это носитъ нѣсколько случайный характеръ и обна руживается здѣсь менѣе рельефно, чѣмъ въ Псковской Суд ной Грамотѣ, хотя бы въ слѣдующей статьѣ:

„А вотчинные и дворовые купчіе, и закладные и даные, и иные всякіе крѣпости въ большихъ дѣлѣхъ всякихъ чиновъ людемъ, велѣть на Москвѣ и въ городѣхъ писати, и въ послусѣхъ писатися, на площади площадным подьячимъ. А въ селѣхъ и въ деревняхъ и по подворьямъ, такихъ крѣпостей въ большихъ дѣлѣхъ, опричь сговорныхъ свадебныхъ записей и духовныхъ и заемныхъ памятей никому не писати“ [2]).

Такое различіе отчасти проводилось не только въ законѣ, но и на практикѣ: въ гражданскомъ оборотѣ того времени можно также отмѣтить акты съ освѣдомительнымъ характеромъ, отличные отъ удостовѣрительныхъ: такой характеръ ихъ обнаруживается довольно наглядно въ нѣкоторыхъ изъ сохранившихся намъ образцовъ.

Въ одномъ изъ сборниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря мы встрѣчаемъ, напримѣръ, (въ спискѣ) слѣдующую данную“, относящуюся, можетъ быть, къ XIV вѣку:

„Княж Федоровъ Бѣлозерского боярин былъ Семен

---

[1]) Уложеніе, XX, 18

[2]) Уложеніе, X, 250. Уложеніе упоминаетъ также о другихъ крѣпостяхъ, примѣръ, о духовныхъ и о крѣпостяхъ на холоповъ; оно говоритъ и о запи ахъ: сговорныхъ и рядныхъ, жилыхъ и порядныхъ, поступныхъ и заемныхъ, ручныхъ и третейскихъ, а также мировыхъ, которыми мировая сдѣлка „укрѣп ется“; см. Уложеніе, XV, 1 и 2; XX, 21, 32 и 61. Въ дѣловой практикѣ того емени одинъ и тотъ же актъ назывался иногда и „памятью“ и „записью“— А. Ю. Б., т. I, № 112, Ш. Ср. еще „Сотницы, грамоты и записи“ *С. Шума ва*, М. 1904 г., в. Ш. сс. 114—116.

Баба в Чюровскихъ а тѣ пожни были того боярина Семена и у того Семена женился Иванъ Есипль с-Ирдомы и тѣ пожни далъ в приданых и на того Ивана ударила бѣда и тот Иванъ тѣ пожни продалъ попу Савѣ Ирдомскому и у того попа отрода не было и его попад(ь)я Настас(ь)я велѣла тѣ пожни дати в Кирилов монастырь по своихъ душахъ“ [1]).

Аналогичнымъ, хотя и нѣсколько болѣе опредѣленнымъ арактеромъ отличается купчая Ивана Евсевіева, писанная) 1427 года, слѣдующаго содержанія:

„Се яз Кирило игумен купил есмь у Иван у Евсѣвиева сна въ дом Прчстыи Бци и чстнаго Ея успенія и своеи брати и кто будет по мнѣ игумен землю Захарьиньскую со всѣми оучясткы, что потянуло къ тои земли, и с пожнями и куды топорь ходил и куды коса ходила, и с наволоком с Зоринъским, что на Порозобицѣ на рѣки“ [2]).

Нѣсколько болѣе развитымъ представляется намъ актъ ъ отдачѣ Иваномъ Лихаревымъ Николаевскому Корельскому монастырю части сугреба разсолу въ варницѣ на еликихъ мѣстахъ; приведемъ его полностью:

„Лѣта 7000 шестьдесятъ шестаго по духовной грамоте после своего живота Иванъ Есиповъ сынъ Лихарева по души по своеи подписалъ в манастырь в Корельское к Николы чудотворцю в домъ на Великихъ мѣстѣхъ вь Григорьевской варницы Кологривова по Иванову письму Заболоцкаго с товарыщы росолу четверть другонатцатого сугреба; а в сябрѣхъ та четверть с Терентиемъ да с Семеномъ з Григорьевыми дѣтьми Кологривова и зс Кѵриломъ с Орломъ и с Туѳаемъ с-Ивановыми дѣтьми Дороѳѣева. А тѣмъ росоломъ владѣти строителю Кѵрьяку з братиею по духов-

[1]) Сборн. актовъ Кирилло - Бѣлозерскаго монастыря, рукоп. С.-Пб. Духовой Академіи А $^{7}/_{16}$ л. 313. Изъ Бѣлозерскихъ князей съ именемъ Ѳедора звѣстны: Ѳедоръ Михайловичъ (1293—1314 г.г.) и Ѳедоръ Романовичъ (1375—380 г.г.).

[2]) *Д. Мейчикъ*, Грамоты XIV и XV в.в. Моск. Арх. Мин. Юст., М. 1883, с. 120.

ной по Иванове. А поминати имъ Ивана да Осиф да Дарию скимницу да Ивана“ [1]).

Акты подобнаго рода, какъ видно, имѣютъ скорѣе осв домительный характеръ: во всякомъ случаѣ они могутъ бы лишены удостовѣрительной части. Дѣйствительно, больши ство частныхъ „памятей“ обыкновенно писалось безъ п слуховъ. Съ такой точки зрѣнія любопытны два акта, с ставленные однимъ и тѣмъ же лицомъ, вологжанино Петромъ Александровымъ, и касающіеся одного и того ж предмета, а именно, выкупа его изъ неволи, 1664 г.: одн изъ нихъ названъ „памятью“ и не содержитъ никаки указаній на послуховъ; другой именуется „записью“ и з свидѣтельствованъ двумя послухами [2]). Встрѣчаются и так „памяти“, въ которыхъ нѣтъ указаній ни на писца, ни н дату, напримѣръ, „память“ Меньшого Иванова сына Лих рева объ отказѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь е „сестрой“ Евфимьей Андреевой дочерью Лихарева ея деревн Алашмана и пустоши Михайловской, относящаяся, судя п косвеннымъ даннымъ, приблизительно къ серединѣ XVI вѣк Форма памяти слѣдующая: „Память Меньшому... Приказал ему сестра... отказати въ домъ... деревню... да пустошь. А пожаловати имъ написати въ сенаникъ“ такихъ-то лиц На оборотѣ подпись Меньшого Иванова сына Лихарева [3]).

Аналогичное значеніе, вѣроятно, имѣли тѣ „памяти“ которыя, въ сущности, должны были напоминать о других удостовѣренныхъ актахъ. По случаю женитьбы на Настас Ѳедоровнѣ Плещеевой князь Иванъ Васильевичъ Оболенск заключилъ, напримѣръ, съ ея матерью Аксиньей Оедоровно рядную, въ 1514 (7022) году, и „взялъ ее къ себѣ“; в совершеніи сдѣлки былъ, однако, заинтересованъ еще какой-т „Дмитрей“; князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ написать „па мять съ рядные“ „человѣку“ Ивана Григорьевича Собакин

---

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 155.

[2]) Извѣстія С.-Пб. Археологическаго Общества, т. IV (1863 г.), ст. 372 *С. Шумаковъ*, Обзоръ, в. IV, с. 1.

[3]) *С. Шумаковъ*, Обзоръ, в. II, с. 5.

„Слѣпому“ и далъ „память съ рядные“ Дмитрею, присовокупивъ: „а какъ будетъ надобна [подлинная рядная?], и мнѣ ее дати Дмитрею“ [1]). Впрочемъ, частныя памяти играли иногда роль предварительныхъ или дополнительныхъ актовъ. Въ видѣ примѣра приведемъ хотя бы „память“ властей Клоновскаго монастыря въ полученіи ими части вклада Петра Отуфьева, 1618 года марта 13 дня, слѣдующаго содержанія:

„Память Клоновскаго монастыря свещенику Митрофану... [далѣе перечисленіе остальныхъ монастырскихъ властей] и всей братіи Клоновского монастыря. Положилъ вкладомъ Пречистые Богородицы Похвалы да Николы Чюдотворцу (sic) въ Клоновской монастырь Петръ Отуфьевъ сынъ Шенкурского стану Поцкіе волостки сѣдло да кафтанъ за пол-третья рубли, да денегъ пол-четверта рубли, а достали донести четыре рубли. А какъ тотъ Петръ донесетъ досталь, и намъ ему дати вкладная, а паметь у нево выняти. Въ томъ ему и паметь дали. А паметь писалъ манастырской дьячекъ Семейка Онисимовъ лѣта 7126 марта въ 13 день“.

На оборотѣ той же памяти значится:

„Къ сей памяти черной попъ Митрофанъ и въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто и въ братіи всей руку приложилъ“ [2]).

Память о вкладѣ здѣсь, какъ видно, противополагается въ качествѣ предварительнаго акта (снабженнаго уже, впрочемъ, подписью самого вкладопринимателя) вкладной, которая должна была имѣть значеніе окончательнаго удостовѣрительнаго акта.

Возьмемъ другой примѣръ, указывающій, можетъ быть, на дополнительную роль, какую могла играть память. Въ

[1]) Акты М. Дьяконова, в. II, № 2. Ср. еще „память з духовные грамоты“ князя Михаила Васильевича Горбатого; духовная была явлена митрополиту Даніилу въ 7043 году іюля 17; „память з духовные“ помѣчена 7044 годомъ; см. Владимірскій Сборникъ К. Тихонравова, сс. 128—130.

[2]) Р. И. Б., т. XIV, ст. 323 — 324. Г. Шумаковъ указываетъ еще и на то, что первоначальный набросокъ „записи“ назывался иногда памятью; см. *С. Шумаковъ*, Мѣна, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1906 г., ноябрь, с. 126.

одномъ изъ актовъ Гледенскаго монастыря, вѣроятно, 1630-хъ годовъ, мы читаемъ:

„Се язъ Торопъ да Артемей порядилися есмя у Троицкихъ старцовъ на Вотложмѣ въ Заболоцкую деревню на ихъ треть, а порука по Торопѣ да по Артемьѣ Микифоръ Наумовъ сынъ Тарасовыхъ да Калина Алексіевъ сынъ кузнецъ, крестьяня Вотложемскіе волости. А послухи велили ся писать: Архипъ Дементьевъ сынъ серебреникъ да Василей Митрофановъ сынъ Щеткинъ. Сію памятцу писалъ Суря Оѳѳоновъ Мокрецевъ".

Одинъ изъ новѣйшихъ извѣстныхъ ученыхъ называетъ вышеприведенный актъ порядной, причемъ самъ отмѣчаетъ „поразительную ея краткость" и добавляетъ: „очевидно, что такая запись могла подтвердить лишь наличность договора о поселеніи, самыя условія котораго опредѣлялись словесно, согласно мѣстнымъ условіямъ". Самъ актъ называетъ себя, однако, „памятцой", а не порядной записью, что и объясняетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, ея отличіе отъ порядной записи, имѣвшей силу крѣпости" [1]).

Можно указать и на такія „памяти", которыя имѣли значеніе домашнихъ актовъ и, напримѣръ, называли себя „отписями", т. е. росписками, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго акта:

„Память мнѣ, Ивану Петрову сыну Неклюдову. Взялъ я, Иванъ, у Михайловыхъ крестьянъ Соловцова съ трехъ дымовъ, да у Исаевыхъ крестьянъ Неклюдова съ четырехъ дымовъ, да у Даниловыхъ крестьянъ Неклюдова съ дву дымовъ, государевъ запасъ рожь и сухарей, нынѣшняго 172 году, по два четверика съ дыму, и отвести мнѣ Ивану тотъ государевъ запасъ въ Вязьму и отдать въ государеву казну. Да я жъ, Иванъ, взялъ и своихъ крестьянъ Государевъ запасъ съ трехъ

[1]) Р. И. Б., т. XIV, ст. 948 — 955. *М. Дьяконовъ*, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, изд. 4-ое, с. 317. „Памятца" могла быть присоединена къ порядной 1634 года по случаю перевода всего поряда на Торопа Ворачева, въ 1639 году.

дымовъ, и мнѣ Ивану тотъ весь запасъ отдать въ государеву казну въ Вязьмѣ и убытку никакаго не довесть. А взялъ я тотъ запасъ съ деревни Лушпомры; въ томъ я, Иванъ, и отпись далъ. А отпись писалъ Михайловъ человѣкъ Васильевича Симонова Якушко Михайловъ“ [1]).

Акты съ освѣдомительнымъ характеромъ, извѣстные подъ наименованіемъ „памятей“, отличались, какъ видно, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени, отъ актовъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, въ особенности тѣхъ, которые назывались „указами“ и „крѣпостями“. Примѣромъ удостовѣрительнаго акта можетъ служить любая великокняжеская или частная грамота, надлежащимъ образомъ удостовѣренная: древнѣйшая изъ сохранившихся въ подлинникѣ пергаминная грамота великаго князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславовича Юрьеву монастырю, 1130 года; купчая Антонія Римлянина, писанная въ 1147 году, но извѣстная лишь въ спискѣ, свидѣтельствованномъ царемъ Иваномъ Грознымъ 15 августа 1573 года, и подобные имъ акты можно признать удостовѣрительными. Само собой разумѣется, что тѣ акты, которымъ придавали наибольшее значеніе преимущественно и получали удостовѣрительный характеръ, напримѣръ: государевы указы и боярскіе приговоры, вносимые въ особыя „указныя книги“; уставныя и жалованныя, тарханныя и несудимыя, правыя грамоты и т. п. [2]); крѣпости, укрѣплявшія разныя сдѣлки, въ особенности на „людей“ и недвижимыя имущества, какъ-то: полныя и слу-

[1]) Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца, Каз. 1882 г., т. 1, с. 241. Ср. А. Ю. Б., т. II, № 230, II.

[2]) А. И., т. I, № 154, ст. 3 (1555 г.) и др. Подлинные государевы указы вмѣстѣ съ подлинными памятями, по крайней мѣрѣ судя по практикѣ Помѣстнаго Приказа, вкленвались въ „столпы“; см. Указн. кн. Помѣстн. Прик., изд. *В. Сторожевымъ*, въ Опис. докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. VI, с. 135. Терминъ „указная книга“ см., напримѣръ, въ А. И., т. III, № 232 и въ А. Г. Р. т. II, с. 606. Въ древне-русскомъ языкѣ слово „указъ“ употреблялось иногда въ смыслѣ „доказательство“; въ Изборникѣ, по рукописи XIII вѣка, напримѣръ, мы читаемъ: „краючеся ножи до кръве и испѣлняютъ капища кръвью, моужьства оуказъ стварающе“, см. *И. Срезневскій*, Матеріалы, т. I, ст. 1177.

жилыя кабалы, купчія и закладныя, данныя и духовныя
т. п. [1]). Удостовѣрительные акты противополагались освѣдо
мительнымъ, напримѣръ, указы—памятямъ, а также „крѣ
пости“—„письмамъ“, на что уже было обращено внимані
выше [2]); аналогичное противопоставленіе между тѣми крѣпо
стями или записями, которыя удостовѣрены органами прави
тельственной власти, и тѣми, которыя вопреки государевым
указамъ, остались не засвидѣтельствованными, дѣлается в
Уложеніи. Здѣсь мы читаемъ, напримѣръ:

„А кто новокрещена пріиметъ къ себѣ въ службу
крѣпость на него возьметъ, а въ приказѣ той крѣпост
не запишетъ, а после того тотъ новокрещенъ отъ нег
збежитъ, и онъ по той незаписной крѣпости учнет
на немъ искати сносу: и тѣмъ крѣпостямъ не вѣрити
и въ сносѣ на тѣхъ новокрещеновъ суда никому н
давати, потому что та крѣпость взята не по государев
указу“; или: „а которые всякихъ чиновъ люди владѣют
помѣстьи по здаточнымъ записямъ, а государю они
тѣхъ помѣстьяхъ не били челомъ, и въ Помѣстном
приказѣ тѣ помѣстья за ними не справлены, и тѣ
нихъ помѣстья отнимати и отдавати въ роздачю чело
битчикомъ, потому что они тѣми помѣстьи владѣют
по здаточнымъ записямъ безъ государева указа“ [3]).

Вообще, въ качествѣ удостовѣрительнаго акта, крѣпост
признавалась вполнѣ достаточнымъ судебнымъ доказатель
ствомъ, что и было формулировано Уложеніемъ въ слѣдую
щей статьѣ:

„А будетъ кто кому давъ на себя какую крѣпость
нибудь, и учнетъ ту крѣпость на судѣ лживить, а т
крѣпость за его рукою, и писана та крѣпость на пло
щади, и въ послусѣхъ въ той крѣпости написаны пло
щадные подъячіе, а до суда на ту крѣпость челобитья

---

[1]) П. С. З., т. II, № 1074; т. IV, № 1833 и др.

[2]) См. выше, с. 21.

[3]) Уложеніе, XVI, 12; XX, 38. Объ отношеніи такого дѣленія частных
актовъ къ различнымъ способамъ ихъ укрѣпленія см. ниже отд. III, гл. I.

его и явокъ не бывало, и такимъ отвѣтчикомъ не вѣрить, и велѣти на нихъ по такимъ крѣпостямъ исцовы иски править и отдавать исцомъ“ [1]).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что различіе, проводимое между актами съ освѣдомительнымъ и актами съ удостовѣрительнымъ характеромъ, по крайней мѣрѣ примѣнительно къ отдѣльнымъ случаямъ, все же оставалось довольно слабо развитымъ и слишкомъ мало отразилось въ терминологіи: терминъ „память“, напримѣръ, покрывалъ собою акты разнороднаго значенія. Воеводскія наказныя и приставныя памяти назывались иногда наказами и снабжались воеводскими печатями и т. п. [2]); памяти XVI—XVII в.в. также засвидѣтельствованы приложеніемъ печатей или рукоприкладствомъ послуховъ и т. п.; встрѣчаются указанія и на доказательную силу актовъ, именуемыхъ „памятями“: „полюбовная память“ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и крестьянъ Козмодемьянской волости о размежеваніи земель, 1657 года, напримѣръ, была положена въ монастырскую „крѣпостную казну“ „впредь для спору“: въ случаѣ такой споръ о „земляномъ дѣлѣ“ возникнетъ, его надлежитъ „вершить по той памяти“ [3]). Естественно, что при такихъ условіяхъ частныя памяти даже назывались иногда крѣпостями; такъ, напримѣръ, крестьянинъ Ѳаддей Достоваловыхъ, по „памяти“ отдавая въ 1683 году Михаило-Архангельскому монастырю, за свой заемный кабальный долгъ, память на Дмитрія Малкова на его пожню, по которой онъ, Ѳаддей Достоваловыхъ,

---

[1]) Уложеніе, X, 253. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложеніе различаетъ гражданскіе иски, имѣющіе крѣпостное основаніе, отъ тѣхъ, которые такового не имѣютъ; см., напримѣръ, Уложеніе, XVIII, 34 и 36. Ср. *К. Кавелинъ*, Сочиненія, С.-Пб. 1900 г. т. IV, ст. 310—312. *С. Пахманъ*, О судебныхъ доказательствахъ, М. 1851 г. сс. 201—208.

[2]) Акты А. Юшкова, № 250; Уложеніе, XVIII, 46.

[3]) Сборн. Кирилло-Бѣлозерскаго мон. въ С.-Пб. Дух. Акад., № А $^{1}/_{37}$ лл. 367 об.—368 об. Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря, изд. *В. Шляпинымъ*, Великій Устюгъ 1912 г., ч. I, №№ 18, 33, 35, 62 171, 177. Впрочемъ, такіе случаи указываютъ лишь на то, что частныя памят могли быть засвидѣтельствованы, а не на то, что онѣ, въ качествѣ таковыхъ должны были быть удостовѣрены.

владѣлъ ею и, предоставляя монастырю на томъ же основаніи впредь владѣть ею вѣчно или продать, промѣнять и заложить ее безпенно, присовокупилъ: „да и свою письменную крѣпость, почему тою пожнею я, Ѳаддей, владѣлъ, съ сею памятью отдалъ я къ нимъ же въ Архангельскій монастырь впредь для справы“ [1]).

§ 3. Акты публичные и частные.

Нѣкоторое различіе между актами по степени ихъ правового значенія: освѣдомительнаго или удостовѣрительнаго, какъ видно, сознавалось примѣнительно къ разнымъ ихъ видамъ и къ публичнымъ, и, въ особенности, къ частнымъ актамъ.

Такое дѣленіе, разумѣется, болѣе замѣтное относительно удостовѣрительныхъ, чѣмъ освѣдомительныхъ актовъ, находится, прежде всего, въ зависимости отъ той границы, которая проводится между публичнымъ и частнымъ правомъ. Въ виду того, что въ нижеслѣдующемъ изложеніи намъ придется имѣть дѣло преимущественно съ частными, а не съ публичными актами, намъ нельзя не коснуться здѣсь этой проблемы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, для того, чтобы имѣть возможность изъ общей совокупности актовъ, публичныхъ и частныхъ, выдѣлить послѣдніе и сдѣлать ихъ предметомъ спеціальнаго нашего изученія. Проблему подобнаго рода можно ставить съ двоякой точки зрѣнія: догматической и исторической; недостаточно указать на общій критерій ихъ различенія; необходимо выяснить, въ какой мѣрѣ онъ, въ той или иной формѣ, дѣйствительно примѣнялся въ старинномъ русскомъ правѣ и видоизмѣнялся по мѣрѣ его развитія.

До сихъ поръ основной критерій, какого придерживаются при разграниченіи права публичнаго отъ частнаго, остается, однако, довольно спорнымъ. Не останавливаясь здѣсь на раз-

[1]) Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря, изд. *В. Шляпинымъ*, ч. I, № 174.

смотрѣніи той разнообразной постановки, какой данная проблема подвергалась въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій, достаточно замѣтить, что она должна ставиться согласно съ нормативнымъ пониманіемъ права и указать на различіе тѣхъ „заданій", какія, въ сущности, соотвѣтственно и преимущественно характеризуютъ каждую изъ указанныхъ отраслей права, дѣйствующаго въ предѣлахъ данной цѣлокупности. Задача публичнаго права состоитъ въ томъ, чтобы установить тѣ нормы, которыя регулируютъ, въ виду общаго блага единаго общественнаго цѣлаго, отношенія между общей волей и волей „всѣхъ и каждаго" изъ его членовъ; задача частнаго права состоитъ въ томъ, чтобы установить, не нарушая такого условія, тѣ нормы, которыя регулируютъ, въ виду частной выгоды принадлежащихъ къ нему отдѣльныхъ лицъ, отношенія ихъ волеизъявленій другъ къ другу. Въ связи съ указаннымъ различіемъ между публично-правовыми и частно-правовыми нормами находится и различіе въ ихъ реализаціи: норма публичнаго права осуществляется въ порядкѣ общаго требованія, норма же частнаго права—въ порядкѣ частнаго произволенія, выражаемыхъ въ соотвѣтственныхъ дѣйствіяхъ [1]).

Нормативное разграниченіе основныхъ областей права часто смѣшивается съ различеніемъ ихъ по ихъ содержанію или по другому болѣе или менѣе общему производному признаку, въ особенности по способу судебной защиты. Въ самомъ дѣлѣ, представители современнаго правовѣдѣнія указываютъ, напримѣръ, на то, что цѣлью публичнаго права оказывается цѣлое или его „интересы", а цѣлью частнаго права — отдѣльный человѣкъ или его „интересы"; что публичное право обнимаетъ отношенія людей, какъ членовъ одного общественнаго организма, а частное право отношенія ихъ, какъ самостоятельныхъ индивидуумовъ; что публично-правовыя отноше-

[1]) Предлагаемое теоретическое разграниченіе не исключаетъ, конечно, возможности смѣшенія указанныхъ признаковъ на практикѣ: въ договорѣ казны съ подрядчикомъ, напримѣръ, хотя бы казна и имѣла въ виду „общее благо", подрядчикъ дѣйствуетъ въ виду своей выгоды, не говоря о томъ, что оба они находятся въ отношеніи контрагентовъ другъ къ другу, и т. п.

нія отличаются субординаціей или централизаціей и связанной съ нею общеобязательностью публично-правовыхъ нормъ, а частно-правовыя отношенія координаціей или децентрализаціей и связанной съ ней факультативностью частно-правовыхъ нормъ; что содержаніемъ публично-правовыхъ нормъ служатъ отношенія верховной власти къ подданнымъ, къ подчиненнымъ органамъ управленія и т. п., а содержаніемъ частно-правовыхъ нормъ отношенія личныя и имущественныя; что публично-правовыя нормы ограждаются по иниціативѣ власти въ порядкѣ уголовнаго или административнаго судопроизводства, а частно-правовыя нормы—по иниціативѣ частнаго лица въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства [1]).

---

[1]) *A. Thon*, Rechtsnorm und subjectives Recht, Weimar 1878, SS. 108—120. Краткое обозрѣніе главнѣйшихъ попытокъ разграниченія публичнаго права отъ частнаго см. также въ сочиненіяхъ *Н. Коркунова*, Лекціи по общей теоріи права, изд. 9, СПб. 1914 г., сс. 167 — 180, а также *Л. Петражицкаго*, Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности, изд. 2, СПб. 1910 г., т. II, сс. 647—687, 712—726, и *Ѳ. Тарановскаго*, Учебникъ энциклопедіи права, Орьевъ 1917 г., сс. 223 — 239. Несмотря на то, что со времени древне-римскихъ юристовъ протекло много столѣтій, понятіе о правѣ и о главнѣйшихъ его разновидностяхъ все еще нельзя признать окончательно установленнымъ. Высказанное Ульпіаномъ различіе между публичнымъ и частнымъ правомъ, смотря по тому, чью пользу оно имѣетъ въ виду — пользу ли всего государства или отдѣльныхъ лицъ, въ настоящее время уже нельзя считать общепризнаннымъ. Впрочемъ, романисты продолжаютъ исходить изъ различенія „интереса совокупности“ отъ „интереса отдѣльныхъ лицъ“; см., напримѣръ, *H. Dernburg*, Pandekten, 4 Aufl., Berl. 1894, Bd. I, §§ 46 — 48. Германисты указываютъ на различіе отношеній между людьми—носителями воли, какъ соціальными существами, причемъ соотвѣтственно отмѣчаютъ субординацію и координацію такихъ отношеній и полагаютъ, что публичное право есть всякое право, которое касается государства, какъ цѣлаго или его членовъ, а частное право есть всякое „индивидуальное право“ и, сверхъ того, то „соціальное право“, которое не включено какимъ-либо государственно-правовымъ актомъ (Satz) въ публичное; см. *O. Gierke*, Deutsches Privatrecht, Lpz. 1895; Bd. I, SS. 28—29. Въ своемъ извѣстномъ ученіи о правѣ, какъ интересѣ, пользующемся правовою защитою, Іерингъ различалъ публичное право отъ частнаго не только по „интересу“, но и по способу его судебной защиты, производимой по иниціативѣ органовъ государственной власти или частныхъ лицъ: съ такой точки зрѣнія „искъ становится критеріемъ частнаго права“; см. *R. Ihering*, Geist des römischen Rechts, 2 Aufl, Lpz. 1871, Bd. III, SS. 338—340. Тонъ обосновалъ и подробнѣе развилъ теорію Іеринга, причемъ особенно выдвинулъ различеніе между публичнымъ и частнымъ правомъ по способу ихъ судебной защиты; см. *A. Thon*, Op. cit., SS. 120 — 146; построеніе нашло под-

Старинное русское право было, конечно, еще далеко отъ такихъ тонкихъ теоретическихъ построеній, но и въ немъ смутно сознавались нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ критеріевъ, въ особенности тѣ, которые получали наглядное практическое приложеніе.

Въ наиболѣе развитомъ изъ старѣйшихъ памятниковъ нашего законодательства — Псковской Судной Грамотѣ, напримѣръ, право связывалось съ нормативными понятіями „правды“ или „добра“:

> „А князю и посаднику, чигаемъ мы здѣсь, судити... взирая въ правду, по крестному цѣлованію; а не въ судятъ въ правду, Богъ буди имъ судіа на второмъ пришествіи Христовѣ“.

держку со стороны *П. Дювернуа*, Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву, СПб. 1895 г., введеніе, сс. 33 — 57. Признакъ субординаціи и координаціи или централизаціи и децентрализаціи юридическихъ отношеній, одновременно съ Гирке, но съ большею систематичностью былъ разработанъ въ сочиненіи *L. von Petrazycki*, Die Lehre vom Einkommen, Berl. 1895. Bd. II, SS. 469 ff. *Л. Петражицкій*, Теорія права и государства и проч., т. II, сс. 688—712, 727—745; авторъ исходитъ изъ разсмотрѣнія „психическаго дѣйствія права“ и, въ сущности, различаетъ двѣ системы правового регулированія человѣческаго поведенія: централизованную и децентрализованную, путемъ соотвѣтствующихъ его „мотивацій“; вмѣстѣ съ тѣмъ „по различію объектныхъ представленій“ (объ „общемъ благѣ“ и о „своемъ благѣ“ и т. п.) онъ дѣлитъ „подлежащія правовыя явленія, мнѣнія, убѣжденія и подлежащія проекціи: нормы власти, права власти и т. д. на соціально-служебныя или публично-правовыя и свободныя (отъ подлежащаго служенія) или частно-правовыя“. Обозрѣніе другихъ положеній, соотвѣтственно характеризующихъ каждую изъ различаемыхъ областей права, см. тамъ же, сс. 741—744. Ученіе Л. Петражицкаго объ основномъ принципѣ дѣленія права было сочувственно встрѣчено *І. Покровскимъ* въ сочиненіи: Основныя проблемы гражданскаго права, s. d., сс. 9—19 и т. д. Кромѣ вышеуказанныхъ главнѣйшихъ направленій, признакъ разграниченія частнаго права отъ публичнаго по субъектамъ юридическихъ отношеній, являющихся ихъ цѣлью, былъ развитъ Іерингомъ; см. *R. von Ihering*, Das Zweck im Recht, 2 Aufl., Lpz. 1884, Bd. I, S. 464. Подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Іеринга, Дюги пытается различать тѣ же сферы по способамъ правовой санкціи, которая прямо не примѣнима къ государству и получаетъ такое приложеніе къ отношеніямъ между частными лицами; см. *L. Duguit*, Traité de droit constitutionnel, Par. 1911, t. I, pp. 61—66 Различіе публичнаго права отъ частнаго, въ сущности, по содержанію было предложено уже Д. Аустиномъ; см. *J. Austin*, Lectures on jurisprudence, 4 ed., Lond 1873, v. II, pp. 770—787.

„А которому княжому человѣку ѣхать на пригор намѣстникомъ, ино цѣловати ему на томъ крестъ, ему хотѣти Пскову добра, а судить прямо, по кре пому цѣлованію. . . [1]).

Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича также было сос влено, по собственному его заявленію, для того, „чтобы М сковского государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ больш и до меньшаго чину, судъ и росправа была во всѣхъ дѣл всѣмъ ровна". Противоположеніе между государственнымъ частнымъ интересомъ довольно ясно выражено въ Уложе примѣнительно къ частнымъ случаямъ; здѣсь „государе дѣла" противополагаются тѣмъ, которыя совершаются „бе указу", „для собственнаго пожитка", напримѣръ, въ слѣду щихъ статьяхъ:

„А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ с дѣти въ полатѣ и по государеву указу государевы вс кія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ".

„А кто мыть или перевозъ или мостовщину заведе вновь для своего пожитку своимъ вымысломъ безъ указ и у него то все взяти на государя" [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложеніе въ извѣстной мѣрѣ разл чаетъ такія сферы правоотношеній по способу ихъ судебн защиты: хотя оно вообще не отдѣляетъ отъ уголовныхъ дѣл тѣ гражданскіе иски, которые были связаны съ ними, но в нѣкоторыхъ случаяхъ предоставляетъ потерпѣвшему вчинят гражданскій искъ, возникшій вслѣдствіе преступленія, само стоятельно и требовать суда; во всякомъ случаѣ оно рѣзк отличаетъ гражданскіе иски, рѣшаемые вмѣстѣ съ уголов ными дѣлами, отъ обыкновенныхъ гражданскихъ исковъ и признаетъ также нѣкоторое различіе между уголовнымъ и гражданскимъ судопроизводствомъ: съ такой точки зрѣнія Уложеніе противопоставляетъ, напримѣръ, дѣла по важнѣй шимъ уголовнымъ преступленіямъ, которыя, по иниціатив органовъ правительственной власти и „извѣту", подлежал

[1]) Псковская Судная Грамота, ст. 4, 5; ср. ст. 77.

[2]) Уложеніе, Предисл.; IX, 10; X, 2 и др.

ыску,—дѣламъ „челобитчиковымъ“, которыя начинались по жалобамъ частныхъ лицъ и, въ противоположность „сыскнымъ дѣламъ“, могли оканчиваться примиреніемъ сторонъ [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ статей Уложенія такое различіе принимается во вниманіе:

„А будетъ кто Царского Величества недругу городъ здастъ измѣною, или кто Царского Величества въ городы приметъ изъ иныхъ государствъ зарубежныхъ людей для измѣны же, а сыщется про то допряма, и такихъ измѣнниковъ казнить смертію же“.

„А будетъ изъ которого нибудь приказу доведется по чьему челобитью послати по ково пристава въ исцовѣ иску съ наказною памятью, и тѣ наказные памяти печатати государевою печатью, а печатныхъ пошлинъ съ тѣхъ наказныхъ памятей имати по государеву указу, а безъ государевы печати наказовъ ни въ какихъ челобитчиковыхъ дѣлахъ не отпущати“ [2]).

Такое разграниченіе между „дѣлами государевыми“, т. е. преимущественно государственными, и „дѣлами челобитчиковыми“, т. е. преимущественно частными, стало примѣняться и на практикѣ, напримѣръ, при составленіи описей провинціальныхъ архивовъ, съѣзжихъ или приказныхъ избъ и т. п., въ особенности къ концу XVII вѣка: подъ „дѣлами государевыми“ разумѣли, обыкновенно, дѣла административныя, ратныя, финансовыя и проч.; къ „дѣламъ челобитчиковымъ“ относили „дѣла судныя“ и вообще „всякія челобитчиковы дѣла“, затрагивавшія прежде всего частные интересы отдѣльныхъ лицъ и только косвенно касавшіяся пользъ и нуждъ государства. Такое дѣленіе далеко еще, впрочемъ, не про-

[1]) Уложеніе. XXI. 23—25. *К. Кавелинъ*, Сочиненія, т. IV, ст. 247—249, 266, 269, 271, 273, 275 и др.; о случаяхъ, когда дѣла уголовныя судились судомъ гражданскимъ, а гражданскія дѣла — уголовнымъ, см. тамъ же, ст. 269—271. *Н. Ланге*, Древнее русское уголовное судопроизводство, СПб. 1884 г., сс. 117—119, 134—135, 175—176. Ср. еще *В. Линовскій*, Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича, Одесса 1847, сс. 3, 115, 120, 122 и др.

[2]) Уложеніе, II, 3; XVIII, 46.

водило систематическаго различія между актами публичными и частными, ибо къ „дѣламъ государевымъ“ причислялись хозяйственныя, а къ „дѣламъ челобитчиковымъ“—и уголов ныя; тѣмъ не менѣе оно уже замѣтно, напримѣръ, въ опи сяхъ дѣлъ Новгородской приказной палаты 1669 — 167 (7177 — 7178) г.г., Чердынской приказной избы 167 (7180) г., Новоторжской приказной избы 1700 г. и т. п. [1])

Въ эпоху преобразованій такія понятія получили нѣко торое теоретическое обоснованіе, главнымъ образомъ, под вліяніемъ западно-европейскихъ ученій, и стали яснѣе обна руживаться на практикѣ.

Генеральный Регламентъ Петра Великаго уже различаетъ термины „публичный“ и „приватный“, причемъ, предлагая ихъ толкованіе, переводитъ терминъ „публичный“ словомъ „всенародный“, а терминъ „приватный“—словомъ „частный“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Генеральный Регламентъ и другіе законодательные акты того времени уже начинаютъ противополагать публичное право, имѣющее въ виду „интересъ“ или „прибытокъ и пользу“ государства, и частное право, имѣющее въ виду „интересъ“ или „прибытокъ и пользу“ частнаго лица; изображеніе судебнаго процесса ссылается далѣе на „естественный законъ“, согласно которому каждый имѣетъ право на самосохраненіе и на самозащиту отъ посягательствъ сторонннхъ лицъ, хотя и не развиваетъ такого принципа въ его приложеніи къ понятію о собственности [2]).

---

[1]) *И. Оглоблинъ*, Провинціальные архивы въ XVII вѣкѣ, въ Сборникѣ, изд. І. Зубарева, т. І, ч. І, сс. 175 — 185.

[2]) П. С. З., т. VI, № 3534; ср. *А. Лаппо-Данилевскій*, Идея государства и главнѣйшіе моменты ея развитія въ Россіи со временъ Смуты и до эпохи преобразованій, въ журналѣ „Голосъ Минувшаго“ 1913 г., декабрь; отд. отт., сс. 25 и слѣд. Схоластическое ученіе о „коммутативной справедливости“, регулирующей частныя отношенія людей другъ къ другу, и о „легальной и виндикативной“ правелливости, которая лежитъ въ основѣ взаимныхъ отношеній между государемъ и подданнымъ, уже излагалось въ Кіевской Академіи въ концѣ XVII вѣка, вѣроятно, Стефаномъ Яворскимъ; но оно не имѣло широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что указанное въ текстѣ различеніе получило широкое признаніе; ср. тамъ же, сс. 11 — 13.

Еще яснѣе указы того времени различаютъ сферу публичнаго права отъ сферы частнаго права по производному и прикладному признаку,—а именно, по способу судебной защиты: указъ о должности фискала, напримѣръ, проводитъ различіе между „дѣлами народными“, по коимъ нѣтъ челобитчиковъ, и „дѣлами челобитчиковыми“; Уставъ Воинскій 1716 года и указъ о „формѣ суда“ 1723 года соотвѣтственно устанавливаютъ разные порядки судопроизводства — уголовный и гражданскій—для рѣшенія такихъ дѣлъ [1]).

Межевыя инструкціи императрицы Елизаветы Петровны и императрицы Екатерины II еще болѣе сознательно устанавливаютъ различеніе интересовъ публичныхъ отъ частныхъ, которое съ прошлаго вѣка окончательно утверждается, хотя далеко не одинаково и все еще довольно поверхностно проводится и русскими юристами и русскимъ законодательствомъ.

Насколько плохо еще разбирались въ то время въ такихъ понятіяхъ, можно судить по руководству извѣстнаго „законоискусника“ Горюшкина, написанному подъ вліяніемъ ближайшаго его знакомства съ исторіей и догмой русскаго права проводя извѣстную границу между правомъ божественнымъ и человѣческимъ, онъ дѣлилъ послѣднее на естественное и „общественное“, причемъ въ составѣ его различалъ, сообразно съ довольно случайно установленными видами человѣческихъ обществъ (домашнимъ, сосѣдскимъ и т. д.), нѣсколько видовъ правъ, въ томъ числѣ и „государственное“; но подъ „государственнымъ“ правомъ онъ разумѣлъ и право „общее“, т. е. собственно государственное, обнимающее ученіе о государственномъ устройствѣ и государственномъ управленіи, и право особенное или гражданское, т. е. личное и имущественное; притомъ, размѣщая чуть ли не всѣ институты гражданскаго права въ домашнемъ, сосѣдскомъ, сельскомъ, уѣздномъ и

---

[1]) П. С. З., т. V, №№ 2786, п. 3 и 3006; т. VII, № 4344. Ср. *И. Дювернуа*, Op. cit., с. 53. Позднѣе такія дѣла называли „гражданскими“; см. *Ф. Лангансъ*, Словарь Юридической, М. 1788, с. 29.

губернскомъ правѣ, онъ, въ сущности, ничего не оставля
на долю особеннаго или гражданскаго права [1]).

Тѣмъ не менѣе уже Десницкій, одинъ изъ убѣжденны
приверженцевъ историческаго пониманія права, посвятил
нѣсколько талантливыхъ разсужденій, касающихся предмето
государственнаго и въ особенности гражданскаго права,
Сперанскій и Куницынъ, находившіеся подъ вліяніемъ уч
нія о естественномъ правѣ, выводили изъ него частное прав
подлежащее охранѣ публично-правовыхъ нормъ, и съ тако
точки зрѣнія подходили къ пониманію государственна
права [2]).

Въ то же время Кукольникъ, придерживавшійся боле
эмпирическаго направленія, слѣдующимъ образомъ намѣчал

[1]) *З. Горюшкинъ*, Руководство къ познанію россійскаго законоискусства, в
частяхъ, М. 1811—1816 гг., см. §§ 119, 2156, и др. Ср. *Н. Коркуновъ*, З.
Горюшкинъ, Россійскій законоискусникъ, въ Журн. Мин. Юст. 1894—1895
VII; отд. отт., сс. 26 — 33.

[2]) *А. Куницынъ*, Право естественное, СПб. 1818 и 1820 гг., в. I, сс. 77
9; в. II, с. 43: „государственное право есть наука объ отношеніяхъ между ве
ховною властью и подданными, проистекающихъ по началамъ права изъ цѣ
общественнаго соединенія". *Графъ М. Сперанскій*, Руководство къ познанію зак
овъ, СПб. 1845 г., сс. 27—29. 39—40. Подъ вліяніемъ ученія объ естествен
омъ правѣ Сперанскій полагалъ его въ основу положительнаго права и вы
ялъ изъ него гражданское право, нормы котораго охраняются государственны
равомъ. „Законы общежительные, по его словамъ, не дѣйствительны, когда он
ротивны законамъ естественнымъ; они по самому существу ихъ не что ин
олжны быть, какъ приложеніе законовъ естественныхъ, приложеніе, укрѣпле
ое дѣйствіемъ верховной власти, внѣшними наградами и понужденіями". Съ т
ой же точки зрѣнія Сперанскій разсуждалъ и о законахъ гражданскихъ: „соб
твенность лица" или „власть человѣка надъ собственными его силами, как
ушевными, такъ и тѣлесными", а также „собственность имущества" или влас
еловѣка надъ тѣмъ, что произведено или пріобрѣтено его силами—„присвоен
еловѣку отъ Бога, какъ естественное достояніе его разума и воли; посему и
ало ихъ не есть въ общежитіи, но въ общежитіи они принимаютъ видъ опр
ѣленный. Собственность лица здѣсь ограничивается свободою другихъ и пріем
етъ значеніе состоянія. Собственность имущества ограничивается первенство
Одержанія и совершенною независимостью предмета и получаетъ видъ и зна
ѣніе владѣнія гражданскаго; но, стѣсняясь въ пространствѣ, та и другая власт
ѣсь становится достовѣрнѣе подъ защитою верховной власти". Въ „состав
бщежитія" Сперанскій признавалъ необходимымъ и „установленіе верховно
ласти", безъ которой „ни собственность личная, ни собственность имуществ
ществовать не могутъ" и которая лежитъ въ основѣ законовъ государственныхъ

бласти государственнаго и гражданскаго права: „опредѣленіе отношенія гражданъ къ верховной власти и сей послѣдней къ гражданамъ; также образа, мѣръ и средствъ правленія государства; распредѣленіе политическаго состоянія осударственныхъ сословій; означеніе предоставленныхъ имъ реимуществъ, политическихъ правъ и обязанностей къ государству, равно какъ и къ верховной власти и вообще опредѣленіе всего того, что относится ко всему государству, именуются публичными общими государственными, также и коенными законами". „Опредѣленіе отношеній между самими раждананами по ихъ лицу и имуществу называются частными раждансними законами". Въ томъ же духѣ разсуждалъ и Зельяминовъ-Зерновъ: „политическія права, по его словамъ, опредѣляютъ отношеніе верховной власти къ подданнымъ и юданныхъ къ верховной власти", тогда какъ отличныя отъ ихъ гражданскія права проистекаютъ отъ взаимныхъ отношеній подданныхъ между собою [1]).

Аналогичныя попытки были сдѣланы и въ нашемъ законодательствѣ. Въ „Основаніяхъ Россійскаго права, извлеченныхъ изъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи", изданныхъ Комиссіей составленія законовъ, мы читаемъ: „положительные законы имѣютъ два главные предмета: 1) положеніе осударству; 2) положеніе гражданину. Законы, къ первому тносящіеся, составляютъ право общее или государственное. Законы, ко второму принадлежащіе, составляютъ право особенное или гражданское"... „Предметъ права общаго (или государственнаго) есть установленіе и соблюденіе обрядовъ общихъ, необходимо нужныхъ для сохраненія цѣлости, добраго порядка и тишины государства". „Право особенное или гражданское ключаетъ въ себѣ всѣ тѣ узаконенія и установленія, которыя каждому гражданину, живущему съ прочими въ обще-

[1]) *В. Кукольникъ*, Россійское частное гражданское право. С.-П.Б. 1815 г. ч. 1, сс. 7—8. Авторъ былъ профессоромъ физики и сельскаго хозяйства въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ и профессоромъ римскаго права въ „вышнемъ училищѣ Правовѣдѣнія". *В. Зельяминовъ-Зерновъ*, Опытъ начертанія Россійскаго частнаго гражданскаго права, С.-Пб. 1821 г., ч. 1, сс. 44 - 45.

ствѣ, какъ въ разсужденіи его самого, такъ и въ разсужденіи его имѣнія и обязательствъ, приносятъ пользу и безопасность“ [1]).

Составленное, конечно, подъ ближайшимъ наблюденіемъ Сперанскаго „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ“ уже оставляетъ прежнее дѣленіе права на „общее“ и „особенное“ и проводитъ различіе между законами государственными и гражданскими, причемъ вкратцѣ формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: „Два союза, два порядка отношеній необходимы въ государствѣ: союзъ государственный и союзъ гражданскій. Союзъ государственный есть внутренній и внѣшній... Союзъ гражданскій есть или семейственный или союзъ по имуществамъ. Изъ союзовъ возникаютъ права и обязанности. Тѣ и другія опредѣляются и сохраняются законами. Отсюда два порядка законовъ: законы государственные и законы гражданскіе“ [2]).

Болѣе или менѣе ясное разграниченіе между публичнымъ и частнымъ правомъ, проводимое въ теоріи, обнаружилось и на практикѣ: съ эпохи преобразованій, не говоря о „законахъ, которые ни въ какое время не могутъ перемѣниться“ и „временныхъ учрежденіяхъ“, въ силу которыхъ „всѣ дѣла должны быть отправляемы“, правительственные „указы“, заключавшіе въ себѣ „все то, что для какихъ нибудь дѣлается приключеній и что только есть случайное“, и тому подобные публичные акты отличались отъ частныхъ актовъ; къ числѣ послѣднихъ въ началѣ прошлаго вѣка употреблялись слѣдующіе: „купчія крѣпости; данныя; закладныя; духовныя завѣщанія; записи (дарственныя, раздѣльныя, рядныя, мировыя); отпускныя; векселя; заемныя письма; договоры, контракты и условія; вѣрющія письма; отказы имѣніямъ; торговыя книги и проч.“ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ разграниченіе

[1]) Основанія Россійскаго права, извлеченныя изъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи, издаваемыя Комиссіей составленія законовъ, С.-Пб. 1818 г., ч. I, сс. 3—4. 8; (§§ 6, 7, 20).

[2]) Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, С.-Пб. 1833 г., с. 118—119.

[3]) Наказъ императрицы Екатерины II, ст. 444—446. *И. Васильевъ*, Новѣйшее руководство къ познанію Россійскихъ законовъ, М. 1827 г., ч. II, сс. 36—37.

„дѣль“ по способу ихъ судебной защиты стало точнѣе формулироваться, благодаря болѣе выработанному различенію челобитныхъ явочныхъ отъ исковыхъ и т. п. [1]).

Итакъ, нѣкоторое различіе между понятіями о публичномъ и о частномъ правѣ можно полагать въ основу разграниченія понятій о публично-правовомъ и частно-правовомъ актѣ, хотя оно и не всегда совпадаетъ съ различеніемъ ихъ съ чисто дипломатической точки зрѣнія по ихъ формулярамъ: послѣднее находилось въ тѣсной зависимости отъ того субъекта правъ, отъ котораго данный актъ исходилъ, а, значитъ, и отъ той канцеляріи, въ которой онъ составлялся. Такимъ образомъ объясняется стремленіе нѣкоторыхъ изъ наиболѣе видныхъ представителей дипломатики сочетать въ своихъ опредѣленіяхъ актовъ публичныхъ и частныхъ оба признака, т. е. различіе ихъ по роду заключающихся въ нихъ правоотношеній, который они, впрочемъ, оставляютъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія, и по способу ихъ совершенія правительственными или частными лицами. Съ указанной точки зрѣнія публично-правовыми актами называются тѣ, которые касаются государственнаго права и исходятъ отъ лицъ, облеченныхъ правительственною властью, а частно-правовыми актами называются тѣ, которые относятся къ гражданскому праву и исходятъ отъ частныхъ лицъ [2]). Впрочемъ, такой придаточный признакъ едва ли имѣетъ большое самостоятельное значеніе: вѣдь, въ старину правительственныя лица часто смѣшивали государственное право съ гражданскимъ, что ярко отразилось, напримѣръ, въ духовныхъ и договорныхъ нашихъ князей.

---

[1]) *Ф. Дильтей*, Изслѣдованіе юридическое о принадлежащемъ для суда мѣстѣ и проч. М. 1779 г., сс. 95—129.

[2]) *A. Giry*, Manuel de diplomatique, p. 823; къ лицамъ съ правительственнымъ характеромъ авторъ не безъ основанія причисляетъ „сеньеровъ, епископовъ и городскія общины“ средневѣковья. *W. Erben*, *L. Schmitz-Kallenberg* und *O. Redlich*, Urkundenlehre, München u. Berlin 1907, Bd. I. SS. 18—19. Ср. ещ *Д. Мейчикъ*, Op. cit., сс. 2—3.

Въ числѣ производныхъ признаковъ при проведеніи того же дипломатическаго различія чаще всего указываютъ на то разное значеніе, какое публично-правовые и частно-правовые акты получаютъ въ качествѣ судебныхъ доказательствъ: доказательная сила публичнаго акта, напримѣръ, какой-либо царской грамоты, не нуждается въ свидѣтельскихъ показаніяхъ; доказательная сила частнаго акта, напротивъ, зависитъ отъ нихъ: онъ совершается при свидѣтеляхъ, которые прилагаютъ къ нему руки и, въ случаѣ нужды, могутъ, подъ присягой, давать показанія о его совершеніи [1]).

Такіе признаки наглядно проявляются и въ нашихъ грамотахъ даже старѣйшихъ XIV—XV в.в. „Существеннымъ отличіемъ“ жалованныхъ грамотъ отъ данныхъ, по словамъ одного изъ нашихъ изслѣдователей, можно считать, кромѣ начальной формулы (указывающей на тѣхъ субъектовъ правъ, отъ которыхъ онѣ соотвѣтственно исходятъ), еще отсутствіе въ жалованныхъ грамотахъ послуховъ, обыкновенно упоминаемыхъ въ данныхъ [2]).

На основаніи вышеуказанныхъ критеріевъ можно проводить различіе между актами съ публично-правовымъ и актами съ частно-правовымъ значеніемъ и примѣнять его къ аналогичному дѣленію старинныхъ русскихъ актовъ на публичные и частные.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что такое разграниченіе не всегда совпадаетъ съ дѣленіемъ актовъ на публично-правовые и частно-правовые. Въ самомъ дѣлѣ, можно указать на публично-правовые акты съ частно-правовымъ значеніемъ: жалованныя „вотчинныя“ грамоты, особенно на земли безъ какихъ-либо льготъ, и „береженныя“, сотныя и владѣнныя выписи, судные списки и правыя грамоты, напримѣръ,— публично-правовые акты; но вмѣстѣ съ тѣмъ они удостовѣряютъ права собственности заинтересованныхъ лицъ, служатъ доказательствами таковыхъ въ случаѣ ихъ нарушенія и т. п.,

---

[1]) *O. Posse*, Die Lehre von den Privaturkunden, S. 67.

[2]) *Д. Мейчикъ*, Op. cit., с. 13.

т. е. въ извѣстномъ отношеніи получаютъ частно-правовое значеніе. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Жалованныя „вотчинныя“ грамоты, которыя выдавались нашими князьями на земли, очевидно, разсматривались, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ акты, удостовѣрявшіе частныя права владѣльцевъ, что и приводило иногда къ отождествленію такихъ грамотъ съ „данными“: въ отводной книгѣ землямъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря отъ земель великокняжескихъ, 1482 года, не разъ встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующаго: „И съ данные грамоты въ спискѣ пишетъ: милости ради пречистыя Богородицы и честнаго ея Успенья и своего ради спасенія, се язъ князь... пожаловалъ...“ [1]).

Княжескія грамоты обезпечивали владѣльцевъ отъ спорныхъ исковъ на ихъ имущества и, значитъ, могли въ случаѣ нужды играть роль судебныхъ доказательствъ ихъ частныхъ правъ. Въ одной изъ „береженыхъ“ грамотъ, посланной отъ царя Ивана Васильевича Грознаго въ Галичъ Петру Чередову для охраненія бортныхъ ухожеевъ Васьки Савельева сына Шумалкина, 1576—1585 г.г., мы читаемъ:

„Билъ намъ челомъ Унжанинъ Васка Савельевъ сынъ Шюмалкинъ, а сказалъ: вотчинишка деи его, бортной ухожей, на Унжѣ, и сторонніе деи люди его обидятъ, въ вотчину его ходятъ насилствомъ, борти дерутъ и лѣсъ сѣкутъ. И намъ бы его, Васку Шумалкина, пожаловать, велѣть дати береженную грамоту, чтобы (въ) его вотчинишко сторонніе люди насилствомъ не ходили, и бортей не драли и лѣсу не сѣкли.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ Васки Шумалкина вотчину, бортного ухожея, берегъ накрѣпко что-бы въ его вотчину, въ бортной ухожей, сторонніе люди насилствомъ не ходили никто, и бортей не драли и лѣсу не сѣкли...“ и т. д. [2]).

Такую же охрану частной собственности давали и „правы-

---

[1]) *Д. Мейчикъ*, Op. cit., с. 12.

[2]) А. Ю. № 359, I.

грамоты". Уставная грамота великаго князя Василія Дмитріевича жителямъ Двинской земли, 1397 года, уже упоминаетъ о выдачѣ правой грамоты, примѣнительно къ случаю неявки отвѣтчика на судъ:

„А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того намѣстницы дадутъ грамоту правую безсудную" [1])

Въ Псковской Судной Грамотѣ сказано яснѣе: „А которой истець [а будетъ побитъ съ своими грамо]тами, ино того человѣка повинити и грамоты его посудить; а правому человѣку на ту землю и судница дати..."; въ другой статьѣ доказательная сила такихъ грамотъ признается безспорной: „А князю и посаднику грамотъ новыхъ не послужати..." [2]).

Возьмемъ еще одинъ примѣръ, иллюстрирующій сказанное въ правой грамотѣ, данной Двинскимъ намѣстникомъ „княжи Иванова тіуномъ Васильевича Ноздроватого" Назаріемъ Сумароковымъ Григорію Кологривову и его дѣтямъ, на которыхъ Матвѣй Кузьминъ искалъ полдеревни Борисовской, 1532 года, мы читаемъ: „И правую грамоту тіунъ Назарей Сумароковъ отвѣтчикомъ Оникѣйку и Олешку, въ Григорьево мѣсто Кологривова и въ его дѣтей, на ищею Матѳея [Кузьмина] и на деревню далъ...". Въ правой грамотѣ Двинского воеводы князя Ѳедора Татева Троице - Сергіеву монастырю на деревню Молевскую, 1612 года, сказано еще яснѣе, что судья приговорилъ владѣть той деревней архимандриту Діонисію съ братьею „къ Никольскому Чюхченемскому монастырю по прежнему" и выдать имъ правую грамоту „по тому имъ тою деревнею къ Никольскому Чюхченемскому монастырю владѣть" [3]).

---

[1]) А. Э., т. I, № 13.

[2]) Псковская Судная Грамота, ст. 12 и 61 (сс. 3, 15). Чтеніе 12-ой статьи, предложенное П. Энгельманомъ, можетъ, однако, вызвать нѣкоторое сомнѣніе: въ рукописи пробѣлъ меньше того, какой понадобился бы для помѣщенія поставленныхъ въ прямыя скобки словъ.

[3]) А. Ю. № 19, сс. 38 — 42. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 433.

Кромѣ различія между публичными актами съ частно-правовымъ значеніемъ и частно-правовыми актами въ узкомъ смыслѣ, нѣкоторыя изъ ихъ разновидностей могли получать черты публичныхъ актовъ съ частно-правовымъ значеніемъ въ отличіе отъ частно-правовыхъ актовъ въ узкомъ смыслѣ и по другимъ основаніямъ, отражавшимся въ ихъ дипломатическихъ особенностяхъ. Межевые акты, напримѣръ, по словамъ одного изъ нашихъ дипломатистовъ, „бывали правительственными и частными“: правительственные составлялись органами княжескаго управленія по словесному или письменному повелѣнію, исходившему непосредственно отъ князя, помимо чьей-бы то ни было просьбы, либо по просьбѣ владѣльцевъ о разводѣ земель безъ всякаго спора, либо вслѣдствіе судебныхъ и межевыхъ споровъ; частные составлялись самими заинтересованными лицами при уступкѣ-ли земель по купчимъ, даннымъ и другимъ однороднымъ сдѣлкамъ или-же при полюбовномъ прекращеніи споровъ съ вѣдома или безъ вѣдома правительственной власти, т. е. совершались явочнымъ или домашнимъ порядкомъ. „Разъѣзжая грамота“, установившая межи между Илеменской землей княгини Евфросиніи и землями великаго князя Василія Васильевича Боболью, Турьими горами и Ловышиною, напримѣръ, была выдана до 1462 года „на обѣ стороны“, послѣ суда великокняжескаго и совершенія разъѣзда „по великого князя слову“ Василіемъ Андреевичемъ, докладывавшимъ объ этомъ дѣлѣ великому князю: „и князь велики велѣлъ дати Василью грамоту розездную Илемничомъ на Илеменскую землю отъ великого князя земель, а сотникомъ Боболскимъ и Туреискому и Ловышинскому дати велѣль грамоту отъ Илеменскыхъ земель“. Грамота свидѣтельствуетъ, что на разъѣздѣ были съ Василіемъ Андреевичемъ и съ тѣми сотниками и мужами и съ старожильцами дѣти боярскіе, „тутошніе жильцы“ такіе-то, причемъ снабжена печатью. Разъѣзжая землямъ Кедриковской и Ананьинской 1495 (7003) г., напротивъ, полюбовная: она составлена по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ Кузьмы Федорова и Дмитрія Ми-

хайлова и удостовѣрена рукоприкладствами послуховъ, и безъ печати [1]).

Слѣдуетъ, кромѣ того, имѣть въ виду, что граница межд сферами публичнаго и частнаго права была въ разное врем различной и что публично-правовые элементы иногда смѣ шивались съ частно-правовыми въ одномъ и томъ-же актѣ Наглядными примѣрами смѣшенія подобнаго рода могут служить хотя бы извѣстныя старѣйшія духовныя Московских князей. Въ своей „душевной грамотѣ“ 1328 года великі князь Иванъ Даниловичъ Калита приказываетъ своимъ сы новьямъ отчину свою Москву и учиняетъ между ними раз дѣлъ, въ которомъ распоряженія касательно разныхъ горо довъ и волостей переплетаются съ распоряженіями касательн частнаго его имущества, даже движимаго, напримѣръ: „с далъ есмь сыну своему большему Семену Можаескъ со все ми волостьми...“; „а при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаш золоты съ женчюги, блюдцо золото съ женчугомъ съ ка меньемъ, 2 чума золота болшая; а исъ судовъ исъ серебр ныхъ далъ есмь ему 3 блюда серебрьна“ и т. д.; нѣсколь ниже великій князь дѣлаетъ аналогичныя распоряженія отно сительно купленныхъ имъ селъ, принадлежавшихъ ему стадъ, „портъ“ и т. п., часть которыхъ предоставляетъ тому-же „сыну своему большему Семену“, а остальное распредѣ ляетъ между другими членами своей семьи [2]). Въ „душевной грамотѣ“ великаго князя Ивана Даниловича, да и многихъ другихъ актахъ того времени, публично-правовые элементы смѣшаны съ частно-правовыми, причемъ сама грамота обле чена въ форму обыкновенной духовной. Аналогичныя иллю страціи можно подыскать, конечно, и среди другого рода

---

[1]) *Д. Мейчикъ*, Op. cit, с. 55 и приложеніе IV, №№ 1 и 5. Ср. еще *С. Шу маковъ*, Обзоръ, в. I, сс. 47—50, 84; в. II, сс. 17, 32—38 и др.

[2]) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 22. Смѣшеніе подобнаго рода еще не даетъ, однако, снованія утверждать, подобно Б. Н. Чичерину, что „наслѣдованіе у Московскихъ нязей происходило по частному праву“: такое наслѣдованіе уже предполагало бы азличеніе ими частнаго права отъ публичнаго.

грамотъ: выборы въ священники, напримѣръ, представляющіе, въ сущности, акты общественнаго самоуправленія, содержатъ иногда условія, сближающія ихъ съ договорными записями, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя-бы запись дьякона Ивана Артамонова, порядившагося въ 1646 году во священники въ село Фрязиново, Сямской волости, въ томъ, что ему не „запустошить“ священническаго двора, и т. п. [1]).

Помимо вышеуказанныхъ переходныхъ формъ отъ публичныхъ актовъ къ частнымъ, можно указать, конечно, и на собственно частно-правовые акты: каждый изъ нихъ облекаетъ въ извѣстную форму одностороннее или обоюдостороннее волеизъявленіе, сдѣланное на основаніи какой-либо правовой нормы однимъ или нѣсколькими отдѣльными лицами и обусловливающее возникновеніе, измѣненіе или прекращеніе какого-либо правоотношенія личнаго или имущественнаго.

Старинные наши юридическіе акты сами отмѣчаютъ иногда признаки подобнаго рода. Нормативный характеръ частныхъ актовъ проступаетъ уже въ древнѣйшее время въ той религіозно-нравственной санкціи, на которую они опираются. Въ вкладной грамотѣ Варлаама Хутынскаго святому Спасу 1192 года мы читаемъ: „Аже кто діавольмъ наоученъ и злыми человѣкы навоженъ цѣто хочетъ отъяти, отъ нивъ ли, отъ пожьнь ли или отъ ловищь, а боуди ему противенъ святый Спасъ и въ сь вѣкъ, и въ боудоущій“. Въ купчей Антонія Римлянина „на землю Пречистыя въ домъ“, писанной до 1147 года, заключительная формула гласитъ: „А кто на сію землю наступить, а то управить Мати Божія“. Въ духовной Новгородца Климента XIII вѣка значится: „Аже кто въ ступить на сю грамоту, да не со мною съ однымъ станеть прѣ Богомъ, съ всимъ моимъ племенемъ“. Въ одной мѣновной 1538 года „послухами“ являются: „Богъ, Никола Чудотворецъ, апостолы Петръ и Павелъ“... и только. Въ позднѣйшихъ актахъ такія ссылки, напротивъ, постепенно

[1]) *М. Курдюмовъ*, Описаніе коллекціи П. И. Савваитова, въ Лѣтоп. зан. Археогр Ком., в. 27 (1915 г.), № 158.

счезаютъ и замѣняются другими, отличающимися болѣе юри-
ическимъ характеромъ: въ одной изъ Новгородскихъ дѣль-
ыхъ XV вѣка мы читаемъ, напримѣръ: „А сей намъ дѣл
рѣпокъ и въ вѣкѣ“ и т. п. [1]).

Волеизъявительный характеръ частныхъ актовъ иногд
вно выражается, напримѣръ, въ духовныхъ: духовная Иван
Калиты начинается извѣстными словами: „Во имя Отца
Сына и Святого Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ Божі
Иванъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду, ни кимь н
нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи“. В
одной полной 1593 года говорится о томъ, что Михайл
Секиринъ купилъ Савку Васильева сына да жену его Марьицу
„а продались по своей воли безъ пристава“. Въ договорно
записи 1654 года объ образованіи артели для денежна
сбора таможенной и проѣздной пошлины при Арзамаско
таможнѣ и двухъ селахъ того же уѣзда, пайщики включил
слѣдующую клаузулу: „А сю запись, излюбя, положили з
третьего, города Арзамаса за Воздвиженского попа Иван
Васильева, и тому нашему третьему выдать сю нашу запис
правому на виноватого, какъ споръ учинитца, съ воеводцко
закладу, при добрыхъ людехъ, всѣмъ намъ вмѣстѣ, а одном
изъ насъ никаму отнюдь не выдавать“ и т. п. [2]). Возник
новеніе, измѣненіе и прекращеніе личныхъ и имуществен
ныхъ отношеній, разумѣется, составляетъ главное содержа
ніе частныхъ актовъ, напримѣръ, сговорныхъ и рядныхъ, слу
жилыхъ кабалъ и жилыхъ записей, купчихъ и закладныхъ
отпускныхъ и т. п. Въ видѣ примѣра можно указать на ли
бопытную зарядную запись И. М. Чертова С. В. Стромилов
съ сыномъ о взятіи у нихъ на срокъ жалованныхъ грамот
для челобитья по своему дѣлу, 1560—1561 г.г. Здѣсь м
читаемъ:

„Се язъ Иванъ Михайловъ сынъ Чертова взял

---

[1]) Опись рукописей и книгъ музея Археологической Комиссіи при Псковском
губ. стат. ком., Псковъ 1879 г., приложеніе с. 11—12; А. Ю. № 260, I.

[2]) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 22. А. Ю. № 409. Х и др. Р. И. Б., т. XV
Зап. кн. д. Алябьева, № 513. А. Ю. Б., т. I, № 111.

есми у дяди своего Суботы Васильева сына Стромилова да у его сына, а у своего брата, у Григорья грамоты жаловалные... а класти мнѣ те грамоты передъ царемъ государемъ великимъ княземъ и, бивъ мнѣ челомъ государю, да отдати опять дяди своему Суботе да его сыну, а своему брату, Григорью те грамоты на Семенъ день лѣтапровотца семьдесятнаго году впредъ на соблюденье. А мнѣ Ивану у Суботы и у Григорья тѣхъ грамотъ не оттягивати, ни царю государю великому князю не бивать челомъ, ни бояромъ. А отдати мнѣ грамоты безъ тяжбы и безъ челобитья. А учну язъ Иванъ бити челомъ на Суботу и на его сына о приставе и грамоты стану затягивать которою хитростью ни буди или тѣ грамоты отдамъ мимо себя искать роду своему дядемъ своимъ или братьемъ въ родстве своемъ Стромиловымъ или Чертовымъ или Щибринымъ или мимо меня станутъ искать и станутъ волочить и грамотъ на срокъ не отдамъ на Семенъ день — ино на мнѣ, на Иванѣ, Суботе и сыну его взяти по сей записи пятьдесятъ рублевъ. А на то послуси... А кабалу писалъ...“ [1]).

Такимъ образомъ, можно придти къ заключенію, что вышеуказанное общее различеніе между публичнымъ и частнымъ правомъ постепенно проникало въ наше правосознаніе и законодательство, хотя и устанавливалось не столько въ догматической его формѣ, сколько въ исторически слагавшемся его примѣненіи къ дѣловой практикѣ даннаго времени. Съ такой точки зрѣнія позволительно различать въ составѣ нашихъ документовъ публичные и частные акты и остановиться, въ виду спеціальныхъ задачъ настоящаго курса, на болѣе подробномъ изученіи послѣднихъ.

§ 4. *Основныя задачи дипломатическаго изученія публичныхъ и частныхъ актовъ.*

Ученіе о документахъ и актахъ въ томъ ихъ значеніи какое было установлено выше, называется дипломатикой: она

[1]) *Н. Лихачевъ*, Изъ лекцій по дипломатикѣ, СПб. 1905—1906, с. 24—25

выясняетъ принципы и методы изслѣдованія не столько до
кументовъ, сколько актовъ, облекающихъ правоотношенія в
болѣе опредѣленныя, преимущественно письменныя, форм
которыя и подлежатъ спеціальному ея изученію. Самый тер
минъ „дипломатика“ производится отъ греческаго „διπλόω“
„διπλοῦν“—удвоюю, причемъ τὸ δίπλωμα означало вообще чт
либо сложенное вдвое; въ такомъ именно смыслѣ римлян
употребляли слово „diploma“ для обозначенія бронзовых
пластинокъ, складывавшихся вдвое въ видѣ диптиха: он
служили или чѣмъ то въ родѣ паспортовъ и подорожныхъ
выдаваемыхъ отъ имени сената, а затѣмъ императора, курье
рамъ, которые въ силу ихъ получали право пользоваться пу
бличными почтовыми сообщеніями; или выдавались солдатамъ
отслужившимъ свои сроки и получившимъ, по закону, извѣст
ныя привилегіи. Забытый въ началѣ среднихъ вѣковъ, тотъ ж
терминъ снова получилъ нѣкоторое распространеніе благо
даря ученымъ Возрожденія: они примѣняли его въ болѣ
широкомъ смыслѣ, въ особенности къ торжественнымъ актамъ
исходившимъ отъ верховной власти, къ привилегіямъ импе
аторовъ, королей, герцоговъ, графовъ. Въ такомъ значеніи
отъ же терминъ продолжали употреблять въ позднѣйшее
время, между прочимъ, и у насъ: Генеральный Регламентъ,
олкуя терминъ „дипломъ“, переводитъ его: „жалованная
рамота“. Впрочемъ, благодаря тому, что, въ сущности, само
онятіе о „дипломѣ“ оставалось довольно неопредѣленнымъ,
рминомъ „дипломатика“ можно было обозначить вообще
ченіе о документахъ и актахъ. Своимъ извѣстнымъ тру-
омъ, озаглавленнымъ „De re diplomatica“, Мабильонъ ввелъ
го во всеобщее научное употребленіе, продолжающееся до
ихъ поръ; оно воспринято было и въ нашей спеціальной
итературѣ [1]).

Вообще, обнимая ученіе о документахъ и актахъ, дипло-
атика ставитъ себѣ двоякую задачу: она изучаетъ ихъ, какъ

[1]) *R. Rosenmund*, Die Fortschritte der Diplomatik seit Mabillon, vor-
hmlich in Deutschland und Oesterreich, 1897. *W. Erben, L. Schmitz-Kallen-
g und O. Redlich*, Urkundenlehre, München und Berlin 1907, T. I, SS. 3—17 и др.

источникъ и какъ явленіе. Въ самомъ дѣлѣ, дипломатика, въ сущности, возникла въ связи съ изслѣдованіемъ старинныхъ документовъ и актовъ, какъ источниковъ, и только съ теченіемъ времени перешла къ выясненію ихъ развитія, какъ явленій народного правосознанія, въ ихъ зависимости отъ данныхъ условій мѣста и времени, состоянія и періода культуры и т. п.

Съ указанной точки зрѣнія дипломатика естественно распадается на двѣ части, которыя можно назвать: документальнымъ источниковѣдѣніемъ и документальнымъ построеніемъ актовъ. Документальное источниковѣдѣніе выясняетъ принципы и пріемы интерпретаціи и критики актовъ. Документальное построеніе выясняетъ происхожденіе актовъ, ихъ составъ, разновидности ихъ формуляровъ, выработанныхъ въ разныхъ канцеляріяхъ, способовъ ихъ удостовѣренія и т. п. Такое дѣленіе можно примѣнить и къ дипломатикѣ частныхъ актовъ.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ ознакомленію съ дипломатикой русскихъ частныхъ актовъ въ главнѣйшихъ ея частяхъ: документальномъ ихъ источниковѣдѣніи и документальномъ ихъ построеніи, остановимся нѣсколько на обозрѣніи тѣхъ источниковъ и пособій, которыми она располагаетъ для болѣе подробнаго ихъ изученія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ипломатическое изученіе въ русской археографіи и исто ріографіи.

§ 1. Важнѣйшія собранія и хранилища актовъ.

Дипломатика русскихъ частныхъ актовъ имѣетъ въ своем аспоряженіи довольно значительное ихъ число, собранно ь различныхъ хранилищахъ, частныхъ и государственныхъ

Частныя собранія актовъ стали возникать издавна: вмѣст ь пріобрѣтеніемъ имущества, въ особенности недвижимаг режнія крѣпости на него часто передавались новому вла ѣльцу; при такомъ порядкѣ въ рукахъ лица, скупавшаг азныя земли, могло сосредоточиться не мало частныхъ ктовъ, касавшихся ихъ и принадлежавшихъ прежнимъ их ладѣльцамъ.

Частные акты, правда, иногда не переходили къ новым ладѣльцамъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда отчужда ась часть недвижимости, находившейся въ общемъ владѣні одного или у нѣсколькихъ лицъ, продолжавшихъ владѣт стальными его частями на основаніи одного общаго дл ихъ съ отчуждаемою частью имущества акта, или же в ѣхъ случаяхъ, когда продавецъ сохранялъ ихъ у себя дл очистки" отчуждаемаго имущества отъ спорныхъ исков т. п. Въ отступной Ивана и Онтомана Александровыхъ дѣте имоѳею Леонтьеву сыну Бушую на половину ихъ земли с годьями на островѣ Солотковѣ 1550 года мы читаемъ: „ ито у насъ грамоты державы на тотъ Солоткой остров гарыя, ино ти грамоты у насъ у Ивана да у Онтомана лександровыхъ детей. А понадобятца ти грамоты Тимоѳе

на кои будетъ споръ, ино Ивану да Онтоману класти давати". Въ купчей на пожни и рыбныя ловли въ Палѣ и другихъ мѣстахъ, проданныя Первымъ Яковлевымъ сыномъ Новыхъ Денегъ Николаевскому Корельскому монастырю 1616 г. сказано: „се язъ Первой Яковлевъ сынъ Новыхъ Денегъ... продалъ есми и отступился игумену Каллистрату" и проч. „свою доль пожень и рыбной ловли, чемъ самъ владелъ, что мнѣ отъ братьи з дѣлу достанетца... А старые купчие Пальские и менная и дѣльная на Шапчергие пожни оставаютца у братьи моеи, у Ѳедора з братьею, и понадобятца тѣ старые пути на ту мою продажу имъ, игумену з братьею, къ какову дѣлу ни буди, и братьи моеи Ѳедору з братьею тѣ старые пути на ту мою продажу казати безубыточно". Совершая купчую съ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ на дворъ въ Неноксомъ посадѣ и на право выварки соли въ варничномъ участкѣ, Павелъ Ананьинъ писалъ въ 1578 году: „А старые купчіе на дворъ и на росолъ язъ Павелъ... оставилъ у себя для очищенія" и т. п. [1]). Впрочемъ, даже при оставленіи у себя „старыхъ грамотъ" прежній владѣлецъ могъ замѣнить ихъ списками съ нихъ, которые и передавалъ новому. Въ собраніи актовъ Архангельскаго монастыря сохранилась, напримѣръ, „отпись", вѣроятно XV вѣка, свидѣтельствующая о томъ, что „игуменъ Василій и попъ и черицы и все стадо святаго Спаса" дали Ивану Даниловичу, купившему у нихъ „Ондріевъ участокъ", списокъ съ данной на него „за Варламовою печатью", а подлинное „рукописаніе. Ондреево" оставили у игумена и у всѣхъ чернецовъ святаго Спаса, на полатѣхъ. Викула Извольскій поступилъ такимъ же образомъ при продажѣ своего московскаго двора Ивану Толстому въ 1691 г.: сохранивъ у себя подлинныя отписи въ платежѣ мостовыхъ и рѣшеточныхъ, а также оброчныхъ денегъ съ

---

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 129, 469, 517, 543. А. К. № 90. Прежніе владѣльцы выдавали иногда новымъ особыя «отписи» с обязательствомъ предъявлять, въ случаѣ надобности, старыя грамоты на отчуждаемое имущество; см. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 103.

того двора за прошлые годы, онъ далъ покупателю „списки съ тѣхъ отписей за своею рукою“ [1]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда не было условій, затруднявшихъ передачу „старыхъ грамотъ“ новому владѣльцу, онѣ переходили къ нему „для ради крѣпости и оцыщенія“, что видно хотя бы, напримѣръ, изъ закладной Семена Вешняка Васильева Николаевскому Корельскому монастырю на половину тони Рикасихи и на земли съ угодьями 1628 года. Здѣсь мы читаемъ:

„И тѣ всѣ писмяные крѣпости, четыре купчие и дѣльную и отпись, я Вешнякъ отдалъ игумену Сергию з братьею с сею закладною вмѣсте. А то мое владѣнье все, что заложылъ, досталось мнѣ з дѣлу отъ братьи моеи: отъ Клементья да отъ Леонтья да отъ Ивана Григорьевыхъ же дѣтей Васильева, и по тои дѣлнои заложылъ я и подписалъ в тѣхъ заемныхъ деньгахъ; и къ чему будетъ понадобитца та дѣльная игумену Сергию з братьею для того моево закладного владенья, и мнѣ Вешняку та дѣльная класть и казать имъ и списокъ с тое дѣльнои дать слово в слово“.

Въ закладной Василія Третьяка Лентьева Николаевскому Корельскому монастырю на половину Прилуцкаго острова и на долю въ рыбной ловлѣ въ рѣкѣ Косоломбалѣ, купленной имъ у Марѳы да у Матрены Васильевыхъ дочерей Лентьева, также встрѣчается слѣдующее условіе:

„А тѣ старые писмяные крѣпости и оброчная оставаетца у меня Третьяка; и к чему будетъ понадобятца тѣ писмяные крѣпости игумену з братьею, и мнѣ Третьяку класть и казать, в томъ убытка не чинить; а купчая, что я купилъ то владенье у Васильевыхъ дочереи, и ту я купчюю отдалъ игумену з братьею с сею закладною; и будетъ понадобитца мнѣ Третьяку та купчая для которого дѣла, и имъ игумену з братьею потому жъ казать мнѣ Третьяку та купчая“.

---

[1]) А. Ю. № 71, XXVI. А. Ю. Б., т. II, № 148, XXI.

Прежніе владѣльцы даже обезпечивали себя иногда особыми актами отъ притязаній, могущихъ возникнуть со стороны новыхъ по поводу передачи имъ лишь части „старыхъ грамотъ“. Въ 1540 году, напримѣръ, Иванъ Мурашовъ, отступившійся отъ земель и угодій на островѣ Солотковѣ Ивану Пятунину, выдалъ ему особую отпись, которая удостовѣряла, что онъ, за исключеніемъ утерянной имъ „заповѣдной грамоты“ великаго князя, вручилъ Ивану Пятунину духовную отца своего и отступную-посильную на тѣ же земли и угодья [1]).

При передачѣ всѣхъ „старыхъ грамотъ“ новому владѣльцу, онѣ вручались ему при совершеніи или по совершеніи сдѣлки, причемъ онъ обезпечивалъ иногда исполненіе такого условія особой неустойкой, которая уплачивалась прежнимъ владѣльцемъ, если онъ „всѣхъ крѣпостей не отдастъ“ [2]). Въ купчей на лоскуты земли: Лукинскій и Ѳедоровскій, купленные Есифомъ Онуфріевичемъ у Устина Семенова сына, XV вѣка, напримѣръ, онъ пишетъ: „се купи Есифъ Онуфріевичъ оу Вустѣна оу Семенова сына два лоскута земли и [с] старыми грамоты“. Такой же порядокъ соблюдался и въ позднѣйшее время: продавая въ 1682 году половину своей деревни Семеновской и половину же прикупной деревни Екимовской Ѳедору Бороткиныхъ крестьянину Лузской Пермцы Ламской волости, Богоявленскій попъ Матвѣй Поповъ включилъ въ свою купчую слѣдующее условіе: „а въ отводѣ и въ оцищеньѣ меня, продавца, ему купцу Ѳедору не спрашивать, потому что язъ попъ Матѳѣй старую купчую для очищенья ему жъ Ѳедору отдалъ“ [3])

Благодаря такому обычаю, въ рукахъ крупныхъ вла

---

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 89, 539, 553.

[2]) Сборн. грам. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Библіотекѣ С.-П. Духовн. Акад. № А $^{II}/_{48}$, л. 121 об.

[3]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 38. А. Ю. Б., т. II, № 14 XXX. П. С. З., т. II, № 668. Старыя крѣпости, передаваемыя новому владѣльцу снабжались иногда соотвѣтственными надписями; см. А. Ю. Б., т. II, № 14 XXIV.

ѣльцевъ сосредоточивалось иногда довольно значительное число „старыхъ грамотъ“, входившихъ въ составъ ихъ вотчинныхъ архивовъ. Московскій великій князь имѣлъ, напримѣръ, архивъ: его „казна“ уже упоминается въ XV вѣкѣ; въ ней хранились, между прочимъ, и частные акты, указанные въ нѣсколько позднѣйшей его описи [1]). Московскій митрополитъ, судя по записной его книгѣ жалованнымъ грамотамъ и крѣпостнымъ актамъ, также устроилъ подобный же архивъ при своемъ дворѣ: его „казна“ также извѣстна съ XV вѣка и содержала частные акты [2]). Важнѣйшіе самостоятельные монастыри, напримѣръ, Троицкій Сергіевъ, Кирилло-Бѣлозерскій, Соловецкій и другіе содержали каждый свою „крѣпостную казну“, при которой, судя по даннымъ, касающимся Троицкаго Сергіева монастыря, состоялъ даже особый „крѣпостной старецъ“ [3]). Родовитые и богатые вотчинники,

---

[1]) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 66 (с. 148). А. И., т. I, № 40 (с. 82). *Д. Мейчикъ*, Др. сіѣ., прилож. III, № 3; въ напечатанномъ здѣсь судномъ спискѣ 1496—498 г.г. говорится, между прочимъ, объ одной данной (см. Сборникъ Муханова № 321), что она „у государя у великаго князя въ казнѣ“ (с. 105). А. Э., т. I, № 289, ящики: 47, 67, 80, 122, 134, 138, 145, 156, 186, 195, 231;—можно думать, что этотъ архивъ находился при Посольскомъ приказѣ: „книги“ Ивана Михайлова, на которыя встрѣчаются ссылки въ самой описи, разумѣется, были приняты во вниманіе при ея составленіи, вмѣстѣ съ добавленіями, сдѣланными въ „старой переписной тетрати“ Андрея Васильева, надо думать, 1562—563 годовъ; опись, напечатанная въ А. Э., относится, по всей вѣроятности, къ началу 1570-хъ годовъ; при нѣкоторыхъ изъ записей о вышеуказанныхъ ящикахъ значится, что „государь взялъ ихъ къ себѣ“ или „взялъ“ изъ нихъ нѣкоторые акты; см., напримѣръ, №№ 47, 138, 156. Ср. еще *Н. Лихачевъ*, Библіотека и архивъ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи, С.-Пб. 1894 г., с. 49—53, 60—66.

[2]) А. Ю. Б., т. I, № 118, I: здѣсь, въ записи, данной митрополиту Ѳеодосію Гридею Карауловымъ и Иваномъ Кожинымъ о неосвоеніи озеръ, пожалованныхъ имъ митрополитомъ для рыбной ловли (1461—1464 гг.), мы читаемъ: „а сю всмя свою грамоту господину въ казну дали противъ его господиновы жалованные грамоты“; ср. еще А. Ю. Б., т. II, № 147, VIII (ст. 344) и др. Синодал. Библ. № 276 (173). Публичный и Румянцевскій музей, собр. И. Бѣляева, № 127. Опись архива б. патріарха Никона (переписныя книги домовой его казны) напечатана во Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн., т. XV, сс. 69—95.

[3]) Сборн. Троицкаго Сергіева монастыря № 666 (опись грамотъ и крѣпостей съ дополненіями до 1695 года) и др. Публичн. Библ. Q IV 113 б: описи грамотъ и крѣпостей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1613 г. и др. *А. Горскій*,

разумѣется, обладали болѣе или менѣе значительными со-браніями актовъ, напримѣръ, Шереметевы, Голицыны, Ку-ракины, Строгановы, Воронцовы, Панины и другіе, хотя и не всегда заботились о надлежащемъ ихъ храненіи; нѣко-торые изъ такихъ собраній, напримѣръ, домашній архивъ стольника Безобразова, достигали довольно значительныхъ размѣровъ [1]).

Впрочемъ, акты хранились также и у третьихъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Монастыри съ ихъ „крѣпостными казнами“ могли служить для такихъ цѣлей. Въ одномъ изъ сборниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря сохранился,

---

Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры, съ приложеніями архим. *Леонида* (*Кавелина*). М. 1879 г. и др. *Н. Успенскій*, Охранная опись рукописямъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи“, изда-ваемомъ С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ, в. XII (1899 г.), сс. 119—217, в. XIV (1901 г.), сс. 280—354; здѣсь описанъ вотчинный архивъ монастыря (XV—XVIII вв.), за исключеніемъ тѣхъ его частей, которыя по-пали въ Публичную Библіотеку и въ Библіотеку Петроградской духовной ака-деміи,—о частныхъ см., въ особенности, в. XII, сс. 131—132 и 133—134; пере-чень здѣсь неполный; ср. в. XIV, с. 354. Старинную опись архива Соловецкаго монастыря см. въ „Матеріалахъ для русской исторіи“, изд. подъ ред. *С. Бѣло-курова*, М. 1888 г., сс. 35—80 и др. Менѣе значительные монастыри могли, конечно, имѣть свои архивы; см., напримѣръ, опись Николаевскаго Корель-скаго монастыря въ А. И., т. I, № 158 (сс. 285—286); „отписныя и крѣ-постныя книги“ Николаевскаго Чухченемскаго монастыря въ Сбори. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 425; *А. Жизневскій*, Древній архивъ Краснохолмскаго Антоніева монастыря, въ „Древностяхъ“ Моск. Археолог. Общ., т. VIII (1880 г.), сс. 50—51, 60—65 и др. Ср. „засѣдную память“ въ А. Ю. Б., т. II, № 227 и т. п.

[1]) *А. Барсуковъ*, Родъ Шереметевыхъ, С.-Пб. 1881—1904 г.г., кн. I—VIII. Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ, изд. Археогр. Ком., т. IV, сс. 199, 222—276. Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, С.-Пб.—Саратовъ 1890—1902 гг., кн. I—X. Ср. *Н. Калачовъ*, Фамильный архивъ кн. Куракиныхъ, въ Сборн. Археол. Инст., т. V, в. II, сс. 1—15. Архивъ князя С. М. Воронцова, М. 1870—1895 гг., кн. 1—40. Объ архивѣ Панинныхъ см. *В. Иконниковъ*, Опытъ русск. исторіогр., т. I, кн. 2, с. 1107—1109. Впрочемъ, перечисленныя изданія кн. Ѳ. А. Куракина и кн. С. М. Воронцова, къ сожалѣнію, не даютъ понятія о вотчинныхъ документахъ ихъ владѣльцевъ. Объ архивѣ А. И. Безобразова см. *А. Лаппо-Данилевскій*, Обзоръ до-кументовъ вотчиннаго архива стольника А. И. Безобразова, въ Лѣтоп. зан. Археогр Ком., в. XXVIII, сс. 31—33. Подробное обозрѣніе „фамильныхъ и частныхъ архи-вовъ и библіотекъ въ Россіи“ см. въ соч. *В. Иконникова*, Опытъ русской исто-ріографіи, Кіевъ 1892 г., т. I, кн. 2, сс. 1072—1349.

напримѣръ, списокъ съ духовнаго завѣщанія Ивана Злобин въ которомъ встрѣчается слѣдующее указаніе: „а что есм положилъ у Спаса на Прилуце сто и девяносто рублевъ игумена и у святые братьи въ казне, въ коробейкѣ, да в той-же коробейкѣ въ колоткахъ крѣпости земляные и лю цкие кабалы и на комъ что ми взяти, и приказщики б мои тѣ денги і кабалы взяли и заемные крѣпости... По случаю дѣла между Ѳерапонтовымъ монастыремъ брестьянами Южской волости, напримѣръ, Данило Блин давшій нѣсколько пустошей монастырю, заявлялъ на суд что онъ тѣ пустоши купилъ у Ивана Москотиньева Бол шого, „а грамоту, господине, свою купчую положилъ есм у Евстрата у черица на соблюденье“, что и было подтверж дено старцемъ Евстратомъ [1]). Аналогичные случаи бывал и примѣнительно къ свѣтскимъ лицамъ, также принимавшим чужія грамоты на храненіе, что видно хотя бы изъ приво димаго ниже акта, заключеннаго между Иваномъ Губою братьями Шваковыми. Въ такихъ случаяхъ принимавші акты на храненіе выдавалъ особую отпись о пріемѣ их заинтересованнымъ лицамъ, причемъ она могла имѣть ил домашній, или болѣе строгій формальный характеръ. В одной распискѣ 1693 года, напримѣръ, мы читаемъ слѣду ющія строки:

> „Васильевской попъ Косьтянтинъ припялъ я запис противную 202 году ноября 24 числа у Григорь Мачькова да у Данила да у Якова да у Петра да Естифея Бологовскихъ на збереженье. А какъ ем Григорью съ товарищи надобна будетъ запись, и мп имъ отдать“.

Болѣе формальный характеръ имѣетъ „отпись“ Иван Губы Титу, Юрію, Григорію и Тимоѳею Шваковымъ в пріемѣ на храненіе купчихъ на деревню Чучепальскую 1596 года; приведемъ ее также цѣликомъ:

---

[1]) Публ. Библ. Q IV 113 б: сборникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыр , 794. А. Ю. № 3.

„Се язъ Иванъ Губа Тимоѳеевъ сынъ далъ есми отпись Титу да Юрью да Григорью да Тимоѳею Иевлевымъ дѣтемъ Швакова въ томъ, взялъ есми собѣ на соблюденье купчие грамоты Чючепальской деревни, числомъ ихъ шесть купчихъ. И понадобятца тихъ купчихъ которои путь ни буди которому ихъ брату Іевлевымъ дѣтемъ, и мнѣ Ивану Тимоѳееву сыну Швакова класти и казати безденежно и безубыточно по сеи отписе. На то послуси: Аѳонасеи Гавриловъ сынъ Швакова да Иванъ Кондратьевъ сынъ Немкова. Отпись писалъ Васка Антоньевъ сынъ лѣта 7104-го году апреля в 9 день“ [1]).

Такіе частные способы храненія грамотъ не могли, конечно, замѣнить собою государственныхъ хранилищъ, имѣвшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ существенное значеніе для ихъ удостовѣренія. Въ Псковѣ при церкви Св. Троицы, напримѣръ, давно уже существовалъ особый „ларь“ для храненія въ немъ актовъ, въ частности крѣпостныхъ актовъ[2]). Такія хранилища возникли и при присутственныхъ мѣстахъ Московскаго государства. Кромѣ Посольскаго приказа, можно упомянуть, напримѣръ, о Помѣстномъ приказѣ, архивъ котораго, вѣроятно, существовалъ уже въ XV вѣкѣ: въ одномъ судномъ дѣлѣ 95 года рѣчь идетъ, между прочимъ, о томъ, что судья, князь Василій Ивановичъ [Голенинъ?] „велѣлъ дьяку своему Олешкѣ Безобразову у дьяка у Микифора [Кобелева?] изъ стромскихъ книгъ [1465 (6973) года] монастырскіе земли вновь выписати, да собѣ сказати. И Олешка дьякъ у Микифора дьяка изъ книгъ выписалъ...“ Въ виду того, что

---

[1]) А. Ю. Б., т. III, № 312, IV. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 50. Въ выше упомянутой записи членовъ Арзамасской артели (см. с. 48) мѣра отданнаго на сохраненіе акта ограничена особаго рода условіями, отчасти намекающими на мотивы отдачи ея на храненіе третьему лицу: „а сю запись, читаемъ мы здѣсь, изложя, положили за третьего, города Арзамаса за Вознесенского попа Ивана Васильева, и тому нашему третьему выдать сю нашу запись правому на виноватого, какъ споръ учинитца, съ воеводцкого докладу, добрыхъ людехъ, всѣмъ намъ вмѣстѣ, а одному изъ насъ никому отнюдь не давать“; см. А. Ю. Б., т. I, № 111.

[2]) Псковская Судная Грамота, ст. 14 и 38.

писцовыя книги, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколько позднѣйшее время хранились въ Помѣстномъ приказѣ, можно предполагать, что и въ данномъ случаѣ справка, нужная князю Василію Ивановичу [Голенину?] наводилась въ архивѣ Помѣстнаго приказа. Въ другомъ судномъ спискѣ 1504 года разсказывается о томъ, какъ по поводу жалованной грамоты, данной княземъ Верейскимъ и Бѣлозерскимъ Михаиломъ Андреевичемъ, подлинникъ которой былъ увезенъ въ Москву Бѣлозерскимъ писцомъ Василіемъ Долматовымъ, писавшимъ тѣздъ около 1485 (6993) года, тотъ-же судья князь Василій Ивановичъ Голенинъ, „по великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси, грамоты жалованные княжы Михайловы Ондреевича въ казнѣ доискался и возрилъ въ грамоту...“ Если такая грамота не находилась въ царской казнѣ, состоявшей, по всей вѣроятности, при Посольскомъ приказѣ, то она могла оказаться въ архивѣ Помѣстнаго приказа: тутъ, по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ того-же вѣка уже хранились „вотчинныя крѣпости“, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ указная грамота Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ 1566 года; здѣсь мы читаемъ: „а въ книги деи в Помѣстной избѣ в которых записывают вотчинные крѣпости, князь Ондрѣй з братьею [Кривоборскіе] да и они того сельца и деревни не записали и то деи ихъ сельцо и деревни Петръ Лихорев ца подъячей Костя Толмачевъ роздали въ помѣстья дѣтем боярскимъ по государеву указу...“ [1]). Книги подобнаго рода какъ видно изъ извѣстнаго дѣла С. Стромилова съ М. Черговымъ о закладной кабалѣ, хранились въ особыхъ ларяхъ которые назывались по имени дьяковъ [2]). Вообще, такой же порядокъ существовалъ и въ другихъ Московскихъ приказахъ имѣвшихъ свой архивъ, напримѣръ, въ Разрядномъ: сюда между прочимъ, поступило производство Палаты родословныхъ дѣлъ, въ составъ котораго вошли остатки фамильныхъ архи

[1]) А. Г. Р., т. I, № 34, ст. 36. А. Ю. № 11, с. 21. *Н. Лихачевъ*, Библіотека и архивъ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи, сс. 53—55.

[2]) *Н. Лихачевъ*, Изъ лекцій по дипломатикѣ, С.-Пб. 1905—1906 г.г., сс. 2 31. Дѣло относится къ 1565—1566 годамъ.

ъ служилыхъ родовъ, въ томъ числѣ частные акты XIV—
VII столѣтій (въ копіяхъ): докладныя, полныя и заемныя
ізанскія), купчія, данныя, дѣловыя и проч. [1]). Въ архи-
къ другихъ приказовъ, смотря по ихъ вѣдомствамъ, могли
ть и частные акты, напримѣръ: въ приказѣ Холопьяго су-
, въ Земскомъ приказѣ, въ Судномъ приказѣ и т. п. [2]).
ри Оружейной палатѣ также хранились книги записныя
зныхъ дѣлъ, вѣроятно, нѣсколько позднѣйшаго времени; онѣ
ключаютъ въ себѣ: явочныя прошенія о бѣглыхъ людяхъ,
пчія и данныя на имѣнія и дворы, записныя книги суд-
мъ дѣламъ, очнымъ ставкамъ и невершеннымъ старымъ
ламъ, которыя вершены будутъ, и т. п.; кромѣ того, тутъ-
хранились и другіе частные акты, вѣроятно, занесенные
такія-же книги, напримѣръ, жилыя записи (наемъ услугъ
въ ученіе), наемныя жилыя записи (отдача въ наемъ до-
въ, лавокъ и проч.), поручныя записи, справочныя про-
енія (просьбы писцовъ о томъ, чтобы велѣно было отвѣт-
ковъ, не явившихся по приставнымъ памятямъ, предста-
ть къ суду), срочныя сказки (сроки, назначенные поручи-
лями для явки въ судъ) и т. п. [3]). Кромѣ центральныхъ
режденій, мѣстныя, въ особенности съѣзжія избы, гдѣ предъ-
влялись крѣпостные акты къ запискѣ въ книги, также имѣли

---

[1]) Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ представите-
лями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества. Ч. I, 1257—1613 г.г. Съ
предисловіемъ *А. И. Юшкова*, въ Чт. М. О. И. и Др. 1898 г., кн. II-IV, сс. VI—
III. Впрочемъ, судя по описи дѣламъ, вынесеннымъ изъ Разряда во время пожара
1626 года, въ его архивѣ не числилось особыхъ фондовъ частныхъ актовъ, упоми-
нается одна поручная; см. *Н. Лихачевъ*, Библіотека и архивъ Московскихъ государей
XVI столѣтія, сс. 53—81. Въ описаніи документовъ Разряднаго приказа встрѣ-
чаются дѣла, касающіяся сыска крестьянъ и холоповъ, межеванія и т. п., въ
составѣ которыхъ могли-бы оказаться и частные акты; см., напримѣръ, Опис.
кн. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. XI, сс. 31, 106, 155, 191, 209, 473 (по-
ручныя) и др.; кн. XIV, сс. 169, 185, 212, 350, 408 и др.

[2]) А. И., т. I, № 221; т. III, № 92, ст. XXII.

[3]) Краткое описаніе примѣчательныхъ книгъ и рукописей, находящихся въ
архивѣ при Мастерской и Оружейной палатѣ, въ Вѣстникѣ Европы 1827 г.
№ 16, сс. 256—257.

свои собранія частныхъ актовъ, напримѣръ, въ Новгородѣ, Устюжнѣ Желѣзнопольской, Соликамскѣ и т. п. [1]).

Благодаря централизаціи правительственныхъ архивовъ, которая стала развиваться въ XVIII вѣкѣ, въ особенности послѣ упраздненія старинныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ нихъ стало сосредоточиваться большое количество актовъ, въ томъ числѣ и частныхъ.

Такой процессъ совершался, однако, не безъ колебаній. Вмѣсто того, чтобы писать въ Москвѣ акты въ палаткѣ Ивановской площади, какъ водилось изстари, указомъ 1699 года декабря 9 велѣно писать ихъ въ Помѣстномъ приказѣ, что, впрочемъ, вскорѣ было отмѣнено. Вслѣдъ затѣмъ указомъ 1704 года января 31 предписано вносить старыя и новыя крѣпости и брать съ нихъ пошлины въ Судномъ приказѣ, а въ другихъ городахъ по земскимъ избамъ, но и указъ 1704 года оставался въ силѣ недолго и, вѣроятно, не помѣшалъ вернуться къ прежнему порядку взиманія крѣпостныхъ пошлинъ въ Помѣстномъ приказѣ. Въ 1720 году (указами 13 февраля и 19 іюня) велѣно было писать всякія крѣпости въ Юстицъ-Коллегіи, причемъ прежній порядокъ взиманія крѣпостныхъ пошлинъ былъ снова измѣненъ указомъ 1723 года іюля 11-го, въ силу котораго крѣпостныя пошлины стали сбираться въ Крѣпостной конторѣ. Вскорѣ, однако, порядокъ писанія крѣпостей былъ снова измѣненъ: кромѣ Вотчинной Коллегіи, которая, судя по сенатскому указу 1726 года, завѣдывала записной купчихъ и закладныхъ, справкой за дѣтьми, послѣ отцовъ и другихъ родственниковъ, по наслѣдству и т. п., указомъ 1731 года іюня 17-го велѣно было всякія крѣпости писать, свыше ста рублей, въ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ опредѣленнымъ къ тому канцелярскимъ чиновникамъ, въ Москвѣ подъ надзоромъ Юстицъ-Коллегіи, а въ городахъ подъ смотрѣніемъ губернаторовъ и воеводъ. Наконецъ, по упраздненіи Юстицъ-Коллегіи и Вотчинной конторы, замѣ-

[1]) А. Ю. Б., т. II, №№ 129, II; 148 и 397. *Б. Грековъ*, Описаніе актовыхъ книгъ Археографической Коммиссіи, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. XXVIII (1916 г.), сс. 7, 61, 68.

вшихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Помѣстный и Судный
казы, вступила въ ихъ права, съ силу Учрежденія о гу-
рніяхъ 1775 года, Палата гражданскаго суда; впрочемъ,
ты на недвижимыя имѣнія совершались и въ уѣздныхъ су-
къ. Вскорѣ затѣмъ, наряду съ Вотчиннымъ архивомъ, из-
стнымъ подъ такимъ названіемъ уже съ 1726 года, учреж-
нъ былъ еще Государственный Архивъ старыхъ дѣлъ въ
тербургѣ указомъ 24 октября 1780 года и въ Москвѣ
азомъ 2 октября 1782 года; сюда стали стекаться дѣла
шеназванныхъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ [1]).
ъ теченіемъ времени той же судьбѣ подверглись и доку-
нты губернскихъ учрежденій: вмѣстѣ съ Архивами старыхъ
лъ и Вотчиннымъ, получившимъ, въ качествѣ особаго
режденія, свои штаты лишь въ силу указа отъ 7 января
86 года, они были переданы послѣ судебной реформы
) ноября 1864 года на храненіе въ Московскій Архивъ
инистерства Юстиціи, гдѣ, такимъ образомъ, и сосредото-
лась главная масса старинныхъ документовъ, въ томъ
слѣ и частныхъ актовъ [2]).

Въ настоящее время Московскій Архивъ Министерства
стиціи, образованный 7-го іюля 1852 года, состоитъ изъ
ехъ отдѣленій, между которыми и распредѣлены документы
шеназванныхъ прежнихъ хранилищъ: кромѣ Разряднаго
рхива, дѣла котораго были переданы въ I отдѣленіе, до-
менты Архива старыхъ дѣлъ составили II отдѣленіе, а
кументы Вотчиннаго Архива — III отдѣленіе нынѣшняго
рхива Министерства Юстиціи [3]).

Въ составъ II отдѣленія вошли, между прочимъ, фонды

[1]) П. С. З., т. XX, № 15074, т. XXI, № 15530. Печатныя пошлины взи
лись сперва въ Печатномъ приказѣ, а съ 1722 года въ Печатныхъ конторах
Петербургской и Московской), упраздненныхъ указомъ 15 декабря 1763 года
Государственный Московскій архивъ старыхъ дѣлъ былъ оффиціально открыт
3 марта 1783 года.

[2]) Описаніе докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. V, сс. 153—21
челобитчиковыхъ дѣлахъ, особенно сс. 178—182), 399—445.

[3]) Сборникъ матеріаловъ, относящихся до архивной части въ Россіи
етр. 1916, т. I, сс. 361—425.

имѣющіе значеніе и для изученія частныхъ актовъ; сюда относятся: а) дѣла Судного приказа, соединившаго въ себѣ производства нѣсколькихъ старинныхъ приказовъ (Московскаго, Владимірскаго, Дмитровскаго и др.); в) дѣла Юстицъ-Коллегіи и ея конторы, въ томъ числѣ, напримѣръ, „книги записныя вотчинныя" въ продажѣ вотчинъ (вмѣстѣ съ людьми и крестьянами); „книги записныя крестьянскія" въ продажѣ крестьянъ, выдачѣ отпускныхъ и т. п.; „книги записныя письма крѣпостей": купчихъ, поступныхъ, закладныхъ и т. п.; „книги крѣпостныя жилыя", содержащія жилыя, т. е. сдѣлки личнаго найма или отработки долга; „книги записныя наемныхъ дворовъ, дворцовыхъ земель" и пр.; „книги записныя въ займѣ денегъ" по заемнымъ кабалам и подъ закладъ движимаго и недвижимаго имущества; „книги записныя духовныхъ завѣщаній", явленныхъ въ Юстицъ Коллегіи; „книги подлинныя вѣрющимъ письмамъ" съ записями довѣренностей; „книги записныя приказныя поручнымъ записямъ"; с) дѣла Коллегіи Экономіи, завѣдывавшей управленіем церковными имуществами и сборами съ нихъ податей, въ особенности послѣ ихъ секуляризаціи; вмѣстѣ съ ея дѣлопроизводствомъ поступило богатое „собраніе грамотъ Коллегіи Экономіи". Въ общей сложности въ дѣлахъ Коллегіи Экономіи насчитывается до 608 книгъ съ грамотами (въ спискахъ и до 15028 отдѣльныхъ подлинныхъ грамотъ, расположенныхъ по уѣздамъ и относящихся къ 1356 — 1795 годамъ между ними много частныхъ актовъ [1]).

Въ составъ III отдѣленія вошли дѣла Помѣстнаго приказа, а также вотчинной коллегіи (съ конторой и департаментомъ) и вотчинные архивы; они заключаютъ въ себѣ кромѣ значительнаго собранія писцовыхъ и другихъ книгъ челобитныя о дачѣ помѣстій, о записке за просителями при-

[1]) *И. Ивановъ*, Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, М. 1850 г. сс. 27—29, 45—56, 72—73. Памятная книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи, М. 1890 г., сс. 47, 57, 61—62, 69—73 и др. О Разрядномъ архивѣ см. выше, с. 61, прим. 1. Ср. *А. Лаппо-Данилевскій*, Планъ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII вв., въ Прил. къ прот. Ист.-Фил. Отд. Академіи Наукъ, 10 янв. 1901 г.

ѣтенныхъ ими имѣній, о нарушеніяхъ поземельныхъ правъ проч., а также справки по челобитнымъ, допросы, распоженія о запискѣ и отказѣ земель за новыми пріобрѣтатеми, разборъ и судъ по спорнымъ дѣламъ, съ приговорами нимъ, и т. п. Въ такихъ дѣлахъ попадаются, конечно, и стные акты, напримѣръ, записныя книги подлиннымъ крѣстямъ на земли съ крестьянами и на крестьянъ безъ земли, также записныя книги явленнымъ крѣпостямъ (купчимъ, кладнымъ и проч.), [заключаютъ] документы, касающіеся недвимыхъ имѣній: данныя, раздѣльныя, мѣновныя, сдаточныя на мѣстья, отпускныя крестьянъ на волю, мировыя и т. п. [1]).

Кромѣ того, въ Архивѣ Министерства Юстиціи имѣются ла изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ дебною реформою 20 ноября 1864 года, въ томъ числѣ и ла гражданскихъ палатъ разныхъ губерній, содержащія кже частные акты; слѣдуетъ замѣтить, что даже въ позднѣйшихъ дѣлахъ XVIII вѣка (особенно касающихся земледѣнія) почти постоянно встрѣчаются въ копіяхъ документы болѣе ранняго времени: XVI и XVII вв. [2]).

Кромѣ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, сореточившаго въ себѣ храненіе большинства старѣйшихъ ктовъ, въ особенности частныхъ, можно указать еще на епѣе значительныя хранилища актовъ, преимущественно астныхъ. Въ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ, напримѣръ, имѣются собранія И. Д. Бѣляева, который составилъ оллекцію 2254, главнымъ образомъ, частныхъ актовъ XV—VII вв., и Я. П. Гарелина, менѣе систематическаго и болѣе азнороднаго по своему содержанію, въ количествѣ 3016 рамотъ, относящихся „почти исключительно къ Суздальской области“, преимущественно XVII вѣка [3]).

---

[1]) Памятная книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи, сс. 38—52

[2]) Ibid., сс. 149, 150 и др.

[3]) *Д. Лебедевъ*, Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, М 881 г. *Его-же*, Описаніе собранія рукописей Я. П. Гарелина, въ Отчетѣ Отдѣ нія рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1886—888 г.г., сс. 1—86.

Въ числѣ архивовъ, образованныхъ еще въ XVIII вѣк
о не слившихся съ Московскимъ архивомъ Министерств
Юстиціи, можно указать еще на одно хранилище, имѣюще
лизкое отношеніе къ изученію частныхъ актовъ: архив
Межевой Канцеляріи, возникшій благодаря указу 16 январ
768 года, содержитъ богатое собраніе подлинныхъ планов
межевыхъ книгъ на всѣ дачи и участки, а равно и мн
ie другіе межевые матеріалы, выясняющіе положеніе поз
ельной собственности во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ прои
одилось и донынѣ еще производится межеваніе; матеріал
собранные въ немъ, даютъ возможность опредѣлить положе
ніе, пространство и границы поземельныхъ владѣній, т.-
„существенно важныя данныя, безъ которыхъ точная опр
дѣлительность поземельной собственности немыслима", гла
нымъ образомъ, со времени обнародованія межевой инстру
ціи 1766 года; нѣсколько позднѣе, а именно съ 1796 год
архивъ былъ раздѣленъ на два отдѣла: писцовый, дающ
понятіе о межевыхъ дѣйствіяхъ по каждой дачѣ, и чертеж
ный, состоящій изъ межевыхъ документовъ, порожденных
такими дѣйствіями, т.-е. изъ плановъ и межевыхъ книгъ, о
носящихся, главнымъ образомъ, къ XVIII—XIX столѣтіямъ[1].

Менѣе важное значеніе для дипломатики частныхъ актов
имѣютъ другія Московскія хранилища, едва-ли содержащ
дѣльные фонды подобнаго рода. Въ числѣ ихъ нельзя н
отмѣтить Синодальную библіотеку, въ которой есть нѣсколь
сборниковъ актовъ, любопытныхъ въ дипломатическомъ отн
шеніи, а также Главный Архивъ Министерства Иностран
ныхъ Дѣлъ; здѣсь, по „не дипломатическому отдѣлу"; хр
нятся, между прочимъ, духовныя и другія крѣпости и запис
московскихъ и удѣльныхъ князей, а также поручныя запис
князей и бояръ; приказныя дѣла старыхъ и новыхъ лѣт
въ составѣ которыхъ встрѣчаются частные акты: порядны
поручныя и т. п.; нѣкоторыя записныя книги крѣпостям

[1]) *М.*, Архивъ Межевой Канцеляріи, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 г., Сов
бт., №№ 33, 37, 38, 42 и 46; 1869 г., № 10. См. отд. отт. М. 1868 г., I, сс. 6,
I, сс. 25, 29; IV, сс. 9 (объ „экономическихъ примѣчаніяхъ"), 32.

напримѣръ, по Новгороду и Нижнему-Новгороду; акты о выѣздѣ въ Россію иностранцевъ; портфели Г. Ф. Миллера съ значительнымъ количествомъ сибирскихъ актовъ и т. п. [1]).

Петроградскія хранилища, возникшія въ болѣе позднее время и образовавшіяся изъ довольно разнообразныхъ, иногда случайныхъ пріобрѣтеній, особенно Публичная Библіотека и Археографическая Комиссія обладаютъ довольно значительными собраніями актовъ. Въ рукописное отдѣленіе Публичной Библіотеки, между прочимъ, поступило, кромѣ извѣстнаго собранія графа Ѳ. А. Толстого, богатое древлехранилище М. П. Погодина, въ составѣ котораго оказалось не мало пергаминныхъ грамотъ Коллегіи Экономіи, а также другихъ актовъ [2]). Въ Археографической Комиссіи, кромѣ нѣсколькихъ сотъ грамотъ, нѣкогда принадлежавшихъ Коллегіи Экономіи, и актовъ Новгородской казенной палаты, касающихся вотчинныхъ владѣній Софійскаго митрополичьяго дома, а также разныхъ монастырей и церквей, хранятся еще: собраніе П. М. Строева (общимъ числомъ до 3330 нумеровъ), изъ котораго почти исключительно почерпнуты были матеріалы для извѣстнаго сборника „Актовъ Юридическихъ“; далѣе, коллекціи П. И. Савваитова (вологодскіе акты), В. Борисова (шуйскіе акты) и Каблукова (въ послѣдней есть акты XVIII вѣка); довольно богатый архивъ бывшаго Коряжемскаго монастыря и другіе фонды [3]). Менѣе важное значеніе

---

[1]) Сборн. Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, в. II, М. 1882, сс. 137—138 и др.

[2]) *К. Калайдовичъ и П. Строевъ*, Описаніе славяно-россійскихъ рукописей... графа Ѳ. А. Толстого. М. 1823 г. Первое и второе прибавленіе къ нему издано *П. Строевымъ* въ С.-Пб. и М., въ 1825 г. и 1827 гг. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1852 г., С.-Пб. 1853 г., с. 42—52; то-же за 1876 г. С.-Пб. 1878 г., сс. 25—26 и др.

[3]) А. Ю., с. III. „Архивъ П. М. Строева“, изданіе Археографической Комиссіи, въ Р. И. Б., тт. XXXII и XXXV. *Н. Барсуковъ*, Рукописи Археографической Комиссіи, С.-Пб. 1882 г. *М. Кудрюмовъ*, Описаніе актовъ, хранящихся въ архивѣ Императорской Археографической Комиссіи, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., вв. 19 (1908 г.), 21 (1909 г.), 23 (1911 г.), 26 (1914 г.) и 27 (1915 г.); тутъ-же описаны акты Кунгурскіе и Соликамскіе, акты Муромскаго и Вѣжецкаго уѣзднаго судовъ, акты Тульскаго губернскаго правленія и Каширскаго го-

имѣютъ для дипломатики частныхъ актовъ нѣкоторые другіе петроградскіе хранилища, напримѣръ, архивъ Святѣйшаго Синода, заключающій, между прочимъ, грамоты, завѣщанія духовныхъ лицъ, имущественныя описи позднѣйшаго времени и т. п.; при немъ имѣется собраніе актовъ И. К. Зинченка: оно преимущественно касается поморскихъ уѣздовъ и содержитъ не мало частныхъ актовъ [1]). Въ рукописное отдѣленіе Библіотеки Россійской Академіи Наукъ также поступило нѣсколько собраній актовъ: Я. П. Бередникова, І. Х. Гамеля, К. К. Ширрена, М. И. Семевскаго и П. Н. Кашкина, дополненныхъ позднѣйшими пріобрѣтеніями куростровскихъ, важскихъ и пошехонскихъ столбцовъ, а также актовъ, касающихся крестьянской вѣтви Строгановыхъ. Въ Археологическомъ Институтѣ находится нѣсколько „старинныхъ рукописей, начиная съ XV вѣка, свитковъ и грамотъ", между которыми особое мѣсто занимаетъ нѣкоторая часть вотчиннаго архива князей Куракиныхъ [2]).

Кромѣ столичныхъ архивовъ, можно, конечно, указать и на нѣкоторые областные и провинціальные. Въ числѣ областныхъ архивовъ особенно значительны „центральные" архивы: Кіевскій, Виленскій и Витебскій [3]). Въ провинціальныхъ хранилищахъ, особенно въ монастыряхъ, архивы которыхъ не перешли въ центральныя вѣдомства или не разошлись по рукамъ или исчезли, еще имѣются матеріалы подобнаго рода, напримѣръ, въ Соловецкомъ, Кирилло-Новоезерскомъ, Александро-Свирскомъ, Колязинскомъ, Спасо-Евфиміевскомъ, Тихвинскомъ и т. п. [4]). Въ частныхъ хранилищахъ, напримѣръ, графа А. С.

родническаго правленія, также поступившіе въ Комиссію. Документы, попавшіе туда-же изъ Вятской казенной палаты, судя по описанію М. А. Островской, не относятся къ частнымъ актамъ; см. тамъ-же, в. 18 (1905 г.).

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, т. I (1868 г.) и друг. Ср. *М. Островская*, Земельный бытъ сельскаго населенія Русскаго Сѣвера въ XVI—XVII вѣкахъ, С.-Пб. 1913 г., сс. 24, 26, 30 и др.

[2]) Вѣстн. Археол. и Ист., в. VIII, с. 15.

[3]) Сборн. Археол. Инст., в. III (1880), сс. 55—82; в. V, сс. 45—56.

[4]) *А. Викторовъ*, Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Россіи, Спб. 1890, сс. 132, 169, 195, 283—284, 316 и др.

варова, А. А. Титова, И. А. Вахрамѣева, графа М. М. Толтого и др. имѣются также собранія частныхъ актовъ [1]).

Положеніе нашихъ нотаріальныхъ архивовъ, столь важмыхъ для изученія частныхъ актовъ позднѣйшаго времени, о сихъ поръ мало выяснено. По силѣ 42 статьи Положеія о нотаріальной части, при каждомъ окружномъ судѣ чреждается, подъ завѣдываніемъ старшаго нотаріуса, нотаіальный архивъ для храненія крѣпостныхъ, запретительныхъ разрѣшительныхъ книгъ, а также книгъ, реестровъ и подисей нотаріусовъ и лицъ, ихъ замѣняющихъ". Въ 1867 году 7 іюня были высочайше утверждены штаты нотаріальныхъ рхивовъ при окружныхъ судахъ, раздѣленныхъ на четыре азряда [2]).

Наконецъ, кромѣ отмѣченныхъ выше главнѣйшихъ хранилищъ, можно было бы указать и на многія другія, въ сотавъ которыхъ вошли и частные акты; но они большею астью представляются въ довольно разрозненномъ видѣ и е поддаются систематическому обозрѣнію.

§ 2. Развитіе русской дипломатики и ея литература.

Русская дипломатика частныхъ актовъ возникла сравнительно недавно и не отличается богатствомъ своей литературы. Въ древности, разумѣется, научныя свѣдѣнія по дипломатикѣ еще не выдѣлялись въ особую дисциплину и лишь рактически примѣнялись въ канцеляріяхъ, напримѣръ, великокняжеской и митрополичьей, или при разсмотрѣніи на удахъ грамотъ, вызывавшихъ сомнѣніе въ ихъ подлинности; вѣдѣнія о такомъ разбирательствѣ можно почерпнуть изъ равыхъ грамотъ, напримѣръ, той, которая была выдана по оводу тяжбы между С. В. Стромиловымъ и И. М. Черто-

[1]) Описаніе актовъ собранія графа А. С. Уварова, Акты историческіе. М. 1905. . *Иконниковъ*, Новыя коллекціи рукописей въ Россіи, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1889 года. *А. Маркевичъ*, Описаніе актовъ, принадлежащихъ графу М. М. Толстому. Одесса, 1881.

[2]) Сборн. матер., относящихся до архивной части въ Россіи, т. II, сс. 210—214.

ымъ, 1565—1566 г.г. [1]). Впрочемъ, можно указать на опытки дипломатическаго обращенія съ актами уже въ XVII вѣкѣ. Въ одномъ сборникѣ того времени, можетъ быть, принадлежащемъ монаху Евѳимію и писанномъ тѣмъ же очеркомъ, что и книга „Щитъ вѣры“, вслѣдъ за словомъ о житіи митрополита Алексія составитель помѣстилъ копіи съ ярлыковъ, выданныхъ ханами русскимъ митрополитамъ, съ слѣдующей предварительной замѣткой: „Достоитъ изъявити, како аріе ординстіи чествоваху архіереи россійскія и како церковь святую и церковники свободны имяху отъ всякихъ даней и поборовъ“. „Ярлыки, сирѣчь жаловалныя грамоты и каковы давали аріе ординстіи и вси митрополітомъ Кіевскимъ и всея Русіи, егость церковнымъ домомъ и людемъ“. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе ярлыковъ—всѣхъ ярлыковъ шесть. Послѣ нихъ приписка, часто встрѣчающаяся за ярлыками: „суть же и иныя вещицы ерльцы предани быша церкви Божіей“ и пр. Вслѣдъ за нимъ составитель присоединилъ списокъ съ „грамматы на аргаминѣ писанную св. Алексія митрополита всея Россіи, описанную по гречески рукою его свойственною, обрѣтающаяся въ домовой казнѣ Рязанскія митрополіи“. Эта грамота писана митрополитомъ на Червленый Яръ боярамъ духовенству о подчиненіи (ихъ?) Рязанскому епископу; напечатана въ А. И., т. I, № 3. Въ концѣ грамоты писана подпись митрополита, которой въ печати нѣтъ: „Ἀλέξιος ἐλέῳ Θεοῦ μητροπολίτης πάσης Ῥωσσιας καὶ ὑπέρτιμος“. прибавлено: „и печать у грамматы привѣшена, на диной странѣ образъ пречистыя Богородицы, на второй странѣ тоежде подписаніе по гречески изваяно имущая“. алѣе помѣщены матеріалы, не имѣющіе отношенія къ итрополиту Алексію; они касаются позднѣйшаго времени [2]).

[1]) *Н. Лихачевъ*, Изъ лекцій по дипломатикѣ. СПб. 1906, сс. 21—31.

[2]) *А. Горскій и К. Невоструевъ*, Описаніе слав. рукоп. Московской Синодальной Библіотеки, отд. II, ч. 3. М. (1862 г.), № 338, стр. 814—815: въ началѣ борника (лл. 1—13): краткій отрывокъ изъ Баронія о Михаилѣ Кирулларіѣ и ово на бывшее чудо въ Колассаяхъ Фригійскихъ отъ всеславнаго архиратига Михаила. Въ разныхъ мѣстахъ сборника—выноски, поправки и при ски монаха Евѳимія; не ему-ли принадлежалъ сборникъ?

Въ слѣдующемъ столѣтіи нѣкоторые изъ ученыхъ, занявшихся русской исторіей, уже обратили серьезное вниманіе на акты, напримѣръ, Г. Ф. Миллеръ и кн. М. М. Щербатовъ; Н. И. Новиковъ также напечаталъ нѣсколько частныхъ актовъ въ своей „Древней Россійской Вивліоѳикѣ“, вслѣдъ за которой появилось изданное Академіей „Продолженіе“. Само правительство, въ лицѣ императрицы Екатерины II, повидимому, нѣсколько заинтересовалось „грамотами, какія и въ какомъ случаѣ употреблялись:

1. Въ иностранныя государства—во всякихъ случаяхъ.
2. Къ намѣстникамъ всѣхъ княженій — во всякихъ дѣлахъ.
3. Какъ отъ государей, такъ и изъ всѣхъ приказовъ— во всякихъ дѣлахъ.
4. Уставныя—для учрежденія каково либо порядка или положенія податей.
5. Опасныя—ежели на кого кто похвалится убивствомъ давались съ таковымъ предписаніемъ, если тотъ, кому дана сія грамота, убитъ будетъ, то будетъ признанъ убійцею тотъ, кто похвалялся.
6. Несудимыя—даваны съ тѣмъ, чтобы они въ городахъ, а иногда и кромѣ государей, ни въ какихъ дѣлахъ судимы не были; оныя Уложеньемъ отставлены.
7. Жалованныя—на дворцовыя, родовыя и купленныя деревни и на такія, которыя пожалованы изъ помѣстья въ вотчину, также на дворянство, но кто изведеніе изъ нижней въ вышнюю степень, на поверстаніе въ помѣстной окладъ и на опредѣленіе къ мѣсту для управленія чего.
8. Данныя—торговымъ людямъ на владѣніе лавокъ, кои и нынѣ даются на проданныя казенныя мѣста и домы, вмѣсто крѣпостей, на рыбныя ловли и пр., отданныя изъ оброку.
9. Оберегательные или охранительные листы—въ какомъ случаѣ давались, точно неизвѣстно.
10. Тарханныя или льготныя—давались съ обозначеніемъ

времени тѣмъ, которые освобождены бывали отъ поборовъ, податей и постою, или чѣмъ казеннымъ кому позволялось безъ платежа пользоваться, также и тѣмъ, кто придетъ изъ заграницы и поселится на дворцовыхъ земляхъ для освобожденія отъ поборовъ и податей.

11. Правыя—тѣмъ, кто по суду въ чемъ оправленъ.
12. Уговорщикамъ хлѣбнымъ—подрядчикомъ, дабы не препятствовали имъ въ поставкѣ хлѣба.
13. Сыскныя—посылалися для сыску и свидѣтельства порожжихъ земель.
14. Отказныя—для объявленія, что деревни или земли какія почитать во владѣніи кого либо и описанія оныхъ.
15. Вводныя—въ доказательство, что имѣетъ право владѣть тѣми деревнями или землями, которыя въ нихъ помянуты, вмѣсто коихъ нынѣ даются выписи на владѣніе.
16. Долговыя—указы о взысканіи съ кого какого долга по обязательствамъ.
17. Откупныя—объ отдачѣ на откупъ изъ казны чего.
18. Зазывныя—для позыву къ суду.
19. Проѣзжія—для проѣзда въ другія государства и изъ города въ городъ, вмѣсто коихъ нынѣ дается паспортъ.
20. Полѣтныя—въ случаѣ кому какова нещастья о невзысканіи долговъ на нѣкоторое время“ [1]).

Въ началѣ XIX вѣка кружокъ графа Н. П. Румянцева много сдѣлалъ для того, чтобы подготовить дальнѣйшее развитіе русской дипломатики: „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“ уже было основано на такихъ подготовительныхъ работахъ, хотя и не вполнѣ удовлетворяетъ новѣйшимъ требованіямъ научно-издательской техники [2]).

---

[1]) Госуд. Арх. X, № 19—„рукописи имп. Екатерины II“—л. 311

[2]) Очеркъ дѣятельности Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1877.

Старшій членъ кружка, Евгеній Болховитиновъ, собралъ обширный матеріалъ, появившійся на страницахъ извѣстнаго труда Амвросія Орнатскаго по исторіи Россійской іерархіи, гдѣ напечатано было немало актовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1818 году митрополитъ Евгеній уже выступилъ съ обстоятельной статьей, посвященной дипломатическому обслѣдованію, согласно правиламъ Мабильона и Гаттерера, древнѣйшей изъ сохранившихся нашихъ грамотъ, а именно „грамоты великаго князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго князя Новгородскаго, пожалованной Новгородскому Юрьеву монастырю“; въ своей работѣ митрополитъ Евгеній обратилъ особенное вниманіе на время появленія грамоты, на нѣкоторыя невразумительныя слова ея текста, на матеріалъ и чернила, послужившіе для ея написанія, на почеркъ и образецъ буквъ и правописаніе, а также на строчные и надстрочные при буквахъ знаки, и, наконецъ, на „признаки удостовѣренія даятеля грамоты“, причемъ остановился на разборѣ рукоприкладствъ и, по поводу вопроса о печатяхъ, описалъ всѣ извѣстныя ему великокняжескія, царскія и архіерейскія печати [1]). Одинъ изъ младшихъ членовъ кружка, К. Ѳ. Калайдовичъ, выступилъ по поводу напечатанныхъ Х. А. Шлецеромъ двухъ грамотъ, касающихся сношеній Новгорода съ Ганзою, съ истолкованіемъ ихъ смысла и содержанія [2]). Вскорѣ затѣмъ С. Г. Саларевъ сдѣлалъ попытку разобраться въ разновидностяхъ россійскихъ грамотъ и, между прочимъ, дать краткую характеристику „крѣпостей“, т. е. купчихъ, закладныхъ, поступныхъ и проч., а также сдаточныхъ, полныхъ и отпускныхъ, раздѣльныхъ или передѣльныхъ, духовныхъ или завѣщательныхъ, отказныхъ и межевыхъ, служилыхъ и заемныхъ кабалъ, поручныхъ и т. п., причемъ сообщилъ нѣсколько

---

[1]) Митрополитъ *Евгеній*, Примѣчанія на грамоту великаго князя Мстислава Володимировича и проч., въ Вѣстникѣ Европы 1818 года, ч. С и CI, №№ 15—16, 20, сс. 200—255.

[2]) *К. Калайдовичъ*, Замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ Новгородскихъ, въ Вѣстникѣ Европы 1812 года, ч. 61, № 3, сс. 204—232; грамоты были напечатаны Х. А. Шлецеромъ тамъ же, 1811 г., №№ 23 и 24.

свѣдѣній, не всегда, впрочемъ, безошибочныхъ, о ихъ значеніи и способахъ ихъ удостовѣренія [1]).

Къ тому же времени относится и появленіе анонимной книги „Объ актахъ крѣпостныхъ, завѣщательныхъ, договорныхъ, заемныхъ и вексельныхъ". Авторъ, писавшій свой трудъ въ виду не столько научныхъ, сколько практическихъ цѣлей, даетъ прежде всего общее понятіе объ актѣ, т. е. о „знакѣ, утверждающемъ принадлежность какой либо вещи или отношеніе одного человѣка къ другому", и выясняетъ происхожденіе актовъ, а затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ: купчихъ, „дареныхъ", рядныхъ и раздѣльныхъ записей, духовныхъ завѣщаній, условій, контрактовъ, векселей, закладныхъ и всѣхъ родовъ заемныхъ писемъ, присоединяя къ нему ихъ образцы, которые могутъ служить иллюстраціями формуляровъ старинныхъ частныхъ актовъ [2]). Въ то же время П. М. Строевъ приступилъ къ цѣлому ряду археографическихъ работъ, положившихъ прочное основаніе русской дипломатикѣ: подъ вліяніемъ графа Н. П. Румянцева онъ принялся за собираніе и изданіе актовъ; во время своей извѣстной археографической экспедиціи онъ вывезъ значительную ихъ коллекцію, въ томъ числѣ не мало частныхъ; послѣдніе и составили главное содержаніе того систематическаго сборника „Актовъ Юридическихъ", который былъ изданъ Археографической Комиссіей въ 1838 году и до сихъ поръ является главнѣйшимъ источникомъ для ознакомленія съ основными разновидностями частныхъ актовъ [3]).

Основаніе Археографической Комиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1834 году содѣйствовало дальнѣйшему развитію подобныхъ работъ [4]); въ ея составѣ послѣ

---

[1]) *С. Саларевъ*, Описаніе разнаго рода россійскихъ грамотъ, въ Вѣстникѣ Европы 1819 г., ч.ч. CIII и CIV, №№ 4 и 5, въ особенности № 5, сс. 29—38.

[2]) Объ актахъ и проч., М. 1819 г.

[3]) *Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды П. М. Строева, С.-Пб. 1878 г.

[4]) Дѣятельность Археографической Комиссіи въ царствованіе государя императора Александра II (19 февраля 1855 г.—19 февраля 1880 г.), С.-Пб. 1880 г. Пятидесятилѣтіе Археографической Комиссіи, С.-Пб. 1885 г. Семидесятипятилѣтіе Императорской Археографической Комиссіи (1834—1909). С.-Пб. 1909 г.

І. М. Строева и Я. И. Бередникова главнымъ редакторомъ тал А. А. Куникъ.

А. А. Куникъ обладалъ большими знаніями, но эти знанія му такъ и не удалось собрать въ систему. Имъ выдвинуты были ва вопроса, изъ которыхъ первый касался составленія ука-ателя русскихъ грамотъ. Еще до него въ этомъ направленіи ыли сдѣланы нѣкоторыя попытки, оказавшіяся не вполнѣ дачными. Такъ, А. В. Терещенко занялся составленіемъ списка сѣхъ актовъ на русскомъ языкѣ, разбросанныхъ по разнымъ зданіямъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ трудился онъ надъ собианіемъ матеріаловъ, и все же въ его указатель вошло едва ли ногимъ болѣе половины всѣхъ напечатанныхъ къ тому ремени грамотъ. Куникъ, которому Археографической Коиссіей поручено было приступить къ изданію указателя ерещенко, убѣдился въ томъ, что указатель этотъ во мноихъ отношеніяхъ оказывается неудовлетворительнымъ и предожилъ составить новый хронологическій указатель русскихъ рамотъ и документовъ. По его мнѣнію, приступая къ этой адачѣ, нужно прежде всего собрать весь относящійся сюда атеріалъ; затѣмъ слѣдуетъ дать перечень всѣхъ собранныхъ ктовъ, который будетъ заключаться въ точной перепечаткѣ хъ оглавленій. Лишь въ томъ случаѣ, если грамота вовсе е озаглавлена или озаглавлена неудовлетворительно, неободимо добавить нѣсколько словъ или добавить заглавіе, казывающее на содержаніе грамоты. За оглавленіями долженъ слѣдовать сперва хронологическій комментарій, потомъ казатель личныхъ и географическихъ именъ. Второй вопросъ, ыдвинутый Куникомъ, касался необходимости разсмотрѣнія дѣльныхъ грамотъ и другихъ документовъ, напечатанныхъ ь Исторической Библіотекѣ Коммиссіи, въ Древней Россій-кой Вивліоѳикѣ и особыхъ археографическихъ сборникахъ, затѣмъ описанія ихъ. И первому и второму вопросу уникъ предполагалъ посвятить спеціальную книгу. Археографическая Комиссія предложила Кунику немедленно приступить къ намѣченной имъ работѣ, тѣмъ не менѣе это ни ь чему не привело. Хотя уже въ слѣдующемъ году Куникъ

заявилъ, что главный текстъ первой книги перечня русскихъ гра-
тъ имъ напечатанъ, но дальше этого дѣло не пошло, и до сихъ
оръ остается даже невыясненнымъ, сохранился ли трудъ Куника.

Насчитывается 16 главнѣйшихъ сборниковъ частныхъ
ктовъ, изъ нихъ первые шесть—общіе(смѣшаннаго содер-
канія), а остальные мѣстные:

1. Акты Юридическіе, СПб. 1838 года, изданы Археографической Комиссіей.
2. Акты, относящіеся до юридическаго быта. I—III. СПб. 1857—1884 г.г., также изданы Археографической Комиссіей.
3. Акты, представленные въ Разрядный приказъ, собраны и изданы А. Юшковымъ, ч. I. М. 1898 г.
4. Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ (главнымъ образомъ, первой половины XVI в.). Выпускъ I: духовныя и сговорныя грамоты; выпускъ II: грамоты правыя. Собраны и изданы Н. Лихачевымъ, СПб. 1895 г.
5. Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи С. Шумакова вв. I—IV, М. 1899—1917 г.г. (бѣжецкихъ, алаторскихъ, бѣлозерскихъ, костромскихъ, переяславскихъ и т. д.).
6. Сотницы, грамоты и записи, изданныя С. Шумаковымъ, М. 1902—1913 г., вв. I—VII.
7. Двинскія грамоты XV вѣка, изданныя А. Шахматовымъ, СПб. 1903 г. (Новгородская традиція).
8. Новгородскія грамоты въ Записныхъ книгахъ крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вѣковъ, явленнымъ в Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву—изданныя подъ редакціей А. Лаціера въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Н. Калачова 1855 года, книга 2 пол. 1, отд. 2, и подъ редакціей А. Лаппо-Данилевскаго въ Русской Исторической Библіотекѣ томъ XVII (1898 г.).

9. Русская Историческая Библіотека; особенно томъ II и т.т. XII, XIV, XXV (акты Холмогорской и Устюжской епархіи).

10. Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края, (приложеніе ко II тому сборника Столѣтіе Вятской губерніи), Вятка 1881 г.

11. Тверскіе акты, изданные подъ редакціей С. Шумакова, выпуски I—II, Тверь 1896—1897 г.

12. Угличскіе акты, изданные подъ редакціей С. Шумакова. М. 1899 г.

13. Грамоты Рязанскаго края А. Н. Пискарева. 1854 г.

14. Историческіе и юридическіе акты Казанской и сосѣдственныхъ съ нею губерній, собранные П. Мельниковымъ.

15. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго Дворца, вып. I—VI, Казань—Симбирскъ 1882—1912 г.г.

16. Воронежскіе акты, изданные Н. Второвымъ и К. Александровымъ-Дольникомъ, I-е изд. 1849—1850 г.г., 2 кн., изд. II-е, 1850—1853 г.г., 3 кн., а также Воронежской Архивной Комиссіей (въ вып. V-мъ „Трудовъ").

Несмотря на довольно значительное число болѣе или ѣнѣе цѣнныхъ научныхъ изданій актовъ, современная литература по русской дипломатикѣ все еще очень небогата. Въ ислѣ ученыхъ второй половины прошлаго вѣка, значительно одготовившихъ ея развитіе, нельзя не указать на знатока ашей древней письменности И. И. Срезневскаго, но, какъ илологъ, онъ изслѣдовалъ памятники по преимуществу съ очки зрѣнія палеографіи. Въ болѣе ранній періодъ И. Д. Бѣляевъ и Н. В. Калачовъ обнаружили нѣкоторый интересъ ь подобнаго ро ıа изслѣдованіямъ. И. Д. Бѣляевъ напеталъ нѣсколько статей, посвященныхъ, напримѣръ, выясне-

пію „Списковъ судныхъ, докладныхъ и грамотъ правыхъ и
безсудныхъ въ Московскомъ Государствѣ“, а также „актовъ
устанавливающихъ крѣпостное право въ Россіи“, и напечаталъ
нѣсколько другихъ частныхъ актовъ [1]). Н. В. Калачовъ также
оказалъ не мало услугъ русской дипломатикѣ: онъ составилъ
и издалъ новый систематическій и широко задуманный сборникъ актовъ, относящихся до юридическаго быта; вмѣстѣ съ
нимъ написалъ нѣсколько работъ, въ которыхъ онъ обратилъ
вниманіе, напримѣръ, на старинные наши формулярники,
содержащіе вступленія въ письма, и касался актовъ, записанныхъ въ крѣпостной книгѣ XVI в., „рядныхъ, въ
ихъ смыслѣ свадебныхъ сговоровъ“ и „договоровъ вольныхъ
людей о поступленіи въ крестьяне и дворовые на срочное
время“ и т. п.; кромѣ того, онъ предпринималъ археографическія поѣздки въ разныя губерніи, причемъ представлялъ
донесенія о нихъ предсѣдателю Археографической Комиссіи
и ознакомилъ ученыхъ съ нѣкоторыми изъ ихъ результатовъ
въ статьѣ, вышедшей подъ заглавіемъ: „Историческія замѣтки,
собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ“. Въ связи съ своей научной дѣятельностью, Н. В. Калачовъ выступилъ и въ качествѣ живого иниціатора и организатора архивныхъ работъ:
онъ много содѣйствовалъ новому устройству Московскаго
архива Министерства Юстиціи и, въ званіи управляющаго
имъ, образовалъ при немъ „ученый отдѣлъ“, приступившій
къ описанію документовъ и бумагъ архива; онъ основалъ
въ 1877 году С.-Петербургскій Археологическій Институтъ,
который долженъ былъ подготовлять научно-образованныхъ
архивистовъ, а незадолго до смерти въ 1884 году выхлопоталъ учрежденіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій,

---

[1]) *И. Бѣляевъ*, Списки судные и прочіе, въ Архивѣ истор.-юрид. свѣд. Н. Калачова. 1855 г., кн. 2, пол. 1, отд. 3. *Его-же*, Законы и акты, устанавливающіе въ древней Руси крѣпостное состояніе и проч., въ Архивѣ истор. и практич. свѣд., относящ. до Россіи 1859 г., книга 2. *Его-же*, Юридическіе акты XIV—XV вѣковъ, во Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. книга 16. Ср. *Его-же*, Способъ возстановлять полинявшія и вытершіяся чернила въ древнихъ рукописяхъ, тамъ же, книга 4

ı которыя была возложена обязанность сохранять архивные
атеріалы въ провинціальныхъ центрахъ [1]).

Въ позднѣйшее время стали появляться болѣе системати-
ческіе труды по дипломатикѣ. Весьма полезнымъ пособіемъ
я ознакомленія съ главнѣйшими видами частныхъ актовъ
ихъ формулярами можетъ служить трудъ Д. Мейчика:
рамоты XIV и XV в. Московскаго Архива Министерства
Юстиціи. Ихъ форма, содержаніе и значеніе въ исторіи рус-
каго права. М. 1883 г. (изъ „Описанія докум. и бум.
Московскаго Архива Министерства Юстиціи“, т. IV).

По русской дипломатикѣ въ болѣе точномъ смыслѣ слова
ожно указать, главнымъ образомъ, на труды Н. П. Лихачева
С. А. Шумакова. Давно уже занятый разработкой диплo-
атики Н. П. Лихачевъ успѣлъ, однако, пока дать лишь
есьма обстоятельные обзоры ея исторіи на Западѣ и отчасти
оснуться ея развитія у насъ въ связи съ учрежденіемъ и
одержаніемъ нашихъ архивовъ, а также остановился на
зученіи актовъ „съ ихъ внутренней стороны“. Свои наблю-
енія и выводы Н. П. Лихачевъ излагалъ на лекціяхъ, чи-
анныхъ имъ слушателямъ Археологическаго Института;
асть ихъ была издана полностью, а другая, въ томъ числѣ
его замѣчанія по „дипломатической критикѣ и видамъ актовъ“,
– „корректурно, по непереработаннымъ конспектамъ“ [2]).

Болѣе систематическимъ характеромъ, хотя и менѣе стро-
имъ отношеніемъ къ требованіямъ дипломатики, отличаются
руды С. А. Шумакова; кратко обозрѣвши „грамоты и за-
иси“, а также другіе виды актовъ въ одной изъ нашихъ

---

[1]) *Н. Калачовъ*, Предисловіе къ сообщенію Лакіера о крѣпостной книгѣ VI вѣка, въ Архивѣ истор.-юрид. свѣд. 1855 года, книга 2, пол. 1, отд. II. *Его-же*, Договоры вольныхъ людей конца XVII вѣка. въ Архивѣ истор. и практич. свѣд. 1859 года, книга I, сс. 83—90. *Его-же*, Старинные формулярники XVII XVIII вѣковъ, въ Лѣтоп. зан. Археографической Комиссіи 1861 года, кн. I, сс. 40—49. *Его-же*, Рядныя, въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества 1865—1867 года, т. I., в. II, сс. 67—72.

[2]) *Н. Лихачевъ*, Изъ исторіи дипломатики (XIX в.), издано М. И. Бѣлавенцемъ, Спб. 1905—1906 г. *Его-же*, Изъ лекцій по дипломатикѣ, издано М. И Бѣлавенцемъ, Спб. 1905—1906 г.

энциклопедій, онъ вслѣдъ затѣмъ подробнѣе разсмотрѣлъ их въ введеніи къ послѣднему выпуску своего „Обзора[1]).

Дальнѣйшее развитіе дипломатики въ Россіи обнаруж лось въ болѣе сознательномъ отношеніи къ ея принципа и методамъ, особенно въ той ея части, которая выше бы названа „документальнымъ построеніемъ актовъ". Съ так точки зрѣнія можно упомянуть здѣсь о работахъ А. С. Лапп Данилевскаго: онъ уже раньше выступилъ съ изданіемъ, к которомъ попытался характеризовать одну изъ записны книгъ крѣпостныхъ актовъ конца XVI вѣка, и напечата болѣе сорока листовъ двинскихъ грамотъ, значительная час которыхъ принадлежитъ къ числу частныхъ актовъ; въ сво монографіи о служилыхъ кабалахъ позднѣйшаго типа он попытался иллюстрировать новый методъ анализа частны актовъ въ его приложеніи къ данному ихъ виду и предл жилъ синтезъ добытыхъ такимъ образомъ элементовъ въ их цѣлокупности, разсматривая ее въ ея зависимости отъ услов мѣста и времени, въ ея устойчивыхъ формахъ и въ их историческомъ движеніи; въ болѣе спеціальномъ изслѣдовани о печатяхъ Галичскихъ князей и бояръ XIV вѣка онъ и пользовалъ разнообразные пріемы сфрагистики, отчасти пр мѣнимые и къ изученію печатей частныхъ актовъ[2]).

---

[1]) *С. Шумаковъ*, Грамоты и записи, въ Большой Энциклопедіи Южакова. Сп 1901—1902 года, VII, 429—434, 702—703; IX, 511—513. *Его-же*, Грамоты записи, въ Обзорѣ грамотъ Коллегіи Экономіи, вып. IV., М. 1917 г., сс. 1—4

[2]) *А. Лаппо-Данилевскій*, Введеніе къ записной книгѣ крѣпостныхъ акто XV—XVI вѣковъ, явленныхъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву, въ Р. И. Б., т. XV (1898 г.), сс. I-XXX. *Его-же*, Планъ изданія архивныхъ документовъ XV —XVIII вѣковъ, въ Протоколахъ засѣд. Истор.-Филолог. отдѣленія Имп. Ака Наукъ 1900 (1-ое прилож. къ проток. засѣд. 25 дек.) и 1901 (II-ое прилож. к проток. засѣд. 10 дек.) годовъ. *Его-же*, Отчеты о подготовительныхъ работахъ д изданія Сборника грамотъ Коллегіи Экономіи, тамъ же, 1901 (прилож. къ прото засѣд. 5 дек.) и 1905 (прилож. къ проток. засѣд. 14 дек.) годовъ и въ Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, V серія, т. XVII, № 5; т. XIX, №№ 4—5; т. XXII, № 1 VI серія, т. I, № 1; т. II, № 2; т. III, № 4; т. IV, № 3; т. V, № 4; т. VI, № 3 т. VII, № 4. *Его-же*, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборникѣ статей посвященныхъ В. О. Ключевскому. Москва 1909 г., сс. 719—764. *Его-же*, Пе чати послѣднихъ Галичско-Владимірскихъ князей и ихъ совѣтниковъ, въ сбо никѣ: „Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси". Спб. 1907, сс. 211—311.

Въ „Историческомъ Обозрѣніи“ нѣсколько молодыхъ уче
ыхъ издали сборникъ статей, посвященныхъ изученію русскихъ
астныхъ актовъ: В. И. Веретенниковъ и М. Н. Смирновъ
братили вниманіе на нѣкоторые методы ихъ изслѣдованія
М. Котляровъ остановился на рядныхъ-сговорныхъ
аписяхъ, Ф. Ф. Злотниковъ — на кортомныхъ, А. И. Андреевъ
А. А. Шиловъ — на отступныхъ и поступныхъ, Н. И
идоровъ — на складныхъ записяхъ, В. Н. Кунъ — на
ірскихъ отписяхъ; кромѣ того, М. Ф. Злотниковъ далъ
черкъ института „площадныхъ подъячихъ“ въ Московской
уси [1]). По словамъ одного изъ рецензентовъ этого сборника,
алеко не расположеннаго благосклонно судить о той науч-
ой школѣ, изъ которой онъ вышелъ, все же содержитъ
цѣнныя вещи“ и можетъ быть весьма полезенъ для той
асти дипломатики, которая названа выше документальным
остроеніемъ частныхъ актовъ, скорѣе, впрочемъ, съ точки
рѣнія ихъ анализа, чѣмъ ихъ синтеза.

---

[1]) Историческое Обозрѣніе, томъ XXI: Сборникъ статей, посвященныхъ
. С. Лаппо-Данилевскому. Петроградъ, 1916 г.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Документальное источниковѣдѣніе частныхъ актовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Интерпретація частныхъ актовъ.

Вообще интерпретація акта стремится установить то зн
еніе, какое составитель акта хотѣлъ придать ему. Значен
кта, дѣйствительно, нуждается въ нѣкоторой интерпретац
отя бы въ виду того, что онъ, подобно всякому друго
амятнику письменности, есть источникъ обозначающій, а
зображающій. Въ такомъ смыслѣ чтеніе акта есть уже е
нтерпретація: вѣдь, чувственное воспріятіе акта, въ су
ости, сводится къ чувственному воспріятію письменны
наковъ, которые сами подлежатъ истолкованію, обусловл
ающему чтеніе его текста. Между тѣмъ, для того, чтоб
равильно прочесть текстъ, въ особенности, болѣе или мен
ревній, нужно обладать кое-какими свѣдѣніями по пале
рафіи [1]).

---

[1]) *Д. Прозоровскій*, Чтенія по исторіи славяно-русской палеографіи (кур
екцій, читанныхъ въ Археологическомъ Институтѣ). Главные труды по славя
усской палеографіи: *А. И. Соболевскаго*, Славянорусская палеографія. Лекц
пб. 1893 г. (литографированное изданіе). *Его же*, Образцы славянорусск
ревлписанія. Спб. 1893 г. (литографированное изданіе). *Его же*, Сборни
имковъ съ славянорусскихъ старопечатныхъ изданій. Матеріалы для исто
лавянскаго книгопечатанія XVII вѣка. Спб. 1895. *И. И. Срезневскаго*, Палеогр
ическія изслѣдованія памятниковъ русской древности, въ Изв. II отдѣле

Прежде всего нужно имѣть достаточно ясное представленіе о томъ, какія именно буквы надлежитъ разумѣть подъ тѣми начертаніями, которыя стоятъ въ подлинномъ рукописномъ текстѣ. Извѣстный текстъ изъ договора Святослава съ греками, сохранившійся въ спискахъ читается такъ:

„и хочю имѣти миръ и свѣршену любовь съ всякымъ и великимъ царемь Грѣцькимъ".

Позднѣйшій ученый обратилъ вниманіе на то, что неразумительное чтеніе „съ всякымъ и великимъ царемъ Грѣцькимъ" могло быть результатомъ небрежнаго прочтенія глаголицы: вмѣсто „съ Иваномъ великимъ царемь Грецькимъ" лѣтописецъ прочелъ „съ всякымъ и великимъ царемь Грѣцькимъ", смѣшавъ нѣсколько сходныхъ въ глаголическомъ алфавитѣ буквъ [1]).

Въ случаѣ бѣглаго чтенія текста, происходящаго при снятіи копій, механическое исполненіе такой работы ослабляетъ вниманіе и вовлекаетъ въ погрѣшности; вотъ почему снятая копія, по ея исполненіи, всегда должна быть провѣрена по оригиналу, прежде чѣмъ служить матеріаломъ для дальнѣйшей научной работы. При печатаніи, вѣроятно, по такой непровѣренной копіи одного изъ изданій Археографической Комиссіи ученый редакторъ допустилъ, напримѣръ, чтеніе „монастырскаго яму" вмѣсто „татарскаго яму" и т. п. Сокращенія словъ, часто встрѣчающіяся въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ подъ титлами, а также надстрочныя буквы и т. п. требуютъ истолкованія, прежде чѣмъ подвергнуться раскрытію, введенію въ строку и т. п. Къ сожалѣнію, мы

Академіи Наукъ, VI. Спб. 1858, сс. 257—275. *Его же*, Древніе памятники русскаго письма и языка.—Дополненія къ нимъ и снимки, въ Изв. II отдѣленія Академіи Наукъ, Н. Х. Спб. 1863. *Его же*, Древнія русскія книги. Палеографическій очеркъ. Спб. 1864. *Его же*, Обзоръ матеріаловъ къ изученію славянорусской палеографіи, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 годъ, январь, стр. 76—111. *Его же*, Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, въ Сборн. II отдѣленія Академіи Наукъ. Н. XV. 1876. *Его же*, Славянорусская палеографія XI—XIV вѣковъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1881 года и отдѣльно, Спб. 1885 г.

[1]) *И. Срезневскій*, Договоры съ Греками, въ Изв. Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и словесн., т. III, сс. 259—295.

о сихъ поръ не имѣемъ „лексикона абревіатуръ“ въ род
ѣхъ, которые существуютъ въ западно-европейской литера
урѣ [1]); а потому раскрытіе титлъ остается у насъ довольн
роизвольнымъ и можетъ вводить въ недоразумѣнія, по край
ей мѣрѣ, относительно языка подлинника, а иногда и ег
мысла. Написанія а̂, вдѣ, м, сѵнм раскрываются, напримѣръ
ъ видѣ: алтынъ, 2 деньги, монастырь, схимникъ и т. п
Правильное раскрытіе титла возможно лишь послѣ внима
ельнаго изученія языка подлинника, въ частности, способ
аписанія даннаго слова: если, напримѣръ, оно встрѣчаетс
ъ рукописи и въ раскрытомъ видѣ, причемъ способъ ег
аписанія устойчивъ, то, разумѣется, и раскрытіе титл
роизводится по способу принятаго въ ней написанія того ж
лова; если, напротивъ, способъ его написанія колеблется
о, въ зависимости отъ степени его колебаній, приходитс
ыбирать между стариннымъ или современнымъ правописа
іемъ; на основаніи соображеній подобнаго рода, примѣня
ыхъ и къ введенію въ строку надстрочныхъ буквъ и т. п.
лово „цаᵖскій“ можетъ быть раскрыто или въ видѣ „царь
кій“ или въ видѣ „царскій“, смотря по тѣмъ даннымъ
акими читатель располагаетъ.

Интерпретація текста не ограничивается правильным
геніемъ текста: она должна установить правильное поня
аніе прочитаннаго. Правильное пониманіе общаго смысл
екста зависитъ отъ правильной квалификаціи его разновид
ости, основанной, по возможности, на подлинномъ источ
икѣ. Въ „Актахъ Юридическихъ“ напечатанъ, напримѣръ
тѣдующій подлинный актъ:

„195 іюля въ 12 день, на Углечѣ, въ съѣзже
избѣ, передъ столникомъ и воеводою передъ Матвеем
Семеновичемъ Супоневымъ волной человѣкъ Пронка По
луехтовъ сказалъ: въ прошлыхъ годѣхъ отецъ мой
мать служили въ кабалномъ въ холопствѣ у Андре
Титовича Сукина; и старой мой помѣщикъ умре, Андре

[1]) *A. Capelli*, Lexicon abbreviaturarum. 1901.

Титовичь Сукинъ, а нынѣ я, Пронка, съ женою своею Марьецею Кузминою дочерью бьемъ челомъ въ кабалное холопство ему жъ Андрею Андреевичу Сукину и служилую кабалу на себя съ женою даемъ волею своею; то моя и сказка. А сказку писалъ Углецкіе площади подъячей Сергушка Микифоровъ". Далѣе слѣдуетъ собственноручная, по велѣнію вольнаго человѣка Проньки Полуехтова, подпись Ѳедора Сысоева [1]).

Редакторъ призналъ вышеприведенный актъ „служилой кабалой"; но самъ онъ называетъ себя „сказкой" и не вполнѣ соотвѣтствуетъ формуляру служилой кабалы позднѣйшаго типа: его дѣйствительно должно признать „сказкой", „сказанной" Пронькой Полуехтовымъ передъ воеводой, а не служилой кабалой, писанной на имя его господина Андрея Андреевича Сукина. Въ томъ же сборникѣ появилось нѣсколько актовъ, которые были озаглавлены редакторомъ: „порядныя зарубежныхъ выходцевъ", но сами себя называютъ „ссудными записями"; редакторъ не счелъ нужнымъ остановиться на интерпретаціи подлинной терминологіи актовъ, и такимъ образомъ подъ наименованіемъ „порядныхъ" скрылъ особую разновидность актовъ —ссудныхъ записей, существенно отличающихся отъ порядныхъ моментомъ займа, а не найма имущества; благодаря такой погрѣшности послѣдующіе ученые долгое время разсуждали объ однѣхъ только порядныхъ во крестьянство, игнорируя „ссудныя" [2]).

Правильное пониманіе прочитаннаго зависитъ отъ надлежащаго расчлененія рѣчи: въ древнѣйшихъ нашихъ грамотахъ, писанныхъ церковно-славянскими буквами, слова сливались другъ съ другомъ; расчлененіе ихъ требуетъ нѣкотораго вниманія; да и при чтеніи позднѣйшихъ возможны ошибки. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ (Карповъ) прочелъ, напримѣръ, „и на конѣ учини" вмѣсто „инако не учини"

---

[1]) А. Ю. № 405, ср. № 252, невѣрно названный „заемная служилая кабала".

[2]) А. Ю. № 203.

и такимъ образомъ, неправильно расчленивъ рѣчь подлинника, исказилъ его смыслъ.

Общій смыслъ текста устанавливается (мысленно или въ дѣйствительности, при его изданіи) также при помощи правильной разстановки знаковъ препинанія. Въ нашихъ грамотахъ, напримѣръ, рѣчь часто перемежается союзомъ „а“; читатель, слѣдующій современному употребленію этого союза, не склоненъ начинать съ него какой-либо новый періодъ или самостоятельное предложеніе; между тѣмъ, въ старинной рѣчи онъ часто игралъ такую именно роль для обозначенія отдѣльныхъ клаузулъ акта; смѣшивая новое употребленіе союза „а“ съ старымъ, современный изслѣдователь легко можетъ поставить запятую тамъ, гдѣ слѣдуетъ поставить точку, и такимъ образомъ соединять двѣ разныя клаузулы въ одну,—что даетъ ложное представленіе и о степени раздѣльности тѣхъ понятій, которыя соотвѣтственно входятъ въ ихъ составъ. Клаузулы грамотъ, по возможности, отдѣляются другъ отъ друга точками, напримѣръ, въ слѣдующихъ случаяхъ: а) въ публичныхъ грамотахъ: въ жалованной—разнаго характера льготы; самостоятельныя, значительныя по объему части челобитной; мотивы челобитной и содержаніе просьбы; въ сотной—самостоятельныя части описываемыхъ владѣній, деревни, итогъ перечня деревень, дворовъ и т. п.; указаніе на количество и порядокъ платежа повинностей и т. п. [Напр.]:

И намъ бы ихъ... пожаловати... давати судъ и управа. И будетъ такъ...—

А намѣстнича и волостелина двора не дѣлаютъ. А кто з древа убьетца... А кому будетъ чего искати... А ратные люди и проѣзжие...

Да въ Неноксѣ жъ на берегу анбаръ. Да ихъ же трет реки Сюзмы и з сенными покосы. Да на Унѣ на посад два мѣста дворовыхъ.

b) въ частныхъ грамотахъ: наименованіе лицъ и предмета сдѣлки; наименованіе межъ, если оно имѣетъ самостоятельное значеніе; въ купчей—обозначеніе цѣны прода-

ваемаго или покупаемаго,—въ мѣновной или дѣльной—подробное опредѣленіе предмета сдѣлки, слѣдующее за его наименованіемъ и выраженное самостоятельнымъ предложеніемъ; въ данной—указаніе на особыя условія вклада: на вѣки, на поминаніе, на дожитіе и т. п.; въ закладной—срокъ заклада, если онъ обозначенъ самостоятельнымъ предложеніемъ, и условіе о неустойкѣ; въ мѣновной—указаніе на придачу; въ отступной—мотивы „отступленія“; обязательство объ „очищеніи“ предмета сдѣлки; указаніе на сябровъ въ варницѣ и т. п. [Напр.]:

А взяла есми на томъ дворѣ шесть рублевъ...

А продала есми въ дернь без выкупа. А стоитъ тотъ дворъ въ межахъ...

А взялъ есми рубль дѣнегъ. А продалъ в дѣрнь бѣз выкупа. А въ очищѣньи и въ снимки язъ Яковъ своими денгами.

А въ межахъ та варница по верхнюю сторону... А взяли на тои полуварнице...

А въ сябрехъ со Стеѳаномъ съ Лукинымъ и с-ными сябры. А дали есмя на поминанье.

Кромѣ установленія общаго смысла текста, онъ требуетъ иногда истолкованія въ отдѣльныхъ своихъ выраженіяхъ, и не только тѣхъ, которыя явно оказываются непонятными, но и тѣхъ, которыя кажутся понятными [1]).

Духовная Ивана Калиты 1328 года [начинается такъ]: „Се азъ грѣшный худый рабъ Божии Иванъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду“. Здѣсь „рабъ“ означаетъ безусловно покорный чьей-либо волѣ (*И. Срезневскій*, III, 6). Духовная пишется по волѣ князя, но условія, при которыхъ она пишется, отъ него не зависятъ, а ея дѣйствіе на-

---

[1]) Главное пособіе: „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка“, собранные *И. И. Срезневскимъ*, Спб. 1893—1912, т.т. I—III; выпускъ 4 третьяго тома содержитъ дополненія ко всему труду. Кромѣ того, существуютъ словари мѣстныхъ говоровъ и нарѣчій, напр., «Словарь областного Архангельскаго нарѣчія.» *А. Подвысоцкаго*, СПб. 1885 г. и др.; см. также *Н. Горбачевскій*, Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-Западнаго края и Царства Польскаго, Вильна 1874 г.

ступитъ по волѣ Божьей, которой завѣщатель всецѣло пок
ряется.

Прежде всего нужно установить точный смыслъ текста
Одни и тѣ же слова имѣли разное значеніе въ древности и
еперь: напримѣръ, слова „продалъ“ или „купилъ“ и т. п.
ли могутъ имѣть не то значеніе, которое читатель склонен
приписать имъ сначала; напримѣръ, предлогъ „на“ въ по
ильныхъ: „на посилье“ значитъ „вмѣсто посилья“—отсюд
онятно, что такое выраженіе встрѣчается въ актахъ, со
тавленныхъ отъ лица покупателя:

„Се яз Онтуфеи Нестеров снъ купил есми у Гриди
Григорьева сна у Бобошина пожню Кобылин на рѣкѣ на
Остѣ, а дал есми на посиле пят рублевъ, а межа тои пожни
т Тимоѳѣевы пожни верхнеи конець от лѣса по враг да по
вовои кустъ да вниз по рѣкѣ по Лостѣ да по обѣ сторо
евочи курьи. А на то мужи: соцкои Тимоѳѣй Огдокимов
нъ Курдумова да Парфенеи Есиповъ снъ Тетрямовъ и
Олексѣи Павловъ. А посилную писалъ Сашко Никитин
нъ Задоринъ“ [1]).

Въ интерпретаціи нуждаются также имена собственны
ографическія и личныя. Одна изъ древнѣйшихъ Двинских
рамотъ, напримѣръ, укрѣпляетъ сдѣлку купли-продажи, со
ршенную между Григоріемъ Ивановымъ и Григоріемъ
едотомъ и Воляшомъ, игуменовыми дѣтьми, на землю „За
ерскую“; въ позднѣйшихъ грамотахъ имѣются указанія на
налогичныя сдѣлки, объектомъ которыхъ служило село на
укинѣ берегу „за озеромъ“; путемъ историко-географиче
аго изслѣдованія удалось установить тождество „Заозерской
мли“ съ „селомъ на Лукинѣ берегу за озеромъ“, что дает
зможность слѣдить за послѣдующей ея судьбой, т. е. и
торіей даннаго земельнаго участка [2]). Въ другой купче
кже древнѣйшей, на землю въ селѣ Заозерскомъ, контр
ентами сдѣлки являются: Николаевскій Чухченемскій мона

[1]) *Д. Мейчикъ*, Op. cit., с. 123.
[2]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 2, 11, 12, 30.

стырь и другое лицо, названное Павломъ Туфановымъ сыномъ; въ одной изъ послѣдующихъ купчихъ половину поля и прочее Григорія Ивановича покупаетъ Павелъ Труфановичъ; сопоставляя оба текста, можно притти къ заключенію, что Павелъ Туфановъ сынъ и Павелъ Труфановичъ одно и то же лицо; такое заключеніе въ свою очередь приводитъ къ заключенію, что Павелъ Трифоновичъ скупалъ нѣкоторыя земли и т. п. [1]). При интерпретаціи извѣстной „рядной Тѣшаты“ имя одной изъ сторонъ толкуется различно: одни разумѣютъ подъ „Тѣшатой“ мужчину, другіе (едва ли, впрочемъ, основательно)—женщину, что существенно мѣняетъ пониманіе всей сдѣлки.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ интерпретація акта значительно осложняется неясностью всей его редакціи: „рядная“ Тѣшаты породила, напримѣръ, цѣлый рядъ попытокъ ея интерпретаціи. К. А. Неволинъ усматривалъ въ ней мировую запись; И. И. Срезневскій пришелъ къ заключенію, что она есть рядная (сговорная) запись, а В. К. Трутовскій, несогласный съ выводами своихъ предшественниковъ, рѣшился признать Тѣшату—вдовой и готовъ отнести „ея рядную“ „къ разряду мировыхъ актовъ“, т. е. въ измѣненномъ видѣ вернулся къ опредѣленію К. А. Неволина, а не И. И. Срезневскаго, нашедшаго, между тѣмъ, рѣшительную поддержку въ лицѣ М. Ф. Владимірскаго-Буданова [2]). Возможно, однако, что ни одно изъ вышеназванныхъ мнѣній не даетъ достаточно яснаго пониманія „рядной Тѣшаты“: въ данномъ случаѣ толкованіе ея выходитъ за предѣлы интерпретаціи акта, какъ явленія, и переходитъ къ истолкованію самой юридической сдѣлки, лежавшей въ его основаніи.

Интерпретація акта можетъ оказаться болѣе затруднительной въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ дѣло съ неполнымъ его текстомъ, внесеннымъ, положимъ, въ какую-либо записную книгу крѣпостей въ пересказѣ. Въ числѣ актовъ,

---

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 6 и 30.

[2]) [*В. Трутовскій*, Тѣшата и Якымъ и ихъ взаимныя отношенія. въ Сборн. статей въ честь граф. П. С. Уваровой, М. 1916, сс. 328—338].

предъявленныхъ дьяку Д. Алябьеву, была, напримѣръ, „з
пись“ Осипа Игнатьева, который билъ челомъ въ служ
Борису Вельяшеву „по его животъ“; на основаніи одно
только пересказа ея содержанія нѣсколько затруднитель
точно опредѣлить ея разновидность, хотя и можно думат
что она принадлежала къ тому виду записей, о которы
говоритъ Уложеніе въ статьѣ, основанной на указѣ 1642 г.[1]

---

[1]) Записная книга крѣпостнымъ актамъ, явленнымъ дьяку Д. Алябьеву
148, въ Р. И. Б., т. XVII, с. 52. Ср. Уложеніе, XX, 44.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Критика актовъ, преимущественно частныхъ.

Вообще критика устанавливаетъ научную цѣнность источника для построенія исторической дѣйствительности, т. е. выясняетъ, въ какой мѣрѣ на основаніи сообщаемыхъ имъ данныхъ можно судить о томъ, что фактъ, познаваемый черезъ его посредство, произошелъ въ дѣйствительности. Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что источникъ можетъ имѣть научно-историческую цѣнность въ двоякомъ смыслѣ: въ качествѣ историческаго факта или въ качествѣ показанія объ историческомъ фактѣ. Съ такой точки зрѣнія можно различать и два рода критики: критику, устанавливающую научно-историческую цѣнность источника, какъ факта, и критику, устанавливающую научно-историческую цѣнность показаній источника о фактѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя пользоваться даннымъ источникомъ для историческихъ цѣлей, не выяснивши, дѣйствительно ли онъ есть тотъ самый историческій фактъ, каковымъ онъ представляется наблюдателю. Для того, однако, чтобы имѣть основаніе утверждать нѣчто подобное, надо быть увѣреннымъ въ томъ, что источникъ дѣйствительно возникъ и сохранился въ томъ именно видѣ, въ какомъ онъ представляется историку, а для достиженія такой увѣренности послѣдній и обращается къ критическому разсмотрѣнію источника, какъ факта: онъ выясняетъ, дѣйствительно ли данный источникъ существуетъ или не существуетъ въ качествѣ такового, т. е. оказывается ли онъ подлиннымъ или непо-

длиннымъ; дѣйствительно ли онъ возникъ въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ, благодаря такому-то составителю (въ широкомъ или узкомъ смыслѣ слова), что и даетъ возможность признать его подлиннымъ, или же онъ принадлежитъ не тому составителю, которому, казалось, онъ могъ быть приписанъ, и долженъ быть признанъ неподлиннымъ, т. е. копіей или болѣе или менѣе искусной поддѣлкой и т. п. Впрочемъ, не всякій подлинный источникъ можетъ служить для возстановленія исторической дѣйствительности: для того, чтобы признать фактъ, свѣдѣнія о которомъ почерпаются изъ показаній источника, дѣйствительно бывшимъ, историкъ долженъ подвергнуть критикѣ не только самый фактъ существованія этого источника, но и его показанія о томъ фактѣ, который его интересуетъ. Лишь въ той мѣрѣ, въ какой показанія источника отличаются достовѣрностью, онъ можетъ служить для познанія исторической дѣйствительности: пользуясь достовѣрными показаніями и отбрасывая недостовѣрныя, историкъ можетъ построить дѣйствительно бывшій историческій фактъ [1]).

Легко замѣтить, что изъ указанныхъ выше двухъ видовъ критики, въ сущности, лишь та изъ нихъ, которая занимается установленіемъ научно-исторической цѣнности источника, какъ факта, т. е. выясняетъ его подлинность или неподлинность, прилагается къ остаткамъ культуры: вѣдь, если подлинность или неподлинность остатка культуры въ качествѣ такового доказана, то и задача его критики, въ сущности, исчерпана. Въ самомъ дѣлѣ, между существованіемъ одного и того же факта и его несуществованіемъ нѣтъ и не можетъ быть посредствующихъ степеней; но остатокъ культуры или есть остатокъ нѣкоего факта, имѣющаго значеніе болѣе крупное, чѣмъ его собственное, и въ такомъ смыслѣ тоже фактъ, или не есть его остатокъ и въ такомъ смыслѣ не можетъ быть этимъ фактомъ; значитъ, если подлинность или неподлинность даннаго остатка культуры дока-

[1]) *А. Лаппо-Данилевскій*, Методологія исторіи, вып. II, сс. 524—525.

зана, достовѣрность или недостовѣрность его, въ качествѣ остатка культуры, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію

Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что вышеуказанное ограниченіе относится лишь къ тѣмъ остаткамъ культуры которые строго подходятъ подъ чистое понятіе о нихъ, а не къ тѣмъ реально даннымъ продуктамъ, которые часто обнаруживаютъ смѣшанные признаки и остатка культуры, и историческаго преданія; реально-данный источникъ, будучи преимущественно остаткомъ культуры, можетъ, однако, содержать показанія о фактѣ: старинные документы могутъ заключать въ себѣ показанія, даже заимствованныя изъ историческихъ преданій, и съ такой точки зрѣнія, разумѣется, подлежатъ такой же критикѣ, какая примѣняется и къ показаніямъ, сохранившимся въ историческихъ преданіяхъ [1]).

Итакъ, при изложеніи критики актовъ, преимущественно частныхъ, намъ придется остановиться главнымъ образомъ на установленіи ихъ подлинности или неподлинности, а также видовъ и степеней ея. Вообще опираясь на понятія о единствѣ сознанія, проявляющемся въ данномъ источникѣ, и о его соотвѣтствіи съ данной культурой и индивидуальностью, породившей его, можно различать подлинный актъ отъ неподлиннаго по его внѣшнимъ и по его внутреннимъ признакамъ [2]).

Въ числѣ *внѣшнихъ* признаковъ, по которымъ можно судить о возрастѣ рукописи, отмѣтимъ, главнымъ образомъ, матеріалъ и почеркъ.

1. Матеріаломъ для писанія древнѣйшихъ актовъ служили дерево или, пожалуй, металлъ; изъ нихъ могли выдѣлывать „доски“, изрѣдка упоминаемыя въ старѣйшихъ нашихъ источникахъ (см. выше). Извѣстныя намъ древнѣйшія грамоты наши съ XII до второй половины XIV столѣтія всѣ писаны, однако, на пергаминѣ; большинство нашихъ грамотъ, въ томъ числѣ и частныхъ актовъ XV столѣтія, также пергаминныя. Таковы, напримѣръ, грамота великаго князя

[1]) *А. Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., вып. II, сс. 385—386,
[2]) *А. Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., вып. II, сс. 527—529. 533—563.

Істислава Володиміровича и сына его Всеволода Мстиславовича Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года (въ Эрьевѣ монастырѣ); вкладная грамота Варлаама Хутынскому онастырю, писанная послѣ 1192 года (въ Хутынскомъ онастырѣ) и т. п. [1]). Съ XV столѣтія уже встрѣчаются рамоты, писанныя на бумагѣ, которая въ слѣдующемъ вѣкѣ остепенно вытѣсняетъ пергаминъ и получаетъ почти исключительное господство съ XVI столѣтія: древнѣйшимъ актомъ, исаннымъ на бумагѣ и уже весьма поврежденнымъ временемъ, признаютъ договорную грамоту великаго князя Семена Ивановича съ братьями Иваномъ и Андреемъ 1341 года въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [2]).

Такимъ образомъ, матеріалъ, на которомъ писанъ актъ, ожетъ указывать и на болѣе или менѣе древнее его происхожденіе. Выводъ подобнаго рода нуждается, однако, въ ущественныхъ оговоркахъ. 1) Нормальные хронологическіе редѣлы, устанавливаемые на основаніи этого признака, ироки, напримѣръ, для пергамина XII—XV столѣтія; приомъ пергаминныя грамоты, напримѣръ, двинскія, которыя анѣе относились къ XIV столѣтію, почти всѣ относятся еперь къ XV столѣтію, на основаніи цѣлаго ряда другихъ олѣе точныхъ признаковъ [3]). 2) Приблизительное установленіе такихъ хронологическихъ предѣловъ, разумѣется, николько не исключаетъ возможности писанія грамотъ на

---

[1]) *И. Срезневскій*, Древніе памятники письма и языка (со снимками). Ср. *. Лихачевъ*, Изъ лекцій по дипломатикѣ, сс. 152—199; несмотря на показанія сточниковъ о „доскахъ", авторъ утверждаетъ, что въ Россіи „до половины IV столѣтія пергаминъ былъ единственнымъ матеріаломъ какъ для рукописей, акъ и для грамотъ" (сс. 172—173).

[2]) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 23. Палеографическіе снимки, изданные подъ редакціей *А. Соболевскаго* и *С. Шташицкаго*, Спб. 1903, № 1.—Древнѣйшая бумага, азываемая бомбициной, безъ особеннаго труда отличается отъ позднѣйшей, но на едва-ли употреблялась въ Россіи.

[3]) *А. Шахматовъ*, Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в., Спб. 1903, с. 1—5; авторъ склоненъ отнести лишь одну купчую Филиппа Григорьева у Евеодія и Семена Яковлевыхъ дѣтей къ времени до 1393 года; см. тамъ же, : 105,—подлинникъ въ Археографической Комиссіи (перг. № 11).

ютвѣтствующемъ имъ матеріалѣ и внѣ таковыхъ; напри-
ѣръ, нѣкоторыя дѣла, писанныя на берестѣ въ Сибири,
носятся къ 1776 году [1]), нѣкоторыя грамоты, писанныя
пергаминѣ, относятся къ XVI и XVII вѣкамъ, не говоря
позднѣйшихъ торжественныхъ дипломахъ, и т. п. 3) Под-
льныя грамоты, при мало-мальски искусной фальсификаціи,
сались на матеріалѣ, соотвѣтствующемъ времени, къ кото-
му хотѣли отнести ихъ; можно было подобрать пергаминъ
и спеціально нужную для поддѣлки бумагу и т. п.

Болѣе специфическимъ признакомъ для опредѣленія воз-
ста бумаги являются водяные знаки. Старѣйшія изъ нашихъ
мажныхъ грамотъ писаны на итальянской бумагѣ, которая
середины XV вѣка начинаетъ постепенно вытѣсняться
анцузской, а въ слѣдующемъ столѣтіи также польской и
мецкой; еще позднѣе, а именно со второй половины
VII столѣтія, все болѣе распространяется голландская бумага
т. д.; бумага „Московскаго дѣла“ уже упоминается подъ
362 годомъ. Соотвѣтственно указаннымъ родамъ бумаги,
мѣсту ея происхожденія и фабрикамъ, производившимъ ее,
а снабжалась различными водяными знаками, причемъ одинъ
тотъ-же знакъ постепенно измѣнялся, что и дастъ воз-
жность по формамъ бумажныхъ водяныхъ знаковъ прибли-
тельно судить о возрастѣ бумаги, а, значитъ, и о времени
писанія грамоты, если она не датирована: документы,
санные на бумагѣ со знакомъ „кувшинчика“, судя по
тированнымъ рукописямъ, относятъ, напримѣръ, ко второй
ловинѣ XVI и къ началу XVII вѣка [2]).

---

[1]) П. С. З., т. XX, № 14538. Ср. *К. Неволинъ*, Сочиненія, т. IV, с. 50.

[2]) *И. Лаптевъ*, Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ, Спб. 1824; авторъ
бралъ до 170 „заводскихъ клеймъ бумагъ“, изъ коихъ представилъ нѣсколько въ
блицахъ со времени введенія въ Россіи употребленія бумаги по 1701 годъ, и
пытался, такимъ образомъ, выяснить способъ узнавать по нимъ время, въ
горое писаны старинныя рукописи. *К. Тромонинъ*, Изъясненіе знаковъ, ви-
ныхъ въ писчей бумагѣ, М. 1844—(кромѣ заимствованныхъ прибавилъ
3 своихъ таблицъ). Всего больше по части изученія бумажныхъ знаковъ
ылъ *Н. П. Лихачевъ*. Его труды: Бумага и древнѣйшія бумажныя мель-
цы въ Московскомъ государствѣ, Спб. 1891; Палеографическое значеніе
кажныхъ водяныхъ знаковъ, части I, II и III—Предметный и хронологи-

Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, 1) что заграничная бумага, ввозимая въ Московское государство, могла запаздывать, и что, значитъ, бумажные знаки могутъ служить въ такихъ случаяхъ для установленія terminus a quo, 2) что находившаяся въ Московскомъ государствѣ бумага, въ особенности запасная, могла служить и для позднѣйшаго времени: въ „Польскихъ“ столбцахъ Посольскаго приказа, хранимыхъ въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, имѣются, напримѣръ, документы отъ 1579 года со знакомъ „1568“; одинъ изъ опытныхъ нашихъ палеографовъ обратилъ вниманіе на то, что эти документы представляютъ черняки и копіи Посольскаго приказа, писанные на остаткахъ, можетъ быть, старой бумаги, 3) что подѣльные акты, въ особенности старѣйшіе, могли писаться и на бумагѣ, соотвѣтствовавшей времени мнимой грамоты.

2. Почеркъ грамоты также даетъ возможность судить о ея подлинности съ точки зрѣнія принадлежности ея данному историческому періоду, а иногда и данному лицу, причемъ такой признакъ можетъ послужить основаніемъ для болѣе точныхъ выводовъ, чѣмъ матеріалъ. Пергаминныя грамоты XII—XV вѣковъ, напримѣръ, писаны полууставомъ, но послѣдній казывается различнымъ для разныхъ вѣковъ: нѣкоторыя изъ винскихъ грамотъ, напримѣръ, закладная Власія Степановича Николаевскому Чухченемскому монастырю относится къ XV вѣку на томъ основаніи, что писана полууставомъ, характернымъ для этого вѣка и т. п. [1]). Опытный палеографъ легко

ескій указатели. Альбомъ снимковъ. Спб. 1899; Палеографическое значеніе умажныхъ водяныхъ знаковъ. Приложенія: таблицы, поясняющія въ хронологическомъ порядкѣ измѣненія формата и строенія бумаги. Изданіе Общества любителей Древней Письменности, Спб. 1899. Ср. еще *И. Лихачевъ*. Изъ лекцій о дипломатикѣ, сс. 183—266. *И. М. Каманинъ* въ своемъ рефератѣ „Метрическій методъ въ палеографіи и результаты его приложенія къ изученію южнорусскаго устава XVI—XVII вѣковъ“ указалъ на то, что между шириной и высотой буквъ, разстояніемъ ихъ между собой и разстояніемъ между строками существуетъ всегда опредѣленное отношеніе, которое въ извѣстный періодъ времени измѣняется, и эти измѣненія могутъ служить показателями возраста рукописи (Изв. Таврич. учен. арх. ком. № 39 (1906 г.), с. 120).

[1]) *А. Шахматовъ*, Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ., с. 3 и № 15.

можетъ различить почерки не только XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ, но и почерки первой и второй ихъ половины и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, однако, 1) что почерки болѣе отдаленныхъ, глухихъ мѣстъ дольше сохраняли свой архаическій характеръ, чѣмъ почерки болѣе крупныхъ центровъ, 2) что почерки оффиціальныхъ актовъ, исходившихъ изъ организованныхъ Московскихъ канцелярій, вообще отличались болѣе опредѣленными формами, чѣмъ частные акты, въ особенности тѣ, которые писаны домашнимъ порядкомъ, и что, слѣдовательно, возрасты почерковъ, употреблявшихся въ Московскихъ приказахъ, поддаются болѣе точнымъ опредѣленіямъ, чѣмъ возрасты почерковъ частныхъ лицъ, въ гораздо большей мѣрѣ допускавшихъ, разумѣется, индивидуальныя уклоненія.

Впрочемъ, частные акты, въ такихъ случаяхъ, могли быть „своеручными“, что, въ свою очередь, служитъ нѣкоторымъ доводомъ ихъ подлинности. Въ духовной служилаго человѣка Петра Молечкина 1524 года, напримѣръ, значится: „А сю духовную грамоту писалъ язъ Петръ Матѳеевъ сынъ Малечкина, при своемъ животѣ, своею рукою“ и т. п. Въ данной Парѳенія Мотовилова съ сыномъ Матвѣемъ Троице-Сергіеву монастырю на землю на островѣ Солотковѣ мы читаемъ: „А данную писалъ язъ самъ Матюшка на отца своего и на свою землю самъ своею рукою лѣта 7125-го Ѳевраля въ“... [1]).

Въ числѣ *внутреннихъ* признаковъ, по которымъ можно судить о подлинности или неподлинности грамоты, укажемъ, главнымъ образомъ, на ея формуляръ и содержаніе.

1. Формуляръ грамоты, болѣе или менѣе тѣсно связанный съ ея содержаніемъ, требовалъ соблюденія нѣкоторыхъ правилъ ея составленія, включенія въ ея составъ извѣстныхъ формулъ въ извѣстной послѣдовательности и т. п.; нарушеніе такихъ правилъ даетъ, значитъ, основаніе заподозрить ея подлинность или признать ее неподлинной. Хотя формуляры нашихъ старѣйшихъ частныхъ актовъ далеко еще не вполнѣ выработ-

[1]) А. Ю. № 418. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 474.

ались, однако, они даютъ иногда возможность, опираясь а нихъ, дать болѣе правильную его оцѣнку: дѣльную гра-оту двухъ братьевъ, князей Андрея и Юрья Ѳедоровичей, зъ Коллежскаго собранія долгое время относили ко вре-ени „около 1380 года“, пока новѣйшій изслѣдователь, накомый съ формуляромъ дѣльныхъ XV вѣка, не причи-лилъ ее къ тому-же вѣку, что и признается въ настоящее ремя болѣе близкимъ къ истинѣ [1]).

2. Содержаніе грамоты также даетъ иногда матеріалъ для ужденія о ея подлинности: стороны и самый характеръ юриди-еской сдѣлки, связанныя съ нею бытовыя подробности, указанія а послуховъ, если они извѣстны по другимъ болѣе точнымъ аннымъ, и т. п. могутъ служить для такой цѣли. Древнѣйшія упчія Двинского Михайло-Архангельскаго монастыря опредѣ-яются, напримѣръ, благодаря подобнаго рода соображеніямъ: ъ нихъ упоминается игуменъ Лука, которому новгородскій ар-іепископъ Іоаннъ выдалъ благословенную грамоту; игуменъ Лука былъ, значитъ, современникомъ архіепископа Іоанна 1388—1414 годы) и, слѣдовательно, жилъ въ концѣ XIV и ачалѣ XV вѣковъ, что и указываетъ на время составленія ышеупомянутыхъ купчихъ. Кромѣ того, на основаніи другихъ рамотъ тогоже Михайло-Архангельскаго монастыря можно оказать, что за Лукою слѣдовали, въ званіи игуменовъ, Іванъ, Адріанъ и Акакій, что даетъ возможность соотвѣт-гвенно размѣстить грамоты, въ которыхъ они фигурируютъ. Возьмемъ другой примѣръ. Чуть ли не единственная двин-кая грамота, которая признается старше XV вѣка—купчая Филиппа Григорьевича у Меѳодія и Семена Яковлевыхъ носится ко времени до 1393 года на основаніи слѣдую-ихъ соображеній: слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что упчая Филиппа Григорьевича находится въ связи съ вкла-ой его вдовы Маѳы на ту же землю, пожертвованную ею раму св. Николая въ Корельскомъ, вокругъ котораго и бразовался Николаевскій Корельскій монастырь. Отсюда

[1]) *И. Срезневскій*, Древніе памятники русскаго письма и языка (подъ 1380 г.). *Мейчикъ*, Op. cit., cc. 63-65, 128.

ественно заключить, что купчая Филиппа Григорьевича
арше вкладной вдовы его Марѳы (I). Между тѣмъ вкладная
овы Марѳы содержитъ два указанія, дающія возможность
чнѣе опредѣлить время ея написанія, а именно: а) на
умена Василія Святого Спаса, выступившаго въ роли по-
уха вкладной, и в) на то, что земля жертвуется храму
. Николая въ Корельскомъ, а не Николаевскому Корельскому
настырю. Игуменъ Василій Святого Спаса, судя по отписи,
атой Спасо-Хутынскимъ монастыремъ у посадника Ивана
аниловича, былъ современникомъ Новгородскаго архіепи-
опа Іоанна (1388-1414 годы). Храмъ св. Николая въ
орельскомъ превратился въ Николаевскій Корельскій мона-
ырь, упоминаемый въ Новгородской I лѣтописи подъ
19 годомъ. Итакъ, вкладная Марѳы писана до 1419 года (II).
равнивая же выводы (I) и (II), можно сказать, что купчая
илиппа Григорьевича составлена раньше 1419 года (III). Въ
ою очередь вкладная Марѳы, вдовы Филиппа Григорьевича,
ходится въ связи съ духовной Остафья Своеземцова, писан-
й, судя по позднѣйшему списку съ нея, въ 6901 (1393)
ду; эта связь обнаруживается: а) въ томъ, что здѣсь, при
речисленіи должниковъ, упоминается Марѳа, теща Варѳо-
мѣева, вѣроятно, тождественная съ Марѳой вкладной, гдѣ
чь идетъ между прочимъ и о зятѣ ея Варѳоломеѣ Васильевичѣ,
въ томъ, что въ только что приведенномъ текстѣ упоминается
Варѳоломѣй (Васильевичъ), бывшій послухомъ при соверше-
и купчей Филиппа Григорьевича и упоминаемый въ числѣ
шеприкащиковъ въ вкладной вдовы Марѳы. На основаніи
шеуказанныхъ сопоставленій, а также того обстоятельства,
о въ духовной Остафья Своеземцова 1393 (?) года упоми-
ется одна только „Марѳа, Охромѣева теща“, а не мужъ ея
илиппъ Григорьевичъ, можно предполагать, что Филиппъ
ригорьевичъ уже скончался до написанія духовной Остафія
воеземцова, т. е. до 1393 года (IV), и что, значитъ, его
пчая относится ко времени до 1393 года (V) [1]).

---

[1]) А. *Шахматовъ*, Op. cit., сс. 3 5. А. Ю. № 409, I.

Въ зависимости отъ вышеуказаннаго различенія между актами съ освѣдомительнымъ и актами съ удостовѣрительнымъ характеромъ, получившимъ особенное примѣненіе къ частнымъ актамъ, признаки ихъ подлинности также различны. Частные акты съ освѣдомительнымъ характеромъ, въ качествѣ такових, могутъ быть вовсе лишены тѣхъ знаковъ удостовѣренія, которыми акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ должны быть снабжены. Такой недостатокъ „памятей“ (въ узкомъ смыслѣ) отчасти ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ, сами по себѣ, представлялись гораздо менѣе выгодными для поддѣлки, чѣмъ акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ, а потому и вызываютъ меньше подозрѣній, чѣмъ послѣдніе.

Знаки удостовѣренія грамотъ могли быть частными и публичными. Знаки частнаго удостовѣренія состояли: 1) въ приложеніи какого-либо знака, большею частью печати или позднѣе подписи совершителей акта, 2) въ свидѣтельствѣ, позднѣе рукоприкладствѣ послуховъ, 3) въ указаніи на составителя-писца грамоты, т. е. на канцелярію, 4) въ внесеніи акта въ картуларій, иногда засвидѣтельствованный правительственной властью, что уже приводило къ публичному удостовѣренію.

Въ древнѣйшее время „рукоприкладство“ совершителей акта могло имѣть буквальное значеніе. „Какъ писать (въ древности) мало умѣли, замѣтилъ одинъ изъ нашихъ старинныхъ историковъ, то для утвержденія (акта), намаравъ свою ладонь чернилами, тонко къ бумагѣ прикладывали, гдѣ всѣ сгибы руки означатся. Таковы мнѣ два писма изъ Черынской архивы, одно на кожѣ, другое на бумагѣ, для показанія привозили“ [1]).

Въ древнѣйшихъ двинскихъ грамотахъ, писанныхъ на пергаминѣ, XV вѣка, встрѣчаются иногда знаки въ видѣ крестовъ, крестообразно расположенныхъ точекъ, острыхъ головъ и болѣе или менѣе фантастическихъ фигуръ, вѣ-

[1]) *В. Татищевъ*, Толкованія на Судебникъ царя Ивана Васильевича, ст. 28-я, въ Продолженіи Древней Россійской Вивліоѳики, ч. I.

роятно, замѣнявшихъ подписи совершителей актовъ [1]). Впрочемъ, въ то время приложеніе печати уже получило широкое распространеніе.

Вышеприведенная группировка знаковъ удостовѣренія можетъ получить нѣсколько иной видъ, если разсмотрѣть прежде всего тотъ изъ нихъ, который состоялъ въ приложеніи печати: оно могло имѣть частное и публичное значеніе. Замѣтимъ прежде всего, что печати долгое время замѣняли собою подписи соотвѣтствующихъ лицъ и лишь въ позднѣйшее время стали служить для простого запечатанія грамотъ: еще Посошковъ, разсуждая о правосудіи, писалъ, что судья, при допросѣ свидѣтеля, показанія котораго записываются подьячимъ, долженъ поступать слѣдующимъ образомъ: „и буде грамоты кто умѣетъ, то руку бы приложилъ; а буде кой не умѣетъ, то печать-бы свою приложилъ, чтобъ послѣди спорить не сталъ“ [2]).

Вообще, печати употреблялись у насъ, какъ и на западѣ, въ двухъ видахъ: а) въ видѣ особыхъ знаковъ, спеціально приспособленныхъ для удостовѣренія письменныхъ документовъ; в) въ видѣ перстней съ какимъ нибудь рѣзнымъ камнемъ и т. п., служившимъ, въ качествѣ своего рода „secretum“, для удостовѣренія письменныхъ документовъ. Указанія на такія разновидности печатей, разумѣется, имѣвшихся у царя и патріарха [3]), встрѣчаются въ нашихъ старинныхъ памятникахъ и относительно частныхъ лицъ. Въ „росписи Савина монастыря чернаго священника Меркурія Кіевлянина рухледи его келейной, что онъ положилъ на сбереженіе въ скрынки у пѣвчего у Якова Борзаковскаго да у разничего Антона Алексѣева“, между прочимъ, значится: „печать серебреная; цѣна 13 алтынъ 2 денги...“ [4]). Въ описи имуще-

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 3, 23, 24, 31, 33, 35, 37.

[2]) *И. Посошковъ*, Сочиненія, ч. I, с. 59.

[3]) Письма русск. госуд., т. I, с. 33. *В. Завитневичъ*, Палинодія Захарія Ковыстенскаго, Варш. 1883, с. 178. Опис. докум. и дѣлъ Арх. Свят. Син., т. II, № 74; ср. № 184 и др.

[4]) Розыскныя дѣла о ѲедорѣШакловитомъ и его сообщникахъ, т. I, Спб. 1884, ст. 839, 842.

ства, оставшагося послѣ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго, 1612 года, мы читаемъ: „да послѣ князя Дмитрея къ осталось: перстень съ чернью золотъ, а въ немъ яхонтъ лазоревъ, рѣзана печать, а кругомъ его поставлены яхонты лервчаты да олмазы... да перстень золотъ, съ чернью, а в немъ печать желѣзная, а въ печати врѣзывано золото... да перстень мѣдянъ, а въ него вставлена перелефть, а на перелефти рѣзана печать...“ [1]). Въ нѣсколько позднѣйшее время такіе перстни стали привозить изъ-за границы въ большом количествѣ: въ 1671 г., напримѣръ, въ Архангельскѣ, вмѣстѣ съ другими нѣмецкими товарами, были привезены „64 штуки перстней съ печатью съ сапфирами“; черезъ два года в Архангельскъ прибыло нѣсколько кораблей съ голландскими товарами, въ томъ числѣ: „451 штука камней къ перстнямъ съ печатями“ и т. п. [2]). Въ качествѣ знака частнаго удостовѣренія грамоты печати издавна прикладывались, судя по сохранившимся указаніямъ, изъ чернаго или желтаго воску [3]). Купчая Кириллова монастыря игумена Филоѳея, 1469 г., содержитъ, между прочимъ, слѣдующую клаузулу: „А запечаталъ сію грамоту язъ Олешка Микитинъ (продавецъ) своею печатью“. Запись, данная митрополиту Ѳеодосію Гридею Карауловымъ (названнымъ въ текстѣ Черемисиным Карауловымъ) и Иваномъ Кожинымъ, о неосвоеніи озеръ, пожалованныхъ имъ митрополитомъ для рыбной ловли, 1461—1464 годовъ, заканчивается слѣдующими словами: „А запечаталъ сію грамоту язъ Гридка Черемисинъ одною своею печатью“ и т. д. Во вкладной старца Арсенія Кириллову монастырю, 1435—1447 годовъ, онъ пишетъ: „А запечаталъ есмь печатью отца своего господина игумена Трифона“ [4]). Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что далеко не всѣ акты,

---

[1]) А. И., т. II, № 340; у князя Д. И. Шуйскаго было еще два перстня с печатями.

[2]) *Кильбургеръ*, О русской торговлѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. переводъ Б. Г. Курца, К. 1915, сс. 123, 138.

[3]) А. Ю. №№ 74, 111, 121, 122.

[4]) А. Ю. № 74. А. Ю. Б., т. I, № 119, I.

даже крѣпостные, снабжены печатями, о чемъ они иногда сами упоминаютъ; въ купчей Кириллова монастыря игумена Кассіана, 1448—1468 годовъ, сказано: „а грамота безъ печати“ [1]). Въ актахъ XVI—XVII вѣковъ печати совершителей обыкновенно уже замѣняются ихъ подписями, что, впрочемъ, не всегда бывало. Указъ 1628 года ноября 17, въ сущности, уже требуетъ, чтобы всякая крѣпость была подписана тѣмъ, кто даетъ ее, или, за его безграмотностью, его отцомъ духовнымъ. Въ росписи съ статейнаго списка, присланнаго изъ Челобитеннаго приказа въ Земскій приказъ, мы читаемъ: „которые люди учнутъ займывать въ кабалу деньги, а въ тѣхъ деньгахъ учнутъ дворы и лавки закладывать или учнутъ кто межъ себя какіе записи или иные какіе крѣпости въ иныхъ какихъ дѣлѣхъ учнутъ межъ себя писать, а грамотѣ не умѣютъ, и къ тѣмъ кабаламъ и ко всякимъ крѣпостямъ въ ихъ мѣсто отцемъ-ли ихъ духовнымъ, или стороннимъ людемъ велѣть въ ихъ мѣсто руки прикладывать? По той статьѣ государи указали: кто не умѣетъ грамотѣ, и въ ихъ мѣсто руки прикладывать отцемъ ихъ духовнымъ; а будетъ у кого отца духовнаго близко нѣтъ, или со отцемъ духовнымъ вражда, и въ ихъ мѣсто руки прикладывать роду ихъ ближнему, братьѣ роднымъ или племянникомъ“ [2]).

Въ древнѣйшихъ грамотахъ до середины XV столѣтія послухи обыкновенно лишь упоминаются въ качествѣ свидѣтелей сдѣлки, а не совершенія самаго акта, что и отражается въ формулѣ—„а на то послуси“; и только начиная со второй половины XV, главнымъ же образомъ съ XVI вѣка грамоты обыкновенно снабжены печатями и, быть можетъ позднѣе, рукоприкладствами послуховъ. При „запечатаніи“ грамоты послухи ограничивались иногда (?) одной общей для всѣхъ печатью. Въ духовной Патрикея Троицкому Сергіеву

[1]) А. Ю. № 73.

[2]) А. И., т. III, № 92 (с. 101) и № 167 (с. 308). Лица, прикладывавшія руку за другого, иногда назывались „ручниками“; см. *И. Посошковъ*, Завѣщаніе отеческое, с. 189.

онастырю 1391—1428 годовъ мы читаемъ, напримѣръ: А запечатали есмь вси послуси одиною печатью хресцемъ“ [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ послухи довольствовались печатью тца духовнаго или даже какимъ либо другимъ знакомъ, напримѣръ, духовная Александра Белеутова 1472 года заанчивается словами: „А запечатали есмя сію духовную всѣ дною печатью отца его духовнаго игумена Андроника“ уховная Степана Лазарева 1473 года заключаетъ слѣующее указаніе: „А запечатали есмя духовную попъ и ужи всѣ и дьякъ денгою Ноугороцкою“ и т. п. [2]).

Указанія на того, кто писалъ грамоту, если онъ не ылъ должностнымъ лицомъ (а только грамотнымъ и знающимъ формы составленія актовъ), можно также признать пособомъ частнаго ихъ удостовѣренія, напримѣръ: „А полинную харатеиную купную грамоту писалъ дьѧкъ онаньи стома“, „А грамоту писалъ Григореи дьѧкъ стаго спса“ и . п. [3]). Подписи писца не требовалось, ибо онъ самъ писалъ рамоту и, въ сущности, значитъ въ вышеприведенной формулѣ снабжалъ ее своей подписью.

Наконецъ, знакомъ частнаго удостовѣренія можно отасти признать еще внесеніе акта въ картуларій, т. е. въастную записную книгу крѣпостныхъ актовъ, которая обыковенно велась крупными владѣльцами: духовными и свѣтскими лицами. Хотя въ такія книги могли попадать и неодлинные акты, однако, въ виду того юридическаго знаенія, какое приписывали такимъ книгамъ и даже засвидѣельствованія ихъ, кромѣ самихъ владѣльцевъ или ихъ уполомоченныхъ, органами правительственной власти, можно умать, что актъ, внесенный въ нее, обыкновенно разсмаривался, какъ достовѣрный [4]).

Знаки публичнаго удостовѣренія состояли: 1) въ прионеніи печати должностного лица или присутственнаго

[1]) А. Ю. Б., т. I, № 82.
[2]) А. Ю. №№ 410 и 411.
[3]) *А. Шахматовъ*, Op. cit., №№ 41, 81, 82, 96 и др.
[4]) См. ниже, с. 114.

мѣста, 2) въ писаніи крѣпостей площадными подьячими, 3) въ докладѣ органамъ правительственной власти, 4) въ внесеніи текста грамоты въ записныя книги крѣпостей, которыя велись въ соотвѣтственныхъ присутственныхъ мѣстахъ.

1. Печать употреблялась и въ качествѣ знаковъ для публичнаго удостовѣренія грамоты. Въ Двинскихъ грамотахъ, напримѣръ, часто отмѣчается, что при совершеніи акта у печати, привѣшиваемой должностнымъ лицомъ къ грамотѣ, стоялъ такой-то; при заключеніи купчихъ, у печати находился обыкновенно продавецъ или рѣже довѣритель; напримѣръ: „А оу печати стоялъ Гаврила“; или „а въ печати стоялъ Ѳртемъ самъ“; или „оу печати стоѧлъ Романъ во отеча своего мѣсто Онъчифора“; или „а оу печати вѣтѣли стоѧти нефѣдьевы дѣти (такіе-то) оу свое мѣсто Фефилату Федоровичю“ [1]). При двинскихъ грамотахъ такія печати бывали обыкновенно свинцовыми висѣлыми, обыкновенно на нитяныхъ шнуркахъ. Въ позднѣйшее время указомъ 1676 года октября 22 велѣно было прилагать въ Земскомъ приказѣ къ даннымъ и всякимъ крѣпостямъ государеву, а не судейскую печать [2]). Съ начала же 1699 года, когда вышелъ указъ 23 января, приложеніе печатей должностныхъ лицъ окончательно замѣнилось введеніемъ въ употребленіе гербовой бумаги, уже снабженной государственной печатью [3]).

2. Съ теченіемъ времени публичное удостовѣреніе акта стало обнаруживаться и въ томъ, что онъ писался органомъ, уполномоченнымъ на то правительственной властью. Съ середины XVI столѣтія встрѣчаются указанія на „площадныхъ подьячихъ“, которые и стали играть такую роль при писаніи актовъ. Въ дѣлѣ С. В. Стромилова съ И. М. Черговымъ 1565—1566 годовъ, напримѣръ, упоминается площадной подьячій

[1]) *А. Шахматовъ*, Op. cit., №№ 3, 31, 109, 112.

[2]) П. С. З., т. II, № 665.

[3]) П. С. З., т. III. № 1673 и др.; ср. т. VI, № 3521. Опис. докум. и дѣлъ хранящ. въ архивѣ Святѣйшаго Правит. Синода. т. V, № 1. Полное Собраніе постановленій и распор. по вѣдомству правосл. исповѣд., т. V, № 1477.

Палка Бѣлозерецъ [1]); такъ какъ къ тому времени онъ уже просидѣлъ въ тюрьмѣ девятнадцать лѣтъ, то и можно заключить, что площаднымъ подьячимъ онъ былъ уже въ серединѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія. Въ исторіи института площадныхъ подьячихъ надо различать время до Уложенія и послѣ Уложенія. До Уложенія площадные подьячіе писали акты еще наряду съ другими учрежденіями и лицами. Со времени Уложенія площаднымъ подьячимъ было оффиціально поручено совершеніе важнѣйшихъ актовъ, что и придало имъ значеніе своего рода нотаріусовъ, удостовѣрявшихъ ихъ.

Уложеніе, дѣйствительно, поручаетъ исполненіе такой функціи площаднымъ подьячимъ. „А которыя люди учнутъ у кого занмовати въ кабалы денегъ, или иного чего нибудь, или кто кому учнетъ давати на себя записи, или иныя какія-нибудь крѣпости въ большихъ дѣлехъ, и имъ заемныя кабалы и всякія крѣпости велѣть писать на себя и въ послусѣхъ писатися на Москвѣ и въ городѣхъ площаднымъ подьячимъ; а писати послуховъ въ крѣпостяхъ на Москвѣ и въ городѣхъ, въ большихъ дѣлехъ человѣкъ по пяти и по шти, а не въ большихъ дѣлехъ человѣка по два и по три, а меньши дву человѣкъ въ послусѣхъ ни въ какихъ крѣпостяхъ не писати, и давати такіе заемные кабалы, и всякія крѣпости на себя за своими руками. А которыя грамотѣ не умѣютъ, и имъ велѣти въ свое мѣсто къ тѣмъ кабаламъ, и ко всякимъ крѣпостямъ прикладывать руки отцемъ своимъ духовнымъ, или братьямъ своимъ роднымъ или дядьямъ, или племянникомъ, или кому они въ томъ вѣрятъ. А мимо площадныхъ подьячихъ и безъ послуховъ никому ни на кого крѣпостей не писати. А будетъ кто у кого занявъ денегъ, или иного чего, заемную память напишетъ на себя самъ своею рукою, или ту память велитъ на себя написати человѣку своему, а самъ къ тои памяти руку приложитъ, такимъ заемнымъ памятемъ вѣрити, и судъ по нихъ давати

[1]) *Н. Лихачевъ*, Изъ лекцій по дипломатикѣ, сс. 23, 27.

А будетъ кому нибудь лучится у кого заняти денегъ рублевъ пять, или шесть, или десять, или хлѣба, или иного чего нибудь, противъ тоя цены въ селѣ, или въ деревнѣ, или кто какое угодье въ наемъ отдастъ противъ тоя же цены, а грамотѣ онъ умѣетъ, и крѣпость на себя самъ напишетъ, или кому велитъ написать, а самъ руку приложитъ, хотя и безъ послуховъ, и такимъ крѣпостямъ по тому же вѣрить и судъ по нихъ давати. А которые люди въ селѣхъ и въ деревняхъ грамотѣ не умѣютъ, и имъ въ такихъ не въ большихъ дѣлѣхъ велѣти на себя такія крѣпости писати иныхъ селъ земскимъ, или церковнымъ дьячкомъ, или кому нибудь, и къ тѣмъ крѣпостямъ, велѣти въ свое мѣсто прикладывати руки отцемъ своимъ духовнымъ, или кому въ томъ они вѣрятъ стороннимъ людемъ. А которые люди такія крѣпости учнутъ на кого имати, и имъ такихъ крѣпостей въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ попомъ своимъ и дьячкомъ и людемъ писати не велѣти. А будетъ у кого такіе крѣпости объявятся, и такимъ крѣпостямъ не вѣрити, по тому что писали тѣ крѣпости ихъ же селъ попы и дьячки. А вотчинныя и дворовые купчія и закладныя и даныя и иныя всякія крѣпости въ большихъ дѣлехъ всякихъ чиновъ людемъ велѣти на Москвѣ и въ городѣхъ писати и въ послусѣхъ писатися на площади площадным подьячимъ; а въ селѣхъ и деревняхъ и по подворьямъ такихъ крѣпостей въ большихъ дѣлехъ, опричь зговорныхъ свадебныхъ записей и духовныхъ и заемныхъ памятей, никому не писати".

Соотвѣтственно приведенной статьѣ Уложеніе придаетъ актамъ, писаннымъ площадными подьячими, значеніе судебныхъ доказательствъ.

„А будетъ кто кому давъ на себя какую крѣпость, учнетъ на того, кому онъ ту крѣпость дастъ, являти и бить челомъ Государю и сказывати, что на него та крѣпость взята по неволѣ, и учнетъ онъ въ томъ слатися на сторонних людей по стачкѣ, а писана та крѣпость на площади, и въ послусѣхъ у тоя крѣпости писалися площадные подьячіе, и его рука у той крѣпости есть, а тотъ, кому онъ

ту крѣпость на себя дастъ, и площадные подьячіе на очно ставкѣ съ нимъ учнутъ говорити, что та крѣпость прямая а не нарядная, а тѣ люди, на которыхъ тотъ челобитчик пошлется съ ними по стачкѣ, учнутъ ту крѣпость называт нарядною же, а послѣ того сыщется допряма, что та крѣ пость прямая, а не нарядная, а лживятъ ее для того, чт бы по неи исцова иску не платити, и тому челобитчику з такое его ложное челобитье, и тѣмъ людемъ, которые учну по немъ говорить ложно, съ нимъ по стачкѣ, учинити же стокое наказаніе, велѣти ихъ бити кнутомъ нещадно пр многихъ людехъ, что бы имъ и инымъ такимъ въпредь непо вадно было такъ дѣлать. Да на нихъ же велѣти тому, н кого они такое дѣло напрасно затѣютъ, доправити бесчестье да искъ его по крѣпости сполна, да его же вкинути в тюрьму на полгода. А будетъ кто кому давъ на себя каку крѣпость нибудь, и учнетъ ту крѣпость на судѣ лживити а та крѣпость за его рукою, и писана та крѣпость на пло щади и въ послусѣхъ въ тои крѣпости написаны площад ные подьячіе, а до суда на ту крѣпость челобитья его явокъ не бывало, и такимъ отвѣтчикомъ не вѣрить, и ве лѣть на нихъ по такимъ крѣпостямъ исцовы иски правит и отдавать исцомъ“ [1]).

Указомъ 1700 года января 1 велѣно писать всякія крѣ пости въ Ратушѣ, а не площаднымъ подьячимъ, распредѣ ливъ ихъ между Ратушей и Московской большой таможней причемъ позднѣйшіе указы присоединили крѣпостныя дѣл къ вѣдомству городовыхъ ратушъ [2]); но такой порядок былъ впослѣдствіи отмѣненъ. Указъ 1701 года января 3 установилъ новый институтъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячих причемъ завѣдываніе имъ было поручено Оружейной палат новое устройство, отличное отъ прежняго, повело къ обра зованію нотаріата [3]).

---

[1]) Уложеніе, X, 246-250, 252, 253.

[2]) П. С. З., т. IV, № 1740, ср. т. IV, №№ 1794, 2087, 2099.

[3]) П. С. З., т. IV, №№ 1833, 1838 и др. О писчихъ избахъ въ города см. ibid., т. IV, № 1851.

3. Докладъ получалъ нѣкоторое примѣненіе къ дѣламъ о холопахъ: принятіе на себя должности ключника, по мнѣнію одного изъ нашихъ изслѣдователей, происходило по докладѣ намѣстнику; по мнѣнію другого, докладомъ назывался актъ продажи себя въ рабство, совершаемый передъ лицомъ правительственнаго агента, который подвергалъ продающагося допросу о томъ, дѣйствительно ли онъ продаетъ себя въ рабство такому-то лицу и за такую-то цѣну [1]). Докладными назывались, однако, и другіе акты; напримѣръ, докладная грамота, въ силу которой вольная дѣвка выходитъ замужъ за холопа, а „по его холопи далась ему въ рабы“ и т. п. [2]). Въ числѣ актовъ, представленныхъ въ Разрядъ, немало „докладныхъ“ купчихъ, заемныхъ и т. п. Докладная грамота великаго князя Рязанскаго Ивана Васильевича о займѣ Васиѣмъ Андреевымъ сыномъ съ семьей 5 рублей денегъ у Ѳедора Васильевича начинается словами „Доложь вел. князя... боярина... се язъ... А на докладѣ были Юрманьга талмачъ да Анисимъ Сухининъ сынъ...“ [3]). Судебники разрѣшаютъ выдачу отпускной холопу и рабѣ не иначе какъ съ боярскаго доклада [4])

4. Въ то-же время (XVI-XVII вѣка) крѣпостные акты, писанные площадными подьячими (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые), подлежали записке въ приказахъ и въ съѣзжихъ избахъ въ записныя книги крѣпостямъ, смотря по предмету ихъ вѣдомства, напримѣръ, крѣпости на холоповъ—въ приказѣ Холопьяго суда, а по городамъ у воеводъ и губныхъ старостъ, обязанныхъ скрѣплять книги своими подписями [5]); крѣпости на вотчины и помѣстья записывались въ Помѣстномъ приказѣ [6]); крѣпости на дворы и дворовыя мѣста въ Москвѣ въ Земскомъ приказѣ и въ приказныхъ избахъ [7]); записи на

---

[1]) А. *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ инстанцій, изд. 2, сс. 278—287.

[2]) Записная книга дьяка Алябьева, въ Р. И. Б. т. XVII, сс. XII—XIII и № 359.

[3]) Акты Юшкова, ч. I, № 32 и др.

[4]) Судебникъ, статьи 18, 20; Царскій Судебникъ, ст. 77.

[5]) Уложеніе, XX, 2, 7-14, 16, 37, 38, 45, 48, 72-74.

[6]) Уложеніе, XVI, 6; XVII, 31, 35, 38, 39, 54; XVIII, 17. П. С. З., т. I, № 475; т. II, № 1060; т. III, № 1854.

[7]) Уложеніе, XIX, 40. П. С. З., т. IV, № 1919.

ворцовыхъ тяглыхъ людей на урочные годы въ работу—въ риказѣ Большого Дворца [1]); жилыя записи на патріаршихъ, рхіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ—въ Монастырскомъ риказѣ [2]); крѣпостные акты, писанные иноземцами—въ Палатѣ крѣпостныхъ дѣлъ [3]) и т. д. Въ XVIII вѣкѣ, какъ казано было выше, такія записныя книги велись въ Судомъ приказѣ [4]), позднѣе въ Крѣпостной конторѣ [5]), въ Эстиц-и Вотчинной Коллегіи и въ губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ, съ 1775 года, по Учрежденію о уберніяхъ, въ палатахъ гражданскаго суда и уѣздныхъ судахъ.

Въ составѣ подлинныхъ актовъ слѣдуетъ различать акты: ерновые, бѣловые, умноженные и возобновленные.

1. Черновые акты могутъ дать понятіе о происхожденіи аннаго акта или, по крайней мѣрѣ, о генезисѣ его текста. Іо черновому акту, писанному собственноручно или снабженому собственноручными поправками, можно иногда судить томъ лицѣ, отъ котораго онъ исходилъ или о той канцеяріи, въ которой онъ былъ написанъ. Черновые акты моутъ также представлять изъ себя первоначальную редакцію ѣловыхъ, въ которой мысль иногда высказывается болѣе епринужденно или обнаруживаетъ характерныя уклоненія. Впрочемъ, относительно частныхъ актовъ случаи подобнаго ода довольно рѣдки. Черновые акты обыкновенно лишены акихъ либо знаковъ удостовѣренія. Въ Коллежскомъ сораніи двинскихъ грамотъ сохранилось два акта, представляющіе какъ бы двѣ редакціи для выраженія одной и ой-же юридической сдѣлки, причемъ трудно, однако, рѣшить, какая изъ нихъ окончательная: въ 1619 году авгуа 13 Матрена Ергина „и въ брата своего мѣсто“ Грірія Буторы продала, напримѣръ, часть пожни Лапанги Николаевскому Моржегорскому монастырю, причемъ купчая

[1]) Ibid., т. II, № 759.
[2]) Ibid., т. IV, № 1920.
[3]) Ibid., т. IV, № 1941.
[4]) Ibid., т. IV, №№ 1962, 1997, 2088.
[5]) Ibid., т. VII, № 4266.

на эту землю имѣется въ двухъ видахъ: текстъ обѣихъ грамотъ почти тождественный, — отличіе состоитъ лишь въ томъ, что въ одной послухами являются два лица: „мужъ Матрены Худекъ Ивановъ да Иванъ Клементиевъ Ергина ке“; а въ другой, кромѣ того, упомянутъ третій: „Максимъ Ѳедоровъ сынъ Галашева“; причемъ первую купчую писалъ „Никольсково монастыря диячекъ Елизарко Семеновъ“, а вторую купчую: „Венедиктецъ Ивановъ Яковлева“ [1]).

2. Бѣловые акты обыкновенно содержатъ окончательную редакцію текста и снабжены, если они оказываются актами съ удостовѣрительнымъ характеромъ, всѣми нужными знаками ихъ удостовѣренія. Впрочемъ, въ бѣловыхъ актахъ также встрѣчаются иногда поправки, внесенныя даже надъ строками, другими чернилами, напримѣръ, въ духовной черноризца Артемія на четверть наволока, завѣщанную имъ Николаевскому Чухченемскому монастырю, XV-го вѣка и т. п.[2])

3. Умноженные акты (удвоенные, утроенные и т. п.). Въ случаѣ заключенія обоюдосторонней сдѣлки, каждая изъ сторонъ нуждалась въ соотвѣтствующемъ актѣ; онъ изготовлялся въ соотвѣтствующемъ числѣ экземпляровъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ равное съ другими значеніе, т. е. являлся подлиннымъ; такіе акты назывались въ старину „противнями“. Въ „записи“ о полюбовномъ раздѣлѣ земель между Ѳерапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Есюнинской волости, 7038 (1530) года мы читаемъ: „А су есмя запись, написавъ, далъ (староста и во всѣхъ крестьянъ мѣсто) игумену съ братіею Ѳерапоньту, а у нихъ есмя запись взяли такову-же слово въ слово“. Въ „мѣнной“ на часть сугреба разсолу въ варницѣ Глубокой въ Неноксѣ съ варничнымъ „заводомъ“ и угодьями, промѣненную Тимоѳеемъ Усовымъ Николаевскому Корельскому монастырю на часть сугреба разсолу въ варницѣ Скоморошицѣ тамъ же съ варничнымъ „заводомъ“ и угодьями, 1622 года, значится: „А тѣми росолы помѣнялись мы межъ собою по слову и полюбовно, и мѣнные двѣ написали слово

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № № 494, 495.
[2]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 7.

въ слово и розняли по себѣ". Въ дѣльной Василія Лодыгина, Никиты Шулемина и Никона и Сергѣя Сидоровыхъ на деревню на Ладинѣ берегу 1627 года встрѣчается слѣдующая клаузула: „да въ томъ мы промежъ собою и дельные списали три по противнямъ и розняли по себѣ" [1]).

Въ „противняхъ" допускались, впрочемъ, тѣ малозначительныя измѣненія, какія оказывались нужными, при писаніи, напримѣръ, акта отъ лица поряжающаго или порядчика, покупателя и продавца и т. п. Въ крестьянскихъ порядныхъ встрѣчаются, напримѣръ, такія клаузулы: „А записи есмя писали по противнямъ", „да въ томъ есмя межъ себя и записи написали по противнямъ и розняли" и т. п. Противни купчихъ, напримѣръ, акты рода Монастыревыхъ соотвѣтственно начинались словами: „се язъ продалъ", „се язъ купилъ" и т. п. [2]) Такіе акты назывались иногда также „грамотами противными": въ переписной книгѣ домовой казны патріарха Никона, напримѣръ, значится: „патріарша мѣновная 165 году, что промѣнилъ въ домъ Пречистые Богородицы сельцо Новое съ деревнями на деревню Посникову въ Московскомъ уѣздѣ мѣновная противная на деревню Посникову того-жъ году" [3]).

4. Акты возобновленные замѣняли собою подлинные: они содержали возстановленные тексты утраченныхъ грамотъ надлежащимъ образомъ удостовѣренные. Такія грамоты, утраченныя по случаю ветхости, пожара, вражескаго нашествія и т. п., возобновлялись по челобитью заинтересованныхъ лицъ послѣ приказнаго сыска.

Акты, которые нельзя признать, на основаніи вышеприведенныхъ признаковъ, подлинными, оказываются неподлинными. Въ составѣ ихъ можно различать: акты списанные и поддѣльные.

1. Акты списанные встрѣчаются или въ видѣ отдѣльныхъ копій или въ цѣлыхъ сборникахъ. а) Копіи съ отдѣльныхъ

---

[1]) А. Ю. № 154. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 521, 535.

[2]) Сводный текстъ крестьянскихъ порядныхъ XVI вѣка, составленный слушательницами С-Пб. Высшихъ Женскихъ Курсовъ, С-Пб. 1910, с. 46. А. Ю. № 1 и *Д. Мейчикъ*, Op. cit, с. 114.

[3]) Врем. М. О. И. и Др., кн. 15 (1852), с. 75.

актовъ назывались „списками“ или „снимками“, что и обозначалось въ началѣ грамоты и на оборотѣ ея, напримѣръ: „списокъ з данои слово въ слово“ или „снимокъ зъ духовнои слово въ слово“, причемъ на оборотѣ послѣдней значится: „снятъ списокъ зъ духовной“ и т. п. Термины „снимокъ“ и „сьемъ“, однозначущіе съ терминомъ „списокъ“, рѣже встрѣчаются [1]). Копіи могли быть засвидѣтельствованными или простыми. Купчая Антонія Римлянина, писанная, судя по косвеннымъ указаніямъ, до 1147 г. и вызывающая нѣкоторыя сомнѣнія, засвидѣтельствована царемъ Иваномъ Грознымъ 1573 года августа 15. Духовная Владиміра Васильковича (внука Романа Мстиславича), князя Владимірско-Волынскаго († 1289 году), извѣстна лишь въ простой копіи, занесенной на страницы нашей лѣтописи по Ипатьевскому списку и т. п. [2]). О значеніи нѣкоторыхъ копій можно судить хотя-бы по тѣмъ актамъ, которые были представлены въ Разрядъ, въ Палату Родословныхъ Дѣлъ, послѣ отмѣны мѣстничества, главнымъ образомъ, въ промежутокъ времени съ 1682 года по 1690 годъ и которые сохранились въ спискахъ: между ними имѣется, напримѣръ, одна рязанская купчая XIV вѣка, подлинникъ которой находился въ Солотчинскомъ монастырѣ, „въ казнѣ“; къ „подлинному ея списку“ архимандритъ руку приложилъ; далѣе купчія и заемныя XV вѣка и т. д. [3]).

Въ позднѣйшихъ грамотахъ, особенно въ правыхъ, часто включались тексты старѣйшихъ актовъ, предъявленныхъ на судѣ. Въ одной правой грамотѣ Николаевскому Корельскому монастырю 1571 года, напримѣръ, внесено нѣсколько частныхъ актовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) отступная, 2) отступная, 3) отступная, 4) данная, 5) порядная, 6) данная 7) отступная (названная купчей), 8) отступная, 9) отступная причемъ вышеуказанная крестьянская порядная—древнѣйшая

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 119 и 346. Р. И. Б., т. XIV ст. 847, 851.

[2]) *Амвросій*, Исторія Росс. Іерархіи, т. VII, сс. 123-126. Ипатьевская лѣтопись подъ 6795 годомъ (с. 595).

[3]) Акты Юшкова №№ 32, 44 и др.

изъ извѣстныхъ. Въ дѣлахъ XVIII вѣка, особенно тѣхъ, которыя касаются землевладѣнія, „почти постоянно встрѣчаются въ копіяхъ документы XVI и XVII вѣковъ“ [1]).

б) Сборники актовъ въ копіяхъ имѣютъ существенное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда могутъ быть признаны картуляріями, въ особенности такими, которые были засвидѣтельствованы въ приказахъ (diplomatoria, panchartae, chartularia). Наиболѣе извѣстными картуляріями подобнаго рода слѣдуетъ признать извѣстные сборники актовъ Троицкаго Сергіева монастыря. О составленіи ихъ сохранились слѣдующія извѣстія: при архимандритѣ Адріанѣ въ 1642 году, по случаю доносовъ, изъ Москвы были присланы окольничій князь Волконскій и дворянинъ Панинъ съ двумя дьяками и восемью подьячими; они должны были переписать все церковное имущество, деньги, запасы съѣстные и воинскіе, монастырскихъ людей и скотный дворъ, какъ въ Троицкомъ монастырѣ, такъ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему монастыряхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ переписаны были и всѣ грамоты на монастырскія вотчины какъ окладныя, такъ и жалованныя великихъ и удѣльныхъ князей и царей Московскихъ. Возникшій такимъ образомъ сборникъ вкладныхъ грамотъ съ присовокупленіемъ прочихъ документовъ на владѣніе вотчинами или „вотчинная книга“ раздѣляется на двѣ части и содержитъ въ себѣ 2375 актовъ разнаго рода. Сборникъ жалованныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей и царей содержитъ въ себѣ 588 грамотъ. Оба сборника скрѣплены по листамъ монастырскими властями и дьяками [2]). Въ одномъ изъ сборниковъ Троицкаго Сергіева монастыря смѣшаннаго содержанія записано, между прочимъ, слѣдующее извѣстіе, относящееся, надо думать, ко второй половинѣ XVII вѣка [3]):

---

[1]) А. Ю. № 23. Памятн. кн. Моск. Арх. Мин. Юст., с. 149.

[2]) *А. Горскій*, Op. cit., сс. 127—128.

[3]) Троицкой Сергіевой Лавры Главная Библіотека, опись 1906 года, отдѣленіе 13, № 637, лл. 214—216. Предшествующія записи относятся къ 7193 году послѣдующія упоминаютъ актъ 7160 года.

„По указу государей властей написано с писцовыхъ книгъ списковъ и з государевыхъ жаловалныхъ грамотъ и з данныхъ и з духовныхъ и закладныхъ и купчихъ и з меновныхъ записей на Троицкие вотчины и на всякие угодье и тѣ списки справлены на Москвѣ в Помѣстномъ приказе и привезены в монастырь за приписью дьяка Дмитрѣя Ѳедорова да за подъяческими справами Максима Данилова, Леонтья Львова, Ѳеонасья Герасимова и переплетены в переплетъ и отданы в крѣпостную казну крѣпостному старцу Арону Покровскому.

2 книги Московского уѣзду
2 книги Дмитровского уѣзду
2 книги Переславского уѣзду
2 книги Серпѣйского уѣзду
2 книги Коломенского уѣзду
2 книги Ярославецкого Малого уѣзду
2 книги Оболенского уѣзду
2 книги Боровского уѣзду
2 книги Новосилского уѣзду
2 книги Калужского и Верѣйского уѣзду
2 книги Звенигородцкого уѣзду
2 книги Серпуховского уѣзду
2 книги Каширского уѣзду
1 книга Медынского уѣзду
1 книга Резанского уѣзду
1 книга Можайского уѣзду

Принято у слуги Василья Колмакова Галецкого стола с писцовыхъ и с мѣжевыхъ книгъ и с крепостей списковъ за приписью диака Дмитрея Ѳедорова.

Да книга за рукою крепосные казны старца Арона Покровского и тѣ книги отданы въ крепосную казну.

2 книги Новгородского уѣзду
2 книги Ярославского и Пошехонского уѣзда
2 книги Бѣлозерского уѣзда
4 книги Костромского уѣзда
2 книги Галецкого уѣзда

2 книги Колмогорского уѣзда
книга Варзуского уѣзду крепостемъ".

Такіе-же сборники существовали у Кирилло-Бѣлозерскаг Соловецкаго и другихъ, по крайней мѣрѣ, крупныхъ мона стырей. Такія книги носили иногда спеціальное названіе сборникъ актовъ Михаило-Архангельскаго монастыря въ Ве ликомъ Устюгѣ озаглавленъ, напримѣръ, слѣдующимъ обра омъ: „Книга, глаголемая Путникъ, Устюга Великаго пре стныя обители Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Е веденія въ церковь и соборъ великаго въ чудесѣхъ святаг архистратига Божія Михаила и прочихъ небесныхъ силъ без плотныхъ, по благословенію архимарита Варлама и по совѣт соборнихъ старцовъ: старца келаря и уставщика Нифонта казначеевъ старцовъ Исаіи и Никиты и порядчиковъ стар цовъ Наума и Петра и всея братіи, начата писати лѣта 712 въ великій постъ на 4 недѣли въ среду съ подлинныхъ путе монастырскіе вотчины и со всякихъ монастырскихъ крѣпосте слово въ слово.—Марта въ 11 день" [1]).

Возможно, что нѣкоторые изъ свѣтскихъ лицъ также вел подобнаго рода книги, т. е. своего рода частные картуларіи Въ одномъ изъ нашихъ хранилищъ рукописей находится напримѣръ, сборникъ списковъ съ разнаго рода грамотъ записей, купчихъ и проч., относящихся къ роду Мещерино выхъ. Извѣстная книга Поганкина, вѣроятно 1670-ыхъ го довъ, тоже, пожалуй, записная книга актовъ; самъ Поганкин былъ состоятельнымъ псковскимъ купцомъ, чѣмъ, может быть, и объясняется, что они состоятъ, главнымъ образомъ изъ купчихъ и т. п. [2]).

---

[1]) Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря, изданны подъ редакціей *В. Шляпина*, Великій Устюгъ 1912, часть I, с. 5. Сборникъ копій ь грамотъ на земельныя владѣнія Симонова монастыря, „писанный скорописы ольшею частью въ 1666 году и не позднѣе самого конца XVII вѣка", назван книгой копійной"; см. *Н. Поповъ*, Рукописи Московской Синодальной Библіотеки выпускъ II: Симоновское собраніе, Москва, № LVIII.

[2]) *К. Калайдовичъ* и *П. Строевъ*, Описаніе рукописей графа Ѳ. Толстова д. II, № 271. Книга Поганкина, хранимая въ Псковскомъ Археологическом узеѣ, издана К. Г. Евлентьевымъ, Псковъ. 1870.

Наконецъ, кромѣ цѣльныхъ копій, неподлинные частные акты извѣстны и въ видѣ пересказовъ (регистровъ), сохранившихся, главнымъ образомъ, въ записныхъ книгахъ крѣпостнымъ актамъ, которыя велись въ Московскихъ приказахъ и съѣзжихъ избахъ, по крайней мѣрѣ, съ конца XVI вѣка. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы, напримѣръ, записныя книги крѣпостныхъ актовъ—духовныхъ, данныхъ, купчихъ, заемныхъ, полныхъ, служилыхъ кабалъ и т. п., явленныхъ новгородскому дьяку Д. Алябьеву [1]).

2. Акты поддѣльные. Вообще можно признать источникъ поддѣльнымъ, если можно приписать обманщику злое намѣреніе подѣлать именно историческій источникъ, т. е. совершить подѣлку самаго факта его существованія, какъ источника, и выдать результатъ своей поддѣлки за дѣйствительно существующій источникъ или за его часть. Въ такомъ смыслѣ нѣкоторые акты, вызывающіе сомнѣніе, можно признать скорѣе поддѣльными, нѣмъ подложными. Болѣе полувѣка тому назадъ, напримѣръ, въ провинціальныхъ нашихъ изданіяхъ появился одинъ актъ, который вызываетъ подозрѣніе о его поддѣлкѣ. „Се азъ, читаемъ мы здѣсь, города Гдова, старыхъ колымажныхъ дѣлъ колымажникъ Савастьянка Севрюковъ, принялъ я, Савастьянка, вышеписаннаго города Гдова, къ себѣ въ домъ вобья, а на долю ему, вобью, треть живота; а ежели добръ будетъ вобья, то половину ему, вобью; а ежели Богъ по душу (мою) пошлетъ, то и все ему, вобью. А ежели я, Савастьяшка, противъ него попячусь, и мнѣ, попятчику, будетъ стыдно; и ему, вобью, самому меня попятить и взять на мнѣ запячины, что указано будетъ. А на то колода людей. Лѣта 7090 (1582) года. Въ томъ Савастьянка Севрюковъ руку приложилъ“ [2]).

Въ правовомъ смыслѣ можно умышленно выдавать, посредствомъ лжи или обмана, искусственный продуктъ за

---

[1]) Арх. истор.-юридич. свѣдѣній, относящ. до Россіи, издав. Н. Калачовымъ, книга 2, пол. 1, отдѣл. II, сс. 9—70. Р. И. Б., т. XVII, сс. XXX+214+50+4кн.+II.

[2]) Яросл. Губ. Вѣд. 1850 г. № 25; Владим. Губ. Вѣд. 1860 г. № 43; Олонецк. Губ. Вѣд. 1874 г. № 82, а также въ Чтен. М. О. И. и Др. 1863 г., кн. 1, смѣсь, с. 1.

настоящій, если приписывать ему правовое значеніе, котораго онъ, однако, не имѣетъ; дѣяніе подобнаго рода называется подлогомъ въ широкомъ смыслѣ и характеризуется тѣмъ, что оно совершается исключительно благодаря „матеріализованной лжи“ и направлено къ тому, чтобы, при помощи овеществляющаго ее продукта, посягнуть на извѣстные правоохраненные интересы; съ указанной точки зрѣнія разсуждаютъ, напримѣръ, о подлогѣ денежныхъ знаковъ, печатей, документовъ и т. п. Впрочемъ, терминъ „подлогъ“ чаще употребляется въ еще болѣе узкомъ смыслѣ, примѣнительно къ однимъ только „документамъ“, т. е. къ такимъ предметамъ или „писаніямъ“, которые символически удостовѣряютъ юридическія отношенія, права и обязанности, или событія, имѣющія юридическое значеніе. Съ послѣдней точки зрѣнія подъ подлогомъ документа, преимущественно въ криминалистическомъ смыслѣ, можно разумѣть умышленное искаженіе истины въ „писаніи“ съ цѣлью употребить его подъ видомъ настоящаго документа для посягательства на чьи-либо правоохраненные интересы.

Наши источники, конечно, упоминаютъ о поддѣльныхъ актахъ, которые называютъ иногда „нарядными“ грамотами крѣпостями, кабалами и т. п. [1]); законодательство также предусматривало поддѣлку грамотъ и печатей, а позднѣе и подѣлку гербовой бумаги, напримѣръ, въ Уложеніи и Уставѣ Воинскомъ [2]). Нѣкоторые виды документовъ подвергались болѣе частой поддѣлкѣ, чѣмъ другіе, напримѣръ, полныя служилыя кабалы, вкладныя, купчія, закладныя и т. п. Въ уставной книгѣ казначеевъ записанъ указъ 1558 года ноября 30, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „а которые люди впредь учнутъ наряжати на вольныхъ людей полные и докладные, стакався съ таможниками, а въ томъ на нихъ доведутъ, и тѣхъ людей и таможниковъ казнити смертною

[1]) А. Ю. Б., т. I, ст. 201. Уложеніе, X, 252. Оспоренные акты назывались „лживленными“, см., напр., А. Ю. №№ 13, 24 (сс. 27 и 58).

[2]) Уложеніе, IV, 1—4. Уставъ Воинскій, II, 23, 201. Опис. докум. и бум. Архива Святѣйшаго Синода, т. II, № 50.

казнью, какъ и головного татя" [1]). Въ позднѣйшее время акты подобнаго рода, а также служилыя кабалы и т. п. поддѣлывались въ значительномъ количествѣ [2]).

Съ теченіемъ времени поддѣлка вкладныхъ, купчихъ, закладныхъ и т. п. получила довольно значительное развитіе [3]). Древнѣйшая грамота, данная будто-бы великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ Троицкому Сергіеву монастырю, а также запись во вкладной книгѣ о дачѣ имъ преподобному Сергію дворового мѣста въ Московскомъ Кремлѣ признаются подложными [4]). Аналогичные случаи извѣстны и изъ южнорусской практики. Такъ, слѣдуетъ считать подложной грамоту великаго князя Китая, во святомъ крещеніи Андрея Юрьевича (Боголюбскаго), якобы данную имъ Кіево-Печерской обители въ 1159 году, но, безъ сомнѣнія, сочиненную Кіево-Печерскимъ архимандритомъ Мелетіемъ Хребтовичемъ-Литоворовичемъ-Богуринскимъ (или по его порученію) съ цѣлью упрочить начинавшее подвергаться колебаніямъ вліяніе Кіево-Печерской обители относительно Пустынно-Никольскаго монастыря; подложной является и грамота, приписываемая князю Роману и будто бы составленная имъ въ XIII вѣкѣ [5]). Происхожденіе двухъ послѣднихъ грамотъ объясняется слѣдующими обстоятельствами. По случаю заключенія вѣчнаго мира 1686 года Московское правительство приступило къ описанію порубежныхъ мѣстностей Кіевскаго уѣзда и повелѣло владѣльцамъ имѣній въ новоприсоединенномъ краѣ представить свои крѣпостные

[1]) А. И., т. I, №№ 154 и 221, статья XIV.

[2]) Подложныя грамоты — *А. Поповъ*, Изборникъ, сс. 448—450; *его же*, Обзоръ хронографовъ, т. II, сс. 201, 227—229. Ложныя крѣпости — Уложеніе, X, 124, 259; XX, 20, 23 — 25, 103. Поддѣлка отпускныхъ также практиковалась; см. Памятн. кн. Моск. Арх. Мин. Юст., с. 47.

[3]) П. С. З., т. III, № 1714.

[4]) Іером. *Арсеній*, О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя, преподобнаго Сергія, въ Лѣтоп. зан. Археограф. Комиссіи, вып. VII, сс. 139—175.

[5]) Матеріалы для исторіи западно-русской церкви, изданные подъ редакціей *С. Голубева*, Кіевъ. 1891 г., вып. I, № IX, с. 71 и слѣд.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Кіевск. повытья кн. 10; ср. Румянц. Муз., собр. И. Д. Бѣлаева, № 1626, лл. 1—1 об.

акты въ Кіевскую приказную избу, которая должна была снять съ нихъ „списки“ (копіи), а подлинники возвратить владѣльцамъ. Такимъ образомъ возникла „Описная книга Кіевскаго ограниченія“, составленная въ 194 (1686) году капитаномъ Ѳедоромъ Соломѣинымъ и подьячимъ Кіевской приказной избы Ѳедоромъ Наковальнинымъ. Въ предисловіи къ собранію крѣпостныхъ актовъ кіевскихъ монастырей, присоединенному къ книгѣ, говорится, что по указу великихъ государей и по грамотѣ изъ Посольскаго приказа, отъ 11 ноября 195 (1686) года „за приписью“ дьяка Прокофія Возницына, велѣно у архимандрита Печерскаго монастыря и у настоятелей другихъ кіевскихъ монастырей взять „списки“ съ „жалованныхъ грамотъ“ Московскихъ царей, королевскихъ „привилѣевъ“ и гетманскихъ „универсаловъ“ и прислать эти списки“ въ Посольскій приказъ (л. 69). Вслѣдъ за этимъ предисловіемъ идутъ самые списки съ актовъ, которые писаны на листахъ обыкновеннаго формата, разными почерками южно-русскаго письма конца XVII вѣка. Они расположены систематически по монастырямъ, представившимъ акты. Въ каждомъ такомъ отдѣлѣ акты расположены безъ системы хронологической или какой-либо иной. Каждый отдѣлъ подписанъ по листамъ настоятелемъ извѣстнаго монастыря, а все собраніе актовъ скрѣплено дьячьею подписью. Во главѣ поставлены акты Кіево-Печерской лавры (л. 1—37), по нижнимъ полямъ которыхъ идетъ такая скрѣпа: „къ симъ спискамъ Кіево-Печерскаго монастыря архимандритъ Варлаамъ Ясинскій руку свою приложилъ, подлинные крѣпости къ себѣ въ монастырь взялъ“. Здѣсь помѣщено 23 лаврскихъ акта, въ томъ числѣ и вышеупомянутые, надо полагать, подложные акты, а именно: документы „описной книги“ а) № 9 „выпись изъ метрики Іеремѣи Патріарха Константинопольскаго, привѣлею великаго князя Китая (sic) Андрея Юревича, внука Валодимерова, на мѣсто Василковъ зъ его принадлежностями на монастыръ Печерскій, и привѣлей Максима патріарха Константинопольскаго на ставропигіонъ тому-жъ монастырови, 6666 (1158) года (л. 9—14), б) № 3 „привѣлей князя Романа Галицкаго

евскаго, владымирскаго, луцкаго и иныхъ земель обладателя, который записуетъ землю Забудецкую, и проч.", 6748 (1240) года (л. 2—3) [1]).

Въ виду усилившейся подделки крѣпостей правительство, указомъ отъ 9 декабря 1699 года, установило порядокъ изслѣдованія подписей на крѣпостныхъ актахъ въ случаѣ возникновенія сомнѣнія или спора о ихъ подлинности: „7208 года декабря въ 9 день, Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ и бояре приговорили: которыя крѣпости явлены, или впредь кто явитъ въ Помѣстномъ приказѣ, а писаны до сего Великаго Государя указа, а на тѣ крѣпости споръ и челобитье въ Помѣстномъ приказѣ есть, а въ томъ спорномъ челобитье учнутъ писать тѣ крѣпости составными и воровскими, и руки у тѣхъ крѣпостей лживятъ, и про такія крѣпости разыскивать и руки свидѣтельствовать дьякамъ и подьячимъ, которые сидятъ въ приказахъ, а не площадными подьячими, противъ того какъ по Уложенію и по новоуказнымъ статьямъ велѣно разыскивать по спорному челобитью про купчія и про закладныя и про записи" [2]).

---

[1]) *Н. Оглоблинъ*, Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи, въ Кіевской Старинѣ 1886 г., т. XIV, сс. 485—487.

[2]) П. С. З., т. III, № 1732. Ср. *И. Желябужскій*, Записки, изд. И. Сахарова, сс. 74—76.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Документальное построеніе частныхъ актовъ.

Документальное построеніе частныхъ актовъ изучаетъ ихъ, какъ историческія явленія въ жизни народовъ, какъ продукты ихъ культуры, какъ результаты мѣстныхъ и временныхъ бытовыхъ и правовыхъ отношеній, которыя они облекаютъ въ извѣстныя формы, и о которыхъ можно судить по такимъ формамъ. Документальное построеніе выясняетъ, напримѣръ, какую цѣль, болѣе или менѣе согласную съ пониманіемъ даннаго общества, изучаемый актъ преслѣдуетъ и въ чьемъ интересѣ онъ составленъ; какое именно правоотношеніе или юридическую сдѣлку онъ запечатлѣваетъ или удостовѣряетъ, и что онъ содержитъ, простое-ли изложеніе послѣдовательныхъ моментовъ ея осуществленія или строгое логическое раскрытіе образующихъ ее элементовъ; какую типическую форму онъ получаетъ въ обычаѣ или законѣ и не развивается-ли она подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ; каковъ его составъ и насколько его части соотвѣтствуютъ его основной цѣли или уклоняются отъ нея, обнаруживая нѣкоторую устойчивость или измѣнчивость въ зависимости отъ данныхъ условій мѣста и времени; каковы главныя разновидности его типа, обусловленныя колебаніями подобнаго рода и характеризуемыя мѣстными или временными формами нѣкоторыхъ изъ его частей, все же отличающихся отъ побочныхъ, вставныхъ или случайныхъ его статей, и т. п.

Въ сущности, документальное построеніе исходитъ изъ болѣе или менѣе общаго, хотя и приближеннаго понятія о частномъ актѣ и даже о данномъ его видѣ для того, чтобы путемъ его анализа и синтеза научно конструировать его;

притомъ аналитическіе и синтетическіе пріемы его изслѣдованія взаимно дополняютъ другъ друга: нельзя приступить къ анализу, не придерживаясь какой-либо точки зрѣнія на предметъ, уже предполагающій нѣкоторый его синтезъ; и, наоборотъ, нельзя прибѣгнуть къ синтезу, не подвергнувъ предметъ тщательному анализу, безъ котораго взаимоотношеніе его элементовъ останется неяснымъ; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ различать, конечно, анализъ и синтезъ частнаго акта, въ качествѣ логически отличныхъ пріемовъ его изученія. Обратимся къ разсмотрѣнію каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Анализъ частнаго акта.

При историческомъ анализѣ частнаго акта необходи прежде всего установить, къ какому мѣсту и времени о относится, а затѣмъ уже подвергнуть его соотвѣтственно дипломатическому и юридическому разсмотрѣнію.

Дипломатическій анализъ имѣетъ въ виду выяснить с ставъ частнаго акта путемъ грамматическаго, графико-статист ческаго и символически-аналитическаго метода; благодаря ш онъ приходитъ къ расчлененію частнаго акта на протоко ныя части, клаузулы и т. п.

Юридическій анализъ занимается выясненіемъ, посредство юридическихъ категорій, состава той юридической сдѣлк которая лежитъ въ его основѣ и расчленяетъ его на составные ея элементы, которые болѣе или менѣе отражаю и въ клаузулахъ акта. Вышеуказанные методы находятс конечно, въ тѣсной связи между собою: въ извѣстной мѣр дипломатическій анализъ уже опирается на юридическій; свою очередь, юридическій анализъ предполагаетъ дипломат ческій; тѣмъ не менѣе для большей ясности мы ознакомимс хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ каждымъ изъ ни въ отдѣльности.

§ 1. *Предварительный анализъ частнаго акта: мѣст и время его происхожденія.*

Происхожденіе нашихъ частныхъ актовъ до сихъ пор ще очень мало выяснено: можно думать, что формы, крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ слагались подъ вли

йскимъ вліяніемъ, напримѣръ, формы духовныхъ, которыя, разумѣется, писались большею частью при участіи духовныхъ лицъ и удостовѣрялись органами духовной власти [1]). Слѣды такого вліянія можно замѣтить, напримѣръ, во времена митрополита Кипріана, болгарина по происхожденію, современника и друга извѣстнаго терновскаго патріарха Евѳимія. Митрополитъ Кипріанъ былъ у насъ однимъ изъ проводниковъ того образовательнаго движенія, которое возникло, конечно, подъ вліяніемъ византійскимъ среди южныхъ славянъ; онъ занимался, между прочимъ, переводомъ греческой Кормчей на славянскій языкъ и могъ оказать нѣкоторое воздѣйствіе на нашу дипломатику: слѣды его можно усмотрѣть, напримѣръ, въ „прощальной грамотѣ", читанной при его погребеніи и послужившей образцомъ для позднѣйшихъ актовъ подобнаго рода: „сію грамоту, по словамъ одного изъ старинныхъ нашихъ дипломатистовъ, и прочіе митрополиты русскіе, переписывая своею рукою, завѣщавали также по смерти, при погребеніи своемъ, прочитывать", что, дѣйствительно, въ значительной мѣрѣ оправдывается хотя бы сличеніемъ „прощальной грамоты" Кипріана съ духовной митрополита Іонь 1461 г. и т. п. Митрополиту Кипріану принадлежитъ также „тавуларьская грамота" или заемная кабала, которую онъ, вмѣстѣ съ ростовскимъ архіепископомъ Ѳедоромъ, выдалъ въ Царѣградѣ „Николаву нотарѣ діорминефту" въ тысячѣ старыхъ рублей новгородскихъ; она вслѣдъ затѣмъ попала, въ копіи, въ извѣстный сборникъ грамотъ митрополитовъ всероссійскихъ XVI-го вѣка [2]). Въ какой мѣрѣ однако, такое вліяніе распространялось на другіе типы русскихъ частныхъ актовъ, сказать трудно за отсутствіемъ болѣе детальныхъ изслѣдованій и сличеній ихъ съ греческими.

Къ какому бы виду актъ ни принадлежалъ, историческо

---

[1]) *A. Heisenberg* und *L. Wenger*, Byzantinische Papyri, Leipzig 1914, mit 3 Taf. (VI вѣка). Сборникъ аѳонскихъ актовъ *Миклошича*. *G. Ferrari*, J documen greci medioevali di diritto privato della Jtalia meridionale, Leipzig 1910.

[2]) П. С. Р. Л., т. XXI, с. 441 (Степенная книга подъ 1406 годомъ). „Библіографич. лѣтопись", вып. III, с. 167. Ср. митр. *Евгеній*, Словарь, т. I, с. 323. А. И. т. I, № 252.

го изученіе требуетъ прежде всего пріуроченія его къ данному
ѣсту и времени, чѣмъ и занимается топологія и хронологія
кта: благодаря топологическому и хронологическому опредѣ-
енію акта его можно вставить въ соотвѣтствующія бытовыя
правовыя условія, съ точки зрѣнія которыхъ и произво-
ится научное его построеніе, какъ продукта данной куль-
уры [1]).

а) Топологія акта.

Топологія акта устанавливаетъ мѣсто его совершенія на
снованіи прямыхъ и косвенныхъ показаній, заключающихся
ь его текстѣ. Даже въ томъ случаѣ, когда частный актъ
амъ указываетъ на мѣсто его совершенія, такія свѣдѣнія
алеко не всегда оказываются достаточными: совершители
астнаго акта, большею частью мѣстные жители, нерѣдко
одразумѣвали болѣе общія географическія данныя касательно
бъекта своей сдѣлки и довольствовались болѣе частными
ылками на ближайшія мѣста, названія которыхъ могли съ
ченіемъ времени измѣниться или даже исчезнуть. Нѣкото-
ые изъ частныхъ актовъ не содержатъ, напримѣръ, общихъ
казаній на принадлежность ихъ къ данной мѣстности и
граничиваются упоминаніями, въ родѣ слѣдующихъ: рѣка Ма-
ая Юра, Кочкомъ-озеро, Наль островъ, Круглица гора,
лухой погостъ и т. п.; лишь послѣ детальнаго обслѣдованія
ожно прійти къ заключенію, что вышеприведенныя названія
гносятся къ Двинѣ, и разыскать ихъ на картѣ. При такихъ
словіяхъ изслѣдователю приходится иногда тратить не мало
руда на то, чтобы пріурочить старинныя топологическія ука-
нія къ современнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ до сихъ поръ
е располагаетъ всѣми нужными для того пособіями: по-
обными картами даннаго края, обстоятельными историко-
еографическими словарями, наглядными изображеніями адми-
истративныхъ дѣленій интересующей его мѣстности и т. п. [2]).

[1]) Терминъ „топологія“ представляется болѣе удачнымъ, чѣмъ терминъ „то-
графія“, имѣющій болѣе спеціальное значеніе, и вполнѣ соотвѣтствуетъ термину
ронологія“, чѣмъ и объясняется принятая ниже терминологія.

[2]) Карты Россіи по естествознанію: Геологическая карта Европейской Россіи,
данная Геологическимъ Комитетомъ въ 1897 году, масштабъ—60 верстъ въ

Между тѣмъ такія пріуроченія даютъ возможность усмотрѣть въ общей совокупности актовъ нѣкоторыя ихъ группы, характеризуемыя мѣстными ихъ особенностями. Благодаря такому пріему удалось, напримѣръ, отмѣтить нѣкоторыя своеобразныя черты новгородскихъ частныхъ актовъ XII—XV вѣковъ, обнаружить отличія древнѣйшихъ рязанскихъ служилыхъ кабалъ отъ позднѣйшихъ московскихъ и т. п. [1]).

дюймѣ; Гипсометрическая карта Европейской Россіи, составленная *А. А. Тилло* въ 1899 году, 60 верстъ въ дюймѣ; карта бассейновъ внутреннихъ водныхъ путей Европейской Россіи, составленная *А. А. Тилло*, 60 верстъ въ дюймѣ; Гидрографическая карта Европейской Россіи, составленная при Главномъ Управленіи Путей Сообщенія въ 1846 году, 100 верстъ въ вершкѣ; карта желѣзныхъ, водяныхъ и шоссейныхъ путей сообщенія Европейской Россіи, изданная Министерствомъ Путей Сообщенія въ 1910 году, 40 верстъ въ дюймѣ; этнографическая карта Европейской Россіи, составленная *П. Кеппеномъ* и изданная Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ 1851 году, 3-е изданіе въ 1855 году, 75 верстъ въ дюймѣ; Этнографическая карта Европейской Россіи, составленная *А. Ѳ. Риттихомъ* въ 1875 году; Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ съ приложеніемъ очерка русской діалектологіи, составили *Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовъ* и *Д. Н. Ушаковъ* въ 1915 г.; карта важнѣйшихъ отраслей производительности Европейской Россіи, составленная при Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ въ 1872 году, 60 верстъ въ дюймѣ. Географическій Лексиконъ Россійскаго Государства и проч., собранный *Ѳ. Полунинымъ* и изданный *Г. Миллеромъ*, 1773. Новый и полный географическій словарь Россійскаго Государства и проч., собранный *Л. Максимовичемъ* и *А. Щекатовымъ*, 7 частей, М, 1807—1809. Списки населенныхъ мѣстъ, представленные губернаторами въ Статистическій Комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ 1859 и 1860 годахъ (напечатаны не всѣ). Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи, составленный *П. Семеновымъ* и др., С.Пб. 1863—1875. тт. I—V. *Д. Рихтеръ*, Географическій словарь Россіи, С.Пб. Дополнительныя свѣдѣнія см. въ слѣдующихъ трудахъ: арх. *Амвросій*, Исторія Россійской іерархіи, ч. I—VI, 1807—1815 г г.; Историческое описаніе находящихся въ Россіи епархій, монастырей и церквей и проч., изданіе 2-е, СПб. 1825 года; Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о... монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи, составленное *А. Ратшинымъ*, М. 1852 г. Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи, съ библіографическимъ указателемъ, составилъ и издалъ *В. В. Звѣринскій*, СПб. 1890, части I—III. Ср. еще *А. Барсуковъ*, Списки городовыхъ воеводъ, СПб. 1902, и *И. Покровскій*, Русскія епархіи въ XVI—XIX в.в., т. I—II, Каз. 1897—1913.

[1]) *К. Неволинъ*, Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ, т. II, сс. 54—55. *А. Лаппо-Данилевскій*, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, М. 1909, с. 719. Объ „областныхъ особенностяхъ“ бѣлозерскихъ мировыхъ см. *С. Шумаковъ*, Обзоръ грам. Коллегіи Экон., вып. II, с. 17.

Кромѣ старѣйшаго дѣленія на земли и княжества удѣльно-вѣчевого періода, отъ котораго частныхъ актовъ сохранилось очень мало, слѣдуетъ имѣть въ виду, по крайней мѣрѣ, еще двѣ изъ такихъ группировокъ, главнѣйшія. Болѣе ранняя группировка сложилась въ XVI—XVII вѣкахъ и состояла въ дѣленіи Московскаго государства на слѣдующія области, границы которыхъ, впрочемъ, подвергались болѣе или менѣе частнымъ измѣненіямъ:

1) Сѣверо-западные (Новгородъ, Ладога, Тихвинъ, Боровичи, Вышній-Волочокъ, Осташковъ, Старая Русса и др.),

2) Поморскіе (Архангельскъ, Холмогоры, Каргополь, Тотьма, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ и другіе, къ которымъ можно причислить также города Вятскіе и Пермскіе),

3) Замосковные (Москва, Бѣлозерскъ, Вологда, Солигаличъ, Кологривъ, Нижній-Новгородъ, Арзамасъ, Муромъ, Серпуховъ, Боровскъ, Верея, Старица, Торжокъ, Бѣжецкъ, Устюжна и др.),

4) Рязанскіе (Рязань, Зарайскъ, Шацкъ, Епифань, Веневъ и др.),

5) Понизовые (Василь, Темниковъ, Алатырь, Казань, Самара, Саратовъ, Астрахань и др.),

6) Города отъ Литовской и Нѣмецкой украины (Смоленскъ, Великіе Луки, Рославль, Псковъ, Гдовъ, Себежъ и др.).

7) Города Заоцкіе, Украинные, Сѣверскіе и Польскіе (Калуга, Медынь, Мещовскъ; Тула, Орелъ, Кашира, Кромы; Сѣвскъ, Сѣверскъ, Брянскъ, Путивль; Курскъ, Чернь, Данковъ, Воронежъ, Новый Осколъ и др.),

8) Города Сибирскіе (Верхотурье, Тобольскъ, Томскъ, Иркутскъ и др.),

9) Города Малорусскіе (Кіевъ, Черниговъ и др.).

Болѣе поздняя группировка, отличавшаяся болѣе искусственнымъ характеромъ, окончательно установилась со времени Учрежденія о губерніяхъ, 7 ноября 1775 года; о ней можно судить хотя бы по тому атласу Россійской Имперіи, который былъ изданъ въ 1792 году и содержитъ, главнымъ образомъ, карты всѣхъ намѣстничествъ, раздѣленныхъ на уѣзды.

Акты, относящіеся къ разнымъ областямъ, даже позднѣйшаго времени, все же представляютъ нѣкоторыя своеобразныя черты, которыя нельзя упускать изъ виду: поморскіе акты, напримѣръ, продолжаютъ отличаться отъ московскихъ, и въ составѣ ихъ встрѣчаются такіе, которые едва-ли попадаются среди другихъ, напримѣръ: отступныя-посильныя, складныя записи и т. п.; внѣ центральной области крестьянскія порядныя продолжаютъ совершаться въ то время, когда въ замосковныхъ городахъ уже явно преобладаютъ ссудныя записи и т. п.

б) Хронологія акта.

Хронологія акта устанавливаетъ время его совершенія, которое слѣдуетъ отличать отъ времени его явки, въ случаѣ таковая производилась [1]). Древнѣйшіе частные акты, напримѣръ, двинскіе пергаминные, большею частью не снабжены точной датой; въ такомъ случаѣ приходится опредѣлять ее болѣе или менѣе приблизительно по косвеннымъ признакамъ, а именно: по филиграни, по почерку, по даннымъ языка, по именамъ князей, должностныхъ лицъ (между прочимъ, игуменовъ, воеводъ и т. п.), по печатямъ, по формуляру, а также по содержанію. Нѣсколько болѣе поздніе акты обыкновенно снабжены датой: въ старѣйшихъ она большею частью проставляется въ концѣ акта, въ XVII вѣкѣ уже замѣтно колебаніе: дата встрѣчается и въ концѣ, и, рѣже, въ началѣ акта; въ XVIII вѣкѣ она уже стоитъ въ началѣ

[1]) *E. de Muralt*, Essai de chronographie Byzantine, 2 vol., St.-P. 1855—1871. *И. Хавскій*, Хронологическія таблицы, въ трехъ книгахъ, С.Пб. 1848. *Его-же*, Сокращенныя хронологическія таблицы, М. 1856 г. и др. *Н. Степановъ*, Календарно-хронологическій справочникъ, въ Чтен. М. Общ. Ист. и Древн. 1917, кн. I, сс. 1—310; тамъ-же указаны и другіе весьма полезные труды автора по хронологіи нашихъ лѣтописей. По исторической хронологіи см. *B. v. Wichmann*, Chronologische Uebersicht der russischen Geschichte, Leipzig 1821, Bd. I, Erster Theil (1672—1727); Zweiter Theil (1727—1762). О счетѣ индиктами см. *O. Seeck*, Die Entstehung des Indictionscyklus, in Deutsch. Ztschr. für Geschichtswissenschaft, XII. *F. Rühl*, Die Constantinischen Indictionen, in Jahrber. für klasssich. Philol. 1888. Счетъ индиктами иногда встрѣчается въ нашихъ грамотахъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ „договорныхъ“ князей; см., напр., С. Г. Г. Д., ч. I, №№ 36 (1402 г.), 43, 44 и др.

его текста [1]). При датировкѣ старѣйшихъ грамотъ придерж
вались, однако, разныхъ лѣтосчисленій, которыя требую
перевода на современное: въ древней Россіи счетъ времен
котораго придерживались при датировкѣ актовъ, въ особе
ности частныхъ, производился, главнымъ образомъ, по в
зантійской или, вѣрнѣе, константинопольской эрѣ отъ сотв
ренія мира юліанскими годами, сперва по мартовскому, поз
нѣе по сентябрьскому стилю.

1) Мартовскій стиль представляетъ изъ себя видоизм
неніе византійской эры и начинаетъ годъ съ 1-го марта; і
такомъ счисленіи 25-ое декабря 1-го года до Рождест
Христова (т. е. того года, въ которомъ было Рождест
Христово) совпадаетъ съ 25 декабря 5508 года мартовска
стиля отъ сотворенія міра. 5509-ый годъ этого стиля тянет
отъ 1-го марта 1-го года по Р. Х. по 28 февраля (или і
високосный годъ по 29 февраля) 2-го года по Р. Х. Так
счетъ водворился на Руси, вѣроятно, по принятіи христіанст
и продолжалъ практиковаться до 1492 года.

2) Сентябрьскій стиль представляетъ изъ себя счетъ вр
мени по византійской эрѣ въ неизмѣнномъ видѣ и начинае
годъ съ 1-го сентября. Въ такомъ счисленіи 25-ое декаб
1-го года до Р. Х. христіанской эры (или эры Діонисі
совпадаетъ съ 25 декабремъ 5509 года отъ сотворенія мі
по византійской эрѣ. 5509-ый годъ этого стиля тянет
отъ 1-го сентября 1-го года до Р. Х. по 31 авгус
1-го года по Р. Х. по христіанской эрѣ (или эр
Діонисія). Система времясчисленія по сентябрьскому стил
стала входить въ употребленіе, по крайней мѣрѣ, в
нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ начала XIV вѣка, но получи
болѣе общее признаніе, вѣроятно, съ 1492 года [2].

---

[1]) А. Ю. № 423 (1608 г.); здѣсь дата въ началѣ духовной.

[2]) *Н. Степановъ*, Op. cit., сс. 1—2. Впрочемъ, редакторъ вышеназванн
руда—Д. Лебедевъ признаетъ невѣроятнымъ, что Діонисій (эра котораго и сч
ается христіанской) полагалъ Рождество Христово 25-го декабря 1-го года
. Х.=5509 κατὰ ῥωμαίους (по константинопольской эрѣ), Благовѣщеніе, слѣдов
ельно, 25-го марта того-же 1-го года до Р. Х., но 5508 κατὰ ῥωμαίους (по конста
инопольской эрѣ)—слишкомъ за 9 мѣсяцевъ до начала своей эры отъ „вопл

кое лѣтосчисленіе вызывало удивленіе иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVII вѣкѣ; „при лѣтосчисленіи, писалъ нѣ изъ нихъ, московиты по сю пору, согласно со счетъ 70-ти толковниковъ, считаютъ года съ древнѣйшихъ менъ, съ начала мірозданія, и начинаютъ годъ съ сентября сяца. Не такъ давно они еще не имѣли ни малѣйшаго нятія объ астрологахъ и математикахъ и провозгласили варія, знаменитаго составителя исторіи Московской, чаромъ, когда онъ, будучи въ Москвѣ, показалъ такъ называемую камеръ-обскуру. Теперь, впрочемъ, и тѣ, и другіе только терпимы, но даже, по приказанію царя, ежегодно тавляютъ на московскомъ нарѣчіи подробные календари предсказаніями и распространяютъ ихъ въ народѣ подствомъ печатанія“ [1]).

Старая система лѣтосчисленія отъ сотворенія міра и по тябрьскому стилю представлялась, однако, произвольной, ктивной и неудобной: она, въ сущности, произвольно полала, что міръ созданъ за 5508 лѣтъ до Р. Х.; она фикно называла годъ, въ теченіе котораго уже родился Іисусъ истосъ, первымъ годомъ до Р. Х.; она оказывалась крайне удобной для дѣловыхъ сношеній съ иностранными держами, между прочимъ, и при совершеніи частныхъ международно-правовыхъ сдѣлокъ, напримѣръ, при выдачѣ и уплатѣ селей и т. п. Въ виду соображеній подобнаго рода Петръ икій рѣшилъ измѣнить способъ лѣтосчисленія: въ силу его за отъ 19-го декабря 1699-го года датировка актовъ стала изводиться съ 1-го января 1700 года по лѣтосчисленію

ія Господа“. Свящ. Д. Лебедевъ указываетъ и на другія вѣскія основанія ать, что Діонисій полагалъ Благовѣщеніе 25-го марта 1-го года своей эры= его 1-го года по Р. Х.=5507 κατὰ φωραίους въ день пасхальной XIV-ой луны кальнаго полнолунія и Рождество Христово—25 декабря 1-го года по Р. Х.= 8 κατὰ φωραίους; см. тамъ-же, с. 299. Кромѣ мартовскаго года Н. Стефановъ знаетъ еще возможность употребленія въ Россіи „ультра-мартовскаго года“, ь котораго имѣетъ нумерацію годовъ, превышающую нумерацію годовъ мартскаго стиля на 1.

[1]) *Я. Рейтенфельсъ*, Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ ъему о Московіи, гл. 17, въ Чтен. Общ. М. Ист. и Древн. 1906 года, кн. 3 III—матеріалы иностранные, с. 159.

отъ Рождества Христова [1]). Впрочемъ, и послѣ такой реформы въ Россіи продолжали считать юліанскими годами, несмотря на то, что грегоріанскій календарь уже былъ введенъ въ всеобщее употребленіе и черезъ Польшу сталъ проникать и въ южную Россію. Хотя Стефанъ Баторій, вслѣдъ за обнародованіемъ папою Григоріемъ XIII новаго календаря (буллой отъ 13-го февраля 158- года), и издалъ указъ, обязывавшій всѣхъ его подданныхъ, не только католиковъ, но и иновѣрцевъ, принять этотъ календарь, но когда православные, поддерживаемые грамотами константинопольскаго патріарха Іереміи, отказались отъ этого, то король сдѣлалъ уступку и двумя новыми грамотами (1584 и 1585 годовъ) предписалъ оставить православныхъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, „пока между римскимъ папою и греческими патріархами не будетъ окончательно рѣшенъ споръ объ употребленіи календаря“ [2]). Тѣмъ не менѣе римляне всѣми силами старались внушить православнымъ, что перемѣна календаря—дѣло маловажное, и что потому нѣтъ препятствій къ принятію новаго календаря. Православные хорошо знали, что такой или иной календарь не есть членъ вѣры, но знали также, что правила соборовъ и святыхъ отецъ, подъ угрозой анаѳемы, предписали не дѣлать перемѣнъ и прибавокъ къ праздникамъ, особенно къ празднику Пасхи. Для нихъ также подозрительною показалась настойчивость, съ которою латиняне старались убѣдить въ маловажности перемѣны календаря: православные нашли въ этомъ поводъ опасаться за цѣлость вѣры. Видя, съ какимъ усиліемъ и искусствомъ папы распространяютъ свою власть, они и въ введеніи новаго календаря склонны были видѣть средство со стороны папы—заявить о своей власти и упрочить ее, поэтому справедливо боялись, чтобы, разъ подчинившись этой власти, потомъ не быть доведенными до принятія всего римскаго ученія. Руко-

[1]) П. С. З., т. III, № 1735.

[2]) Митроп. *Макарій*, Исторія Русской церкви, т IX. сс. 428—433. *В. Завитневичъ*, Палинодія Захарія Копыстенскаго, Варшава 1883, LXXV. Всѣ грамоты патріарха Іереміи въ 1584 году были напечатаны въ Острожской типографіи, а недавно вновь изданы при книгѣ *И. П. Малышевскаго*, Александр. патр. Мелетій Пигасъ, т. II, приложеніе III, сс. 84—100.

водясь этими соображеніями, православные отказывались отъ принятія новаго календаря. Тогда въ разныхъ мѣстахъ начались притѣсненія отъ римлянъ. Въ Вильнѣ не дозволяли православнымъ отправлять богослуженія и праздновать праздники по старому календарю, наносили укоризны и безчестія, позорили и грабили тѣхъ, которые не держались новоисправленнаго календаря. Узнавъ объ этомъ, король Баторій объявилъ (въ 1584 году) во всеобщее свѣдѣніе, что если онъ распорядился о принятіи новаго календаря, то сдѣлалъ это для порядка гражданскихъ дѣлъ, а не въ видахъ религіознаго насилія, и потому приказывалъ не дѣлать несогласнымъ въ вѣрѣ притѣсненій въ богослуженіи. Королевское повелѣніе нисколько не уменьшило ревности латинянъ. Въ той же Вильнѣ насилія православнымъ продолжались: принуждая ихъ праздновать праздники по новому календарю, латиняне призывали ихъ на судъ и заставляли давать судебную присягу въ дни, на которые по старому календарю приходились главнѣйшіе праздники Восточной церкви. Русскій митрополитъ Онисифоръ Дѣвочка, съ православными членами виленской ратуши и нѣкоторыми изъ посольства, принужденъ былъ отправиться (1586 годъ) въ Гродно, съ жалобой къ королю. Удовлетворяя этой жалобѣ, Баторій грамотой, данной на имя чиновниковъ и мѣщанъ города Вильны, подтвердилъ прежнія распоряженія о неучиненіи православнымъ обидъ изъ за календаря [1]). Тѣмъ не менѣе лѣтосчисленіе по грегоріанскому календарю стало постепенно утверждаться и въ предѣлахъ юго-западной Руси: здѣсь стало господствовать лѣтосчисленіе гражданское, т. е. велось съ 1-го января. Оно было въ употребленіи какъ въ судахъ, такъ и въ частной жизни, какъ въ сферѣ свѣтской, такъ и въ духовной. Примѣровъ этому бездна, куда бы мы за доказательствами ни обратились. До настоящаго времени изданы тысячи документовъ, относящихся до разсматриваемаго нами періода; милліоны ихъ въ рукописномъ видѣ хранятся въ архивахъ при археогра-

[1]) *И. Скабалановичъ*, Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета, СПб. 1873 сс. 151—152.

ческихъ комиссіяхъ. Если возьмемъ любую книгу съ подобными документами, обыкновенно переплетенными погодно, то сразу же убѣдимся, что лѣтосчисленіе ведется въ нихъ гражданское: вездѣ годъ начинается съ 1-го января и оканчивается 31-го декабря. То же самое видимъ и въ письменныхъ памятникахъ (грамотахъ, окружныхъ посланіяхъ и т. п.), принадлежащихъ лицамъ духовнымъ. То же самое лѣтосчисленіе видимъ и въ изданныхъ разными типографіями книгахъ какъ свѣтскаго, такъ и религіозно-богослужебнаго характера,— убѣдиться въ чемъ опять не трудно, такъ какъ издатели нерѣдко въ послѣсловіяхъ къ выпускаемымъ ими въ свѣтъ книгамъ сообщали, когда онѣ начаты печатаніемъ, сколько времени печатались, когда, наконецъ, отпечатаны. Сопоставленіе всѣхъ этихъ заявленій опять-таки приводитъ къ неотмѣнному убѣжденію, что издатели держались лѣтосчисленія гражданскаго (въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—имѣемъ въ виду извѣстные мѣсяцы — сопоставленіе года отъ Рождества Христова съ выставляемымъ весьма часто годомъ отъ сотворенія міра и индиктомъ,—тоже можетъ служить доказательствомъ нашего мнѣнія [1]).

Какъ бы то ни было, но при сопоставленіи хронологическихъ датъ актовъ съ разными стилями: юліанскимъ и грегоріанскимъ приходится переводить юліанскій годъ на грегоріанскій, учитывая разницу между ними, возросшую съ 10 до 13 дней. Извѣстно, что папа Григорій XIII постановилъ прибавить къ 1582 году опущенные въ счетѣ по юліанскому исчисленію 10 дней къ 5-ому числу мѣсяца октября, т. е. 15-ое число октября велѣлъ считать 15-мъ. Слѣдовательно, при переводѣ юліанскихъ датъ, относящихся ко времени съ 5-го октября 1582 года и до 1700 года, на грегоріанскія къ юліанскимъ прибавляли 10 дней; въ XVIII вѣкѣ, до 1800 года (исключительно)—11 дней; въ XIX вѣкѣ—12 дней, а въ наше время—13 дней [2]). При совершеніи

[1]) Труды Кіевской Духовной Академіи 1884 г. № 3, с. 443.

[2]) Собраніе трактатовъ и конвенцій, изд. подъ ред. *Ѳ. Мартенса*, т. I, с. 4; VI, сс. 249, 277 и др.

такой операціи не слѣдуетъ упускать изъ виду високосные годы, если прибавка касается послѣднихъ чиселъ февраля. Впрочемъ, такой переводъ юліанскаго стиля на грегоріанскій находитъ себѣ лишь сравнительно ограниченное приложеніе къ частнымъ актамъ, напримѣръ, къ разнымъ формамъ векселей.

§ 2. Дипломатическій анализъ акта.

Дипломатическій анализъ акта устанавливаетъ типическій формуляръ данной группы актовъ и состоитъ изъ слѣдующихъ операцій: а) расчлененія каждаго изъ нихъ на его составныя части—клаузулы; в) опредѣленія болѣе или менѣе общихъ у него съ другими актами той же группы или болѣе или менѣе частныхъ присущихъ ему клаузулъ [1]); с) выясненія типическаго соотношенія въ сосуществованіи или въ преемствѣ клаузулъ данной группы актовъ. Разсмотримъ каждую изъ вышеуказанныхъ операцій въ отдѣльности.

а) Расчлененіе каждаго акта данной группы на его составныя части—клаузулы.

Вообще, облекая данную юридическую сдѣлку въ письменную форму, каждый актъ отражаетъ въ своемъ составѣ ея элементы въ видѣ отдѣльныхъ мыслей, которыя запечатлѣваются въ соотвѣтствующихъ формахъ рѣчи: періодахъ, предложеніяхъ и т. п. Въ болѣе широкомъ смыслѣ каждая такая мысль, выраженная въ актѣ отдѣльно отъ другихъ, называется клаузулой. Впрочемъ, вступительная и заключительная часть акта обыкновенно называются начальнымъ и конечнымъ протоколомъ, въ виду чего терминъ „клаузула“ получаетъ болѣе узкій смыслъ.

Начальный протоколъ въ частныхъ актахъ встрѣчается рѣдко: таковымъ можно признать то „богословіе“, которымъ обыкновенно начинаются духовныя, напримѣръ: „Во имя Отца и Сына и святаго Духа“ (XIV вѣкъ); или „Во имя Отца

[1]) Вар. автора: в) опредѣленіе клаузулъ, болѣе или менѣе общихъ данной группѣ актовъ.

и Сына и святаго Духа, молитвами пречистыя Богомате Владычицѣ нашія Богородицы Приснодѣвы Маріи“ (1472 г. или „Во имя живоначальные Троицы Отца и Сына и св таго Духа“; или „Во имя Отца и Сына и святаго Дух святую Троицу единосущную и нераздѣльну“ (1568—157 гг.); или „Во имя пресвятые и безначальные и единосу ныя и животворящія и нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сы и святаго Духа, аминь“ (1697 г) и т. п. [1]).

Въ конечный протоколъ обыкновенно включаютъ „дат (т. е. указанія на мѣсто и время совершенія акта) и „оц ночныя“ формулы, въ родѣ, напримѣръ, „feliciter“ или „amen и т. п. Въ нашихъ частныхъ актахъ „дата“ ограничи вается обыкновенно указаніемъ на время совершенія акта и въ сущности, можетъ быть отнесена къ ихъ удостовѣрител ной части. „Оцѣночныя“ формулы также встрѣчаются ли изрѣдка, да и то не всегда на мѣстѣ; въ духовномъ зав щаніи Пантелеймона Соловцова отъ 1-го февраля 1627 г., на примѣръ, мы читаемъ: „И повели [Господи] Владыко да от пустятца въ миръ душа рабъ твоихъ, раба твоего Пантеле мона, и сына моего Ондрѣя, и жену мою Стефаниду, и снох мою Марью и внуку мою Ульяну и да почіютъ души ихъ в вѣчныхъ жилищахъ твоихъ со святыми твоими и со едином надымъ (sic) Сыномъ твоимъ, съ нимъ-же благословенъ ес съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ ти Духомъ нын и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“ [2]).

Такимъ образомъ, въ болѣе узкомъ смыслѣ клаузулам можно называть лишь тѣ части акта, которыя входятъ въ ег оставъ помимо начальнаго и конечнаго его протокола. Впро емъ, понятіе о клаузулѣ получаетъ еще дальнѣйшее ограни еніе, если различать собственно юридическія клаузулы, нуж ныя для того, чтобы актъ имѣлъ то именно юридическо наченіе, какое его совершители хотѣли приписать ему, от ытовыхъ клаузулъ, содержавшихъ указанія на реальныя усло

[1]) А. Ю. №№ 409, 410, 421, 426. А. Ю. Б., т. I, № 84. II. Ср. *A. Giry* anuel, p. 577.

[2]) А. Ю. Б., т. I, № 86, I.

вія совершенія сдѣлки. Въ духовной Панкрата Ченѣя, явленной въ 1482 году, напримѣръ, мы читаемъ: „Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Се азъ рабъ Божій Панъкратъ Ченѣй пишю сію грамоту душевную въ концѣ живота. А билъ мя Михайла Скобелцинъ болшой съ своими людми съ Куземькою да съ Ивашкомъ съ Щокотомъ, да брата его человѣкъ Михаловъ Меншево Дмитрокъ Зуй; а билъ мя у своего села, а пойти ми съ ихъ рукъ. А долгу ми дать...“ и т. д. [1]). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такими частями, которыя, очевидно, имѣютъ разное значеніе: юридическое („пишю сію грамоту душевную въ концѣ живота“, „А долгу ми взяти...“) и бытовое („А билъ мя Михаила Скобелцинъ...“); части съ юридическимъ значеніемъ въ большей мѣрѣ заслуживаютъ названія клаузулъ, чѣмъ части съ бытовымъ содержаніемъ, имѣющія, притомъ, вставочный характеръ.

Въ составѣ каждаго частнаго акта можно различать нѣсколько юридическихъ клаузулъ, отдѣльно обозначавшихъ, напримѣръ: 1) имена, фамиліи и большею частію званія лицъ, совершавшихъ сдѣлку, 2) родъ самой сдѣлки и ея предметъ, положимъ, извѣстную вещь или имущество, часто съ болѣе или менѣе общимъ указаніемъ его границы („что изстари къ той землѣ потягло“, „куда рука моя ходила“, „куда топоръ и плугъ и коса ходили“, „по старымъ межамъ“ и т. п.) или подробнымъ описаніемъ межевыхъ признаковъ, 3) условія о цѣнѣ, уплатѣ и т. п., 4) подписи лицъ, заключавшихъ сдѣлку или, по крайней мѣрѣ, давшихъ актъ, 5) имена послуховъ, присутствовавшихъ при совершеніи сдѣлки или удостовѣрившихъ актъ своими рукоприкладствами, 6) имя лица, писавшаго актъ и 7) время написанія акта [2]). Само собою разумѣется, что въ зависимости отъ даннаго рода акта вышеприведенная схема подлежала нѣкоторымъ измѣненіямъ въ своемъ наличномъ составѣ и дополнялась соотвѣтствующими новыми клаузулами: вкладныя, укрѣплявшія отдачу имущества

[1]) А. Ю. № 412.

[2]) *С. Пахманъ*, О судебныхъ доказательствахъ и проч., сс. 202 — 203. Послѣднія клаузулы (4—7) образовывали „удостовѣрительную“ часть акта.

по душѣ самого жертвователя или его родныхъ, обыкновен
но содержали, напримѣръ, условіе о поминаніи его души,
также часто присоединяли къ нему еще условіе о записи ег
имени въ „сенаникъ"; купчія и заемныя-закладныя обыкно
венно включаютъ клаузулы о родовомъ выкупѣ, объ очистк
и т. п.

Входящія въ составъ акта бытовыя клаузулы едва ли поддают
ся болѣе точной квалификаціи: онѣ зависѣли отъ болѣе или менѣ
случайныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершался акт

При расчлененіи текста акта на образующія его клаузу
лы слѣдуетъ, по возможности, сообразовываться съ тѣм
моментами, которые сами составители акта стремились раз
личить въ его составѣ, не подвергая его искусственном
дробленію или болѣе тонкому разграниченію позднѣйше
юридической мысли: древніе акты нерѣдко выражаютъ в
одной клаузулѣ нѣсколько условій юридической сдѣлки, каж
дое изъ которыхъ могло бы быть формулировано въ вид
отдѣльной клаузулы; въ духовной „раба Божьяго Сидора"
XV вѣка, мы читаемъ, напримѣръ: „приказываю животъ сво
и очьцину свою, горную землю Июрмольскую и прикупл
свою, горную землю Июрмольскую и съ грамотами—а т
моя купля чиста—женѣ своей Настасьи, сыновемъ своим
Остафью и Юрью..." [1]). Такой синкретизмъ самъ по себ
характеризуетъ, однако, старинное правосознаніе и сравни
тельно малую степень его развитія, а потому и не может
быть оставленъ безъ вниманія: въ случаяхъ подобнаго род
лучше сохранять сложную, часто слишкомъ мало раскрыту
клаузулу въ цѣлости, различая въ ней составные элементы
каждый изъ нихъ представляетъ болѣе или менѣе устойчиво
выраженіе извѣстной мысли, причемъ можетъ совпадать
съ юридическими элементами сдѣлки. Въ поручныхъ, напри
мѣръ, условія, при которыхъ наступаетъ порука, — част
второй клаузулы—объ отвѣтственности. Въ другихъ случаях
напротивъ, клаузулы не всегда ясно сознавались въ их

[1]) А. Ю. № 409, IV.

бщемъ юридическомъ значеніи, а представлялись лишь въ идѣ болѣе частныхъ его приложеніяхъ: въ поручныхъ, напри-ѣръ, клаузула, устанавливавшая самое поручительство, могла ониматься не въ смыслѣ поручительства вообще, а въ смыслѣ безпеченія ряда болѣе частныхъ обязательствъ: 1) жить тамъ); 2) дѣлать то-то; 3) а живучи—въ зернь не играть и т. п.

Простѣйшій пріемъ расчлененія акта на клаузулы состоитъ въ грамматическомъ анализѣ его текста; такой анализъ долженъ, однако, сообразовываться съ строемъ старинной рѣчи, съ ея грамматикой и синтаксисомъ; нѣкоторыя зъ такихъ особенностей (напримѣръ, употребленіе союза а“ въ началѣ новой фразы) уже были указаны выше.

Впрочемъ, установленіе клаузулъ даннаго акта становитя болѣе точнымъ по сравненіи его съ другими актами той-е группы и по выясненіи ихъ соотношенія въ его формуярѣ: лишь по производствѣ такихъ операцій можно разлинать въ немъ клаузулы, общія у него съ другими актами той-же руппы, и болѣе или менѣе частныя, присущія ему въ отличіе тъ другихъ актовъ той-же группы, а также яснѣе представлять ебѣ смыслъ каждой изъ нихъ въ цѣлой ихъ совокупности.

) Опредѣленіе типическихъ клаузулъ данной группы актовъ.

Разложеніе даннаго акта на клаузулы даетъ представленіе о его наличномъ составѣ, но не можетъ дать понятіе о томъ, какія изъ нихъ типичны, т. е. болѣе или менѣе общи нѣсколькимъ группамъ или данной группѣ актовъ, какія, напротивъ, оказываются болѣе или менѣе частными, присущими, быть можетъ, лишь нѣкоторымъ или даже одному изъ актовъ данной группы, тому самому, который подвергся разложенію; для того, чтобы судить объ общемъ или частномъ значеніи данной клаузулы, нужно, очевидно, сопоставить ее съ аналогичными клаузулами другихъ актовъ той же группы Въ одной рязанской служилой кабалѣ Аксиньи Дьяконовой 1510 года, мы читаемъ: „Доложъ великіе княгини Огрофенъ

боярина Ѳедора Ивановича Сунбула, се язъ Оксинья Михайлова жена Дьяконова заняла есми, господине, у Ивана у Олтуѳьева сына Кончеіва три рубли денегъ отъ Рождества Ивана Предотечи на годъ и тѣ есми денги дала мужу своему Михайлу Дьякону Борисову сыну. А за ростъ мнѣ у Ивана иду вана (sic) работать. А не похочю у него работать до сроку, и мнѣ ему денги его дать всѣ и съ ростомъ по росчету, какъ даютъ на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ у него за ростъ работать по тому жъ. А не отниматися мнѣ у него отъ сея кабалы ни полѣтною ни изустною. А на докладѣ были Пакратъ Михайловъ сынъ Катовъ да Семенъ Тимофеевъ сынъ Денижниковъ лѣта 7018. А подписалъ великіе княгини дьякъ Ѳедоръ Матвѣевъ. У подлинной печать на черномъ воску“ [1]).

Лишь сравнивъ приведенную служилую кабалу съ другими актами, можно судить о степени общности или частности ея клаузулъ: такъ, напримѣръ, послѣдняя ея клаузула: „А не отниматися мнѣ у него отъ сея кабалы ни полѣтною ни изустною“—встрѣчается также въ заемныхъ кабалахъ и, значитъ, оказывается общей двумъ группамъ актовъ: заемнымъ и служилымъ кабаламъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, та же клаузула содержится далеко не во всѣхъ служилыхъ кабалахъ: она имѣется, напримѣръ, въ рязанскихъ, новгородскихъ и псковскихъ, но отсутствуетъ въ московскихъ. Сравненіе нашего акта съ другими, значитъ, показываетъ, что клаузула „а не отниматися мнѣ...“ можетъ быть признана, въ извѣстномъ смыслѣ, и относительно болѣе общей и относительно болѣе частной, чѣмъ обычныя клаузулы наиболѣе распространеннаго типа служилыхъ кабалъ, по крайней мѣрѣ, въ XVI — XVII вѣкахъ [2]). Аналогичный пріемъ, разумѣется, приходится соблюдать и при установленіи большей или меньшей частности или единичности данной клаузулы. Возьмемъ хотя бы, напримѣръ, служилую кабалу Китки Борова, пи-

---

[1]) Акты Юшкова, № 78; ср. № 35 (заемная), №№ 93, 98, 102, 106—108.
[2]) Акты Юшкова, №№ 35, 78 и др.

анную въ Новгородѣ 19-го декабря 1597 года; здѣсь мы итаемъ: „Се азъ Китко Ильинъ сынъ прозвище Боровъ, [съ] воею з женой съ Аннницею съ Никитиной дочерью да съ юими дѣтьми, з Захаркомъ, да съ Федоткомъ, да съ Саво, заняли есми у государя своего у Василья Тиханова на Аврамова денегъ три рубли московскихъ. А за ростъ мъ у государя своего у Василья служити по вся дни во юрѣ. А полягутъ деньги по сроцѣ, и намъ у государя воего, у Василья, за ростъ служити по тому-жъ по вся дни дворѣ“ и т. д. [1]). Въ первой клаузулѣ приведенной кабалы срокъ займа вовсе не указанъ; но по одной этой служилой кабалѣ мы не можемъ судить, представляется-ли такая клаузула типичной; лишь привлекши къ сравненію остальныя служилыя кабалы хотя-бы той-же записной книги, мы легко мѣтимъ, что чуть ли не всѣ онѣ формулируютъ вышеуказанную клаузулу съ точнымъ обозначеніемъ, обыкновенного, срока займа, и заключаемъ отсюда, что первая клаузула служилой кабалы Китки Борова вовсе не представляется типичной; напротивъ, она содержитъ индивидуальную особенность, быть можетъ, вызванную небрежностью писца.

Сравненіе случаевъ согласія и различія требуетъ, однако, установленія той группы, въ предѣлахъ которой оно происходитъ, между тѣмъ предѣлы однородной группы частныхъ актовъ, въ особенности древнихъ, текучи; далеко не всѣ акты обладаютъ достаточно ясными признаками, по которымъ ихъ можно было бы отнести къ той, а не иной группѣ. Многіе акты называются, напримѣръ, „записями“ или „долговыми“, но подъ такими терминами скрываются весьма разнообразныя юридическія сдѣлки. Вообще, болѣе или менѣе однородная по своему составу группа актовъ образуется прежде всего на основаніи болѣе или менѣе специфическихъ показаній самихъ актовъ, подлежащихъ нѣкоторому контролю, производимому при помощи юридическаго анализа. Специ-

[1]) Р. И. Б., т. XV, кабальная книга 7106 года, с. 47.

фическое показаніе самихъ актовъ состоитъ a) или в томъ, что данный актъ самъ себя причисляетъ къ опредѣленному виду, т.-е. писецъ, писавшій его, или его совершители или его послухи называютъ его, положимъ, служилой кабалой или же заемной кабалой и т. п., причем наименованіе, данное ей писцомъ, въ особенности площадным подъячимъ, имѣетъ, конечно, преимущество передъ наименованіемъ, которое даютъ ей послухи, иногда впадающі въ разнорѣчіе съ другими показаніями или другъ съ другомъ b) или въ томъ, что данный актъ причисляется къ опредѣленному виду современными знатоками дѣла: дьяками, судьями и т. п.; съ такой точки зрѣнія, напримѣръ, записныя книги крѣпостныхъ актовъ, явленныхъ приказнымъ или городовым дьякамъ, въ которыхъ они заносились подъ соотвѣтствующими названіями, представляютъ достаточно прочное основаніе дл ихъ квалификаціи; правыя грамоты также содержатъ подобнаго рода свѣдѣнія и т. д.; c) или въ томъ, что данный акт квалифицируется путемъ соотвѣтствующаго обозначенія, напримѣръ, надписи на оборотѣ, какимъ-либо старинным архивистомъ, „крѣпостнымъ старцемъ“ и т. п., при регистраціи его въ томъ архивѣ, въ которомъ онъ издавна хранится на „затыли“ [1]) или оборотѣ частныхъ актовъ, хранившихся в монастыряхъ, попадаются, напримѣръ, помѣты XVI—XVII вѣковъ въ родѣ слѣдующихъ: „данная“, „духовная“, „купчая“ и т. п. Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что такія показанія далеко не всегда представляются вполнѣ надежными: a) сами акты иногда колеблются въ своей терминологіи: одна изъ поступныхъ (купчихъ) 1671 года, напримѣръ, называетъ себя то поступной, то отступной, что далеко не одно и то же [2]); b) въ извѣстной „правой грамотѣ“ 1565—1566 годовъ, выданной по дѣлу С. В. Стромилова съ И. М. Чертовымъ, „кабала“ послѣдняго 1561 года о взятіи имъ на срокъ С. В. Стромилова съ сыномъ жалованныхъ грамотъ для

[1]) А. Ю. Б., т. II, № 147, XXIV.

[2]) *I. Сибирцевъ*, Историч. свѣдѣнія изъ церк.-религіознаго быта г. Архангельска, Арханг. 1894, сс. 33—35.

лобитья по своему дѣлу названа „зарядной записью“, надо мать. лишь на томъ основаніи, что судъ придавалъ ей значеніе записи о неустойкѣ, хотя сама грамота называетъ себя кабалою“, причемъ укрѣпляетъ самую сдѣлку, обезпечиваемую неустойками—зарядомъ; с) позднѣйшіе списки, поѣты и т. п. также далеко не всегда отличаются точностью воей терминологіи: рядная между Евановой женой съ сыомъ и деверемъ Обеканомъ Куровымъ сыномъ, XV вѣка, азывается въ одномъ изъ ея списковъ XVII вѣка „мирой грамотой“, въ другомъ, тоже XVII вѣка, ошибочно, „купей“ и т. п. [1]). Показанія самихъ грамотъ о принадлежности хъ къ данному виду, значитъ, подлежатъ провѣркѣ: они частн контролируются болѣе точнымъ пониманіемъ юридической природы самой сдѣлки, которая укрѣпляется даннымъ актомъ: она даетъ возможность установить болѣе правильную руппировку (см. ниже).

Такимъ образомъ, при изученіи данной группы актовъ лѣдуетъ выяснить, всѣ ли они въ подлинныхъ грамотахъ азываются одинаково и если нѣтъ, то какое названіе (по овокупности условій того времени) оказывается всего болѣе одходящимъ. Тогда и нужно начинать изученіе съ такой менно подгруппы, вслѣдъ затѣмъ постепенно обращаясь къ одгруппамъ съ менѣе опредѣленными наименованіями. По кончаніи такой работы можно, исходя изъ добытыхъ результатовъ, заключать о принадлежности къ данной группѣ и акихъ актовъ, названіе которыхъ или слишкомъ общее или ошибочное.

Лишь по образованіи группы однородныхъ актовъ можно приступить къ подсчету случаевъ согласія и различія, который, въ виду большею частью довольно ограниченнаго ихъ количества, можно только условно называть статистическимъ. Клаузулы, явно преобладающія въ составѣ данной группы, и получаютъ значеніе типическихъ, т. е. среднихъ, въ отношеніи къ которымъ можно разсматривать и наблюдаемыя отъ нихъ уклоненія.

[1]) А. Ю. № 257, VI. А. Ю. Б., т. II, № 151, III.

Типичность можетъ обнаруживаться не только въ посто-
янной, но и въ развивающейся формѣ данной клаузулы.
Основныя клаузулы служилыхъ кабалъ московскаго типа, содер-
жавшія условія о займѣ денегъ и службѣ за ростъ, напри-
мѣръ, смѣняются съ 1680-го года чисто формальнымъ усло-
віемъ о добровольномъ челобитьи въ холопство. Въ другихъ
случаяхъ можно наблюдать постепенный ростъ клаузулы,
происходящій или путемъ механическихъ прибавокъ къ
основному тексту, или путемъ внутренней переработки его со-
держанія, отражающагося въ соотвѣтственномъ измѣненіи
ея формы. Въ томъ случаѣ, если удастся подмѣтить относи-
тельное преобладаніе данной клаузулы въ предѣлахъ извѣстной
мѣстности или извѣстнаго времени, можно признать ее мѣст-
нымъ или временнымъ типомъ: въ служилыхъ кабалахъ
XVI—XVII вѣковъ, напримѣръ, легко различить нѣсколько
мѣстныхъ типовъ—рязанскій, новгородскій и псковскій
московскій съ нѣсколькими разновидностями и т. п., а также
нѣсколько временныхъ типовъ, въ особенности: древнѣйшій
еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ носящій на себѣ слѣды
родства служилой кабалы съ заемной кабалой; старшій (до
1680 года), съ обычными клаузулами о займѣ денегъ и о
службѣ за ростъ, и позднѣйшій (съ 1680 года)—съ клаузу-
лой о добровольномъ челобитьѣ въ холопство и т. п.

Выявленіе типическихъ клаузулъ технически производится
при помощи графически-статистическихъ таблицъ, которыя
будутъ разсмотрѣны ниже въ связи съ подобнымъ-же обна-
руженіемъ типическаго формуляра данной группы актовъ.
Впрочемъ, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе такого стати-
стическаго подсчета: а) число частныхъ актовъ, а значитъ и
отдѣльныхъ клаузулъ, подвергаемыхъ подсчету, въ сущности
весьма ограничено: въ лучшемъ случаѣ, какъ, напримѣръ,
относительно купчихъ, мы располагаемъ всего лишь нѣсколь-
кими стами экземпляровъ, что, разумѣется, недостаточно для
прочнаго обоснованія статистическаго вывода о „среднемъ“;
такіе подсчеты даютъ лишь болѣе наглядную иллюстрацію
болѣе или менѣе значительной типичности данной клаузулы

b) сравнительно рѣдкое появленіе данной клаузулы въ составѣ текста акта еще не даетъ полнаго основанія признать ее исключительной; клаузула, однажды встрѣчающаяся, положимъ, въ одномъ актѣ данной группы, можетъ попасть въ типическій клаузульный составъ, если она отражаетъ обычай, который, однако, самъ собою подразумѣваемый, обыкновенно не упоминается въ писанныхъ актахъ, или, наоборотъ, можетъ не попасть въ типическій клаузульный составъ, если она исключительнаго или случайнаго содержанія; напримѣръ, въ извѣстныхъ намъ межевыхъ (чистыхъ), клаузула о непреступаніи межи рѣдко встрѣчается, но она все же можетъ быть признана типичной; наоборотъ, клаузула о неотдачѣ земли въ коргому, въ виду исключительнаго характера условія, едва ли попадетъ въ типическій клаузульный составъ межевой. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что статистическій подсчетъ еще не даетъ объясненія ни повторяемости, ни исключительности данной клаузальной формы: она еще подлежитъ этіологическому изслѣдованію, выясняющему причины и послѣдствія такихъ явленій; неустойка, напримѣръ, юридически не вытекаетъ изъ сдѣлки, но если она имѣется въ актѣ и можно объяснить ее тѣмъ, что въ данной мѣстности и въ данное время приходилось обезпечивать сдѣлку неустойкой, такая клаузула становится типической.

c) Выясненіе типическаго формуляра данной группы актовъ.

Слѣдуетъ отличать характеризованное выше установленіе типическихъ клаузулъ отъ построенія типическаго формуляра: въ извѣстныхъ случаяхъ можно установить нѣкоторыя типическія клаузулы данной разновидности, и все же приходится отказываться отъ построенія типическаго ея формуляра, еще не сложившагося; вѣдь формуляръ предполагаетъ уже типическое соотношеніе клаузулъ, напримѣръ, типическій порядокъ ихъ расположенія въ составѣ данной группы актовъ, что не всегда бываетъ. Типическій формуляръ устанавливается относительно данной группы актовъ, а не каждаго изъ нихъ

въ отдѣльности: онъ какъ бы вкрапленъ во всю ихъ совокупность; онъ не претендуетъ обнять всѣ клаузулы, дѣйствительно встрѣчающіяся въ актахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ оказаться слишкомъ широкимъ для другихъ актовъ того же вида; въ него входятъ не всѣ клаузулы каждаго акта, и могутъ оказаться такія, которыя въ данномъ актѣ не встрѣчаются; слѣдовательно, представляя изъ себя какъ бы средній выводъ изъ извѣстнаго числа наблюденій надъ формулярами отдѣльныхъ актовъ, онъ можетъ быть представленъ однимъ изъ нихъ, но можетъ и не совпасть ни съ однимъ изъ нихъ въ его цѣлокупности: въ предѣлахъ даннаго вида порядокъ расположенія отдѣльныхъ клаузулъ можетъ колебаться и, значитъ, невсегда соотвѣтствовать тому порядку, который принятъ въ типическомъ формулярѣ; въ купчихъ, напримѣръ, клаузула о цѣнѣ занимаетъ разныя положенія въ текстѣ акта, что можетъ породить вышеуказанное несоотвѣтствіе общаго формуляра съ единичными случаями. Положимъ, что намъ дано нѣсколько актовъ Q_1 Q_2 Q_3... и что каждый изъ нихъ соотвѣтственно разлагается на клаузулы a_1 b_1 c_1...; a_2 b_2 c_2...; a_3 b_3 c_3..., такъ что

$$Q_1 = a_1 + b_1 + c_1 + d_1 + e_1 + f_1$$
$$Q_2 = a_2 + b_2 + c_2 + r_2 + s_2 + e_2$$
$$Q_3 = a_3 + b_3 + d_3 + u_3 + v_3 + e_3 \text{ и т. д.}$$

При сравненіи клаузульнаго состава Q_1, Q_2, Q_3 и т. д. можно различить три группы клаузулъ.

1) Легко замѣтить, что нѣкоторые изъ вертикальныхъ рядовъ вышеприведенной таблицы обнаруживаютъ значительную устойчивость, а именно:

a_1 b_1... e_1
a_2 b_2... e_2
a_3 b_3... e_3

причемъ a_1, a_2, a_3... можетъ быть представлено типомъ a_n; b_1, b_2, b_3...—типомъ b_n; e_1, e_2, e_3...—типомъ e_n и т. п.

2) Нѣсколько пристальнѣе всматриваясь въ ту же таблицу,

ожно сверхъ того отмѣтить меньшую устойчивость въ вер-икальныхъ рядахъ:

$$c_1 \quad d_1$$
$$c_2 \quad r_2$$
$$d_3 \quad u_3$$

ъ тѣмъ, однако, отличіемъ: 1) что каждый изъ типовъ c и d— представленъ въ двухъ, а не трехъ случаяхъ, 2) что размѣ-еніе ихъ въ соотвѣтствующихъ горизонтальныхъ рядахъ 1 и 2; 1 и 3)—разное. Положимъ, что детальное обслѣдо-аніе такихъ случаевъ относительно меньшей устойчивости ке-же признаетъ возможнымъ включить клаузулы типа c_n и d_n ъ общій формуляръ акта.

3) Наконецъ, въ клаузулахъ, обозначенныхъ знаками , r, s, u, v, нельзя усмотрѣть какого либо типическаго арактера; положимъ, что и болѣе детальное обслѣдованіе одтвердитъ такой выводъ.

Принимая во вниманіе такія соображенія, можно построить ипическій формуляръ, обозначивъ его черезъ Q_n, изъ болѣе ли менѣе типическихъ клаузулъ a_n, b_n, c_n, d_n, e_n. Въ виду ого, однако, что размѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ колеблется, ожно представить себѣ типическій формуляръ Q_n въ видѣ истемы типическихъ клаузулъ a_n, b_n, c_n, d_n, e_n, что и даетъ го схематическое выраженіе въ видѣ:

$$Q_n = \Sigma^n (a_n,\ b_n,\ c_n,\ d_n,\ e_n).$$

Соотвѣтственно раскрывая Σ и подставляя подъ n реальныя го значенія 1, 2, 3... можно обратно получить Q_1, Q_2, Q_3...

Общая конструкція, изложенная выше, лежитъ въ основѣ рафически-статистическаго метода выявленія типическаго ормуляра данной группы частныхъ актовъ и построенія его аблицы.

Вышеизложенный анализъ производится, конечно, при омощи извѣстныхъ методовъ согласія и различія, сопут-твующихъ измѣненій и остатковъ; они болѣе или менѣе омбинируются и въ тѣхъ пріемахъ статистическаго подсчета, оторый даетъ возможность установить степень частоты или

ѣдкости соотвѣтствующихъ клаузулъ, а значитъ и тот
оставъ типическаго формуляра, который образуется изъ ти
ическихъ клаузулъ. Типическій формуляръ акта характери
уется, однако, типическимъ порядкомъ расположенія типи
ескихъ клаузулъ, который нельзя вывести изъ каждой из
ихъ, взятой въ отдѣльности: онъ, разумѣется, обусловлен
режде всего характеромъ той юридической сдѣлки, котора
блекается въ форму письменнаго акта, что уже предпола
аетъ юридическій анализъ его содержанія; въ виду того
апримѣръ, что въ основѣ служилой кабалы лежитъ договор
айма капитала съ службою за ростъ, она должна послѣдо
ательно включить клаузулы о контрагентахъ, вступающих
ъ отношенія должника къ кредитору, величинѣ занятаг
апитала и срокѣ займа; о погашеніи процентовъ съ заня
аго капитала; о томъ, что произойдетъ въ случаѣ просрочк
олга и т. п.; такая послѣдовательность дѣйствительно отра
ается въ соотвѣтствующемъ типическомъ порядкѣ распо
ѣенія типическихъ клаузулъ служилой кабалы. Договор
упли-продажи, кромѣ обычныхъ условій касательно контра
ентовъ сдѣлки и ея объекта, цѣны и т. п., содержалъ ещ
стественно связанныя съ древнимъ бытомъ клаузулы об
очищеніи“ отчуждаемаго имущества отъ какихъ бы то н
ыло притязаній стороннихъ лицъ и о родовомъ выкупѣ, чт
наблюдается въ дѣйствительности. Извѣстная связь межд
ѣкоторыми изъ клаузулъ даннаго типа актовъ также объ
сняетъ расположеніе соотвѣтствующихъ его частей: въ том
лучаѣ, напримѣръ, если договоръ обезпечивался неустойкой
огла явиться мысль о томъ, сохраняетъ ли онъ силу п
платѣ таковой, что и подтверждалось особой формулой: „А с
апись и впредь запись“ и т. п. Такіе выводы требуютъ
днако, внимательной провѣрки, а иногда и существенна
ополненія путемъ наблюденія: господствующій въ предѣлах
анной группы актовъ порядокъ расположенія клаузулъ,
станавливаемый благодаря статистическому подсчету набл
енныхъ случаевъ, очевидно, и долженъ быть признанъ типи
ескимъ. Впрочемъ, тѣ оговорки, какія были сдѣланы отно

ительно подсчета отдѣльныхъ клаузулъ, въ еще большей степени относятся къ подсчету ихъ распорядковъ: послѣдніе могутъ оказаться гораздо менѣе устойчивыми, чѣмъ образующія ихъ клаузулы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ рѣдко встрѣчающимся видомъ актовъ; таковы, напримѣръ, акты, которые обыкновенно называются общимъ терминомъ „записи“, но не подходятъ подъ болѣе или менѣе сложившіеся типы, напримѣръ, запись жениха Марка Клементьева невѣстѣ Омельфѣ Языковой о передачѣ ему, жениху, въ собственность будущей жены его имущества въ случаѣ его смерти послѣ брака, 1565—1566 г.; или запись Іоакима Калашникова Алексѣю Углецкому о полученіи приданаго и возвращеніи его, въ случаѣ бездѣтной смерти жены, въ ея родъ, 1665 года; или запись Настасьи Лысковой-Черговой митрополиту Даніилу о полученіи денегъ за растраченное приданое изъ вотчины мужа, взятой митрополитомъ за долги, 1525—1526 г.; или запись крестьянина Ивана Карпова, данная имъ протопопу Суздальскаго собора Петру съ братьею, о воспитаніи имъ, Иваномъ Карповымъ, пасынка Василія и отдачѣ его въ крестьянство по вотчинѣ его матери, 1678 г.; или запись Никиты Нелидова Григорію Заворткову о соблюденіи условія кортомной, данной прежнимъ владѣльцемъ на промѣненную землю, 1700 г.; или запись Кондратія Расторгуева архимандриту Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря Никанору съ братьею объ уплатѣ монастырю оброчныхъ денегъ долговыми расписками самого монастыря, 1691 г.; или запись вологжанина Петра Григорьева купцу греку Петру Никулаеву, удостовѣряющая выкупъ его Петра Григорьева, изъ плѣна, съ обязательствомъ уплатити Петру Никулаеву выкупную сумму въ 600 левовъ и т. п. [1])

Выявленіе типическаго формуляра данной группы актовъ значительно облегчается благодаря графически-статистическому

---

[1]) А. Ю. №№ 394, 397, 398. Врем. М. Общ. Ист. и Древн. т. XV, Чердынскіе памятники, с. 139. А. Ю. Б., т. I, № 119, II. Ярославскія Губ. Вѣд. 1857 г. № 37. Чтен. М. Общ. Ист. и Древн. 1875 г., кн. III. с. 742, № XXI. Изв. И. Археолог. Общ., т. IV, с. 372, № 1.

етоду расположенія ихъ клаузулъ въ таблицы, которыя наглядно обнаруживаютъ соотношеніе клаузулъ даннаго вида. Вообще, графически-статистическій методъ анализа даннаго типа актовъ есть способъ нагляднаго изображенія болѣе или менѣе устойчиваго распредѣленія или движенія его элементовъ въ предѣлахъ всей группы. При построеніи соотвѣтствующей таблицы она разграфляется въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи, соотвѣтственно числу клаузулъ данной группы актовъ и числу самихъ актовъ; каждый актъ въ проанализированномъ составѣ его клаузулъ располагается въ порядкѣ мѣста или времени на таблицѣ, въ одной и той же графѣ, составляющей горизонтальный рядъ, причемъ каждая его клаузула, по возможности, помѣщается вмѣстѣ съ такими же клаузулами другихъ актовъ той же группы въ одной и той же графѣ, составляющей вертикальный рядъ; каждый изъ такихъ рядовъ—горизонтальныхъ и вертикальныхъ—можетъ оказаться болѣе или менѣе непрерывнымъ или прерывчатымъ, что явно обнаружитъ большую или меньшую устойчивость изучаемаго типа формуляра. Такимъ образомъ, графически-статистическій методъ анализа типа даннаго рода актовъ сводится къ построенію двухъ таблицъ, иллюстрирующихъ измѣненія, происходящія въ формулярѣ актовъ въ зависимости отъ мѣста или отъ времени ихъ составленія; изложеніе техническихъ пріемовъ ихъ построенія потребовало бы слишкомъ много времени для того, чтобы останавливаться на немъ здѣсь; можно замѣтить только, что новѣйшія изслѣдованія о служилыхъ кабалахъ, отступныхъ и поступныхъ, рядныхъ и сговорныхъ и т. п. основаны на приложеніи вышеозначенныхъ принциповъ и пріемовъ къ изученію данныхъ группъ актовъ [1]).

Въ образованіи типическаго формуляра данной группы

---

[1]) *А. Лаппо-Данилевскій*, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборникѣ статей въ честь В. О. Ключевскаго, сс. 719—764. Историческое Обозрѣніе, т. XXI, статьи *А. Андреева*, Отступныя грамоты (сс. 131—181), *А. Шилова*, Поступныя записи (сс. 262—311), *Г. Котлярова*, Рядныя—сговорныя записи XVI—XVII вв. (сс. 182—223) и др.

ктовъ могутъ дѣйствовать двоякаго рода факторы: обычно равовые и законодательные; общій формуляръ нѣкоторыхъ идовъ актовъ вырабатывался въ средѣ площадныхъ подьячихъ или дѣльцовъ даннаго времени на почвѣ обычнаго рава и большею частью лишь въ позднѣйшее время отчасти одвергался законодательной регламентаціи [1]). Такіе выводы ыли сдѣланы, напримѣръ, относительно служилыхъ кабалъ: ожно придти къ заключенію, что площадные подьячіе до ого времени или не имѣли общаго образца, по которому аждый изъ нихъ долженъ былъ писать служилыя кабалы, ли, во всякомъ случаѣ, не пользовались имъ одинаково, акъ какъ не соблюдали одной и той же формы при составленіи акта. Судя по тому, что при внесеніи разнородныхъ ормъ въ записныя книги крѣпостныхъ актовъ, дьяки не ѣлали затрудненій и не требовали соблюденія одной и той же формы, можно предполагать, что обязательнаго для всѣхъ бразца служилыхъ кабалъ не существовало. Вмѣстѣ съ ѣмъ, однако, въ колебаніяхъ формы служилыхъ кабалъ XVI—XVII вв. можно замѣтить и нѣкоторое единообразіе, если принять во вниманіе, что одинъ и тотъ же подьячій быкновенно придерживался въ писанныхъ имъ кабалахъ одной и той же формы. Дѣйствительно, наблюдая колебанія въ текстѣ вышеприведенныхъ формулъ о службѣ во дворѣ, ожно усмотрѣть, что они въ довольно значительной степени ависятъ отъ личности подьячаго. Въ Новгородскихъ кабальныхъ книгахъ 1597 года, напримѣръ, записано до 9 служилыхъ кабалъ, а въ книгахъ 1599—1600 г. до 14 служилыхъ кабалъ, составленныхъ подьячимъ „Ондрюшкою“ Ѳедоровымъ: всѣ онѣ содержатъ одну и ту же формулу о службѣ за ростъ. Служилыя кабалы другого подьячаго

[1]) На западѣ оффиціальные сборники формуляровъ существуютъ начиная съ VII вѣка; мы имѣемъ сборники VIII, IX—XII, XIII, XIV вѣковъ. См. *Eugène de Rozières*, Recueil général des formules usitées dans l'empire des Francs du V au X siècle, 3 vol. 1859—1871. *K. Zeumer*, Formulae aevi merovingici et karolini, 1882. *Ch. V. Langlois*, Formulaires de lettres du XII, du XIII et du XIV siècle, Par. 1890—1897.

„Третьячка“ Никитина — немногочисленны; ихъ въ тѣх же книгахъ записано только двѣ: одна — въ книгѣ 1597 г другая — въ книгѣ 1599—1600 г., но каждая изъ них содержитъ клаузулу о службѣ безъ роста. Во всякомъ случаѣ на основаніи выше сдѣланныхъ наблюденій, можно, кажется придти къ заключенію, что, если площадные подьячіе, пр писаніи служилыхъ кабалъ, и послѣ указа 1597 года н соблюдали одной и той же для всѣхъ равно обязательно формы, то все же, по крайней мѣрѣ, каждый изъ нихъ мог имѣть нѣчто въ родѣ частнаго „образцоваго письма“, кото рому онъ и слѣдовалъ при писаніи составляемыхъ имъ ак говъ, — впрочемъ, и въ такомъ случаѣ онъ не всегда при держивался одной и той же формы.

Въ то же время и частныя лица, совершавшія юриди ческія сдѣлки, повидимому, располагали такими же „обра цовыми письмами“: въ одномъ рукописномъ сборникѣ второ половины XVII вѣка, содержащемъ, между прочимъ, пере писку между нѣкіимъ Петромъ Игнатьевичемъ и Романом Вилимовичемъ, встрѣчаются образчики заключенія разных сдѣлокъ, принятые, вѣроятно, во Псковѣ и, очевидно, пред ставляющіе изъ себя общія формы, такъ какъ они приведен безъ указанія именъ, надо думать, Петромъ Игнатьевичем въ назиданіе Роману Вилимовичу; здѣсь имѣются образц „кабалы“, „записи порядной извощицкой“, „записи порядной кто порядится льну поставить“, а также „записи объ отдач торговымъ человѣкомъ сына своего иноземцу съ тѣмъ, чтоб онъ кормилъ, одѣвалъ и обувалъ его, а сынъ могъ бы отойти отдавши платье и обувь ему, иноземцу“; въ мировыхъ за писяхъ, писанныхъ для Архангельскаго монастыря „у город стрѣлцомъ“ Гаврилкой Курдумовымъ 1630 года, обнаружи вается, за исключеніемъ, конечно, именъ контрагентовъ послуховъ, полное сходство и т. п. [1]).

Въ Московскій періодъ нашей исторіи оффиціальны формулярники, т. е. сборники образцовъ формуляровъ част

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экон., т. I, №№ 546, 548.

ныхъ актовъ, врядъ ли существовали: извѣстенъ только одинъ сборникъ митрополичьихъ грамотъ, дошедшій до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ; они хранятся въ Синодальной Библіотекѣ (оригиналъ XV вѣка), а также въ Публичной Библіотекѣ (изъ собранія графа Ѳ. Толстого) и въ собраніи гр. А. С. Уварова (изъ коллекціи И. Н. Царскаго); отрывки такого же сборника помѣщены и въ Четьихъ-Минеяхъ митрополита Макарія [1]). Единственная общая мѣра касательно регулированія правительственной властью формуляровъ частныхъ актовъ того времени касается служилыхъ кабалъ и относится къ 1680 году. Указъ, установившій новый формуляръ служилыхъ кабалъ, появился вскорѣ послѣ производства новой переписи и послѣ извѣстнаго указа о томъ, чтобы „всякія дѣла вѣдать однимъ воеводамъ“. Этотъ указъ, надо думать, былъ вызванъ желаніемъ Московскаго правительства ввести, наконецъ, въ формуляръ служилой кабалы условія, соотвѣтствующія измѣнившемуся положенію кабальныхъ холоповъ, а также правиламъ, давно уже высказаннымъ въ прежнихъ узаконеніяхъ, и его стремленіемъ сдѣлать такой формуляръ общеобязательнымъ. Въ царскомъ указѣ Елецкому воеводѣ отъ 15 мая 1680-го года, говорится, что „въ городахъ записывали служилыя кабалы... въ губныхъ избахъ губные старосты, а нынѣ указали мы, великій государь, служилыя кабалы... записывать въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людямъ по нашему, великаго государя, указу и по Уложенію, распрашивая передъ собою на лицо и въ рожи и въ примѣты, описывать именно, а въ служилыхъ кабалахъ денегъ и росту не писать“. Такимъ образомъ, указъ 1680 г., упраздняя клаузулу о займѣ, въ то время, вѣроятно, уже имѣвшую скорѣе фиктивное, чѣмъ реальное значеніе, не подкрѣпляетъ этой мѣры ссылками на какой-либо предшествующій указъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ 1680-года вводитъ въ устанавливаемую форму служилыхъ кабалъ извѣстное условіе о службѣ „по животъ“ господина, что видно изъ приложен-

[1]) *И. Лихачевъ*, Изъ лекцій по дипломатикѣ, с. 121.

наго къ нему „образцоваго письма“, въ которомъ был указано, „какъ служилые кабалы писать“ [1]).

Въ эпоху преобразованій общія правила писанія частных актовъ, особенно въ ихъ удостовѣрительной части, начи наютъ формулироваться и въ законодательствѣ. Указом 30 января 1701 года, напримѣръ, великій государь повелѣл „всякія крѣпости прилучающіяся въ державѣ нашего государ ствія для пополненія въ собраніи нашей Великаго Государя каз ны, а паче для ослабы всенародныя волокиты и тягости и лучшаг усмотрѣнія писать по прежнему своему Великаго Государ указу, въ палаткѣ Ивановскія площади, особливо на то при браннымъ подьячимъ двадцати четыремъ человѣкомъ; а в приказѣхъ и въ Ратушѣ никакихъ крѣпостей не писать, вѣдать тѣ крѣпостные дѣла и подьячихъ во Оружейной па латѣ... А вмѣсто послуховъ писать во всякіе крѣпости п состоятельному своего Великаго Государя указу, прошлаг 208 года декабря 9 дня, свидѣтелей, людей добрыхъ и знат ныхъ, усмотряя приличества крѣпостей, гдѣ сколько человѣк пристойно, и ручникомъ въ прикладываньѣ рукъ своих описывать имянно, что они такія сдѣлки чинили при тѣх знатныхъ свидѣтеляхъ, также и свидѣтелямъ чины свои сдѣлки въ прикладываньѣ рукъ своихъ описывать имянно жъ итобъ въ томъ всякое усмотрительное было укрѣпленіе; а в большихъ крѣпостныхъ дѣлахъ незнатныхъ и бездомовных людей имянно и въ малыхъ дѣлѣхъ не описавъ чина, ни в какіе крѣпости во свидѣтельство не писать, и того всего с опаснымъ храненіемъ смотрѣть крѣпостныхъ дѣлъ подьячимъ а буде ихъ подьяческимъ для какихъ бездѣльныхъ прибыт ковъ пронырствомъ въ письмѣ крѣпостей явится какое по ползновеніе, и такимъ изъ нихъ по розыску чинить смертну казнь; а о собраніи своей Великаго Государя казны з письмо крѣпостей и о пошлинахъ и о прибраніи подьячих о иномъ предложеніи, быть всему по вышеозначеннымъ статьямъ, и записныя всякимъ крѣпостямъ книги изо всѣх

[1]) *А. Лаппо-Данилевскій*, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборн гатей, посвящ. В. О. Ключевскому, с. 758.

приказовъ и изъ Ратуши, съ состоятельнаго 208 году указу, взять въ Оружейную палату, и о состояніи сего своего Великаго Государя именнаго указу послать памяти и съ статей списки во всѣ приказы и въ Ратушу; а для домовнаго прокормленія тѣхъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячимъ давать своего Великаго Государя жалованья изъ сборныхъ денежной казны крѣпостныхъ дѣлъ по усмотрѣнію той казны собранія; и для показанія въ тѣхъ крѣпостныхъ дѣлахъ всякаго усердія и вѣрности, привесть тѣхъ подьячихъ къ вѣрѣ, и съ состоятельнаго своего Великаго Государя указу и съ статей дать имъ наказъ за дьячіею приписью, написавъ въ немъ со всякимъ пополненіемъ подъ жестокимъ страхомъ, и сей свой Великаго Государя именной указъ, записавъ въ книгу, держать во Оружейной палатѣ, и во всѣхъ городѣхъ державы Государствія своего чинить о всемъ по сему жъ своему Великаго Государя указу. А о письмѣ въ городахъ въ различіи всякихъ крѣпостей и о присылкѣ во Оружейную палату записныхъ крѣпостныхъ книгъ, сколько въ мѣсяцъ и въ какихъ дѣлахъ и отъ кого и кому крѣпости писаны, и кто у тѣхъ крѣпостей свидѣтели, быть по состоятельному своему Великаго Государя 208 году Декабря 9 дня указу“ [1]). Нѣсколько позднѣе, 6 ноября 1705 года, обнародованъ другой указъ, еще точнѣе регулировавшій писаніе частныхъ актовъ въ ихъ удостовѣрительной части: „всякія крѣпости, читаемъ мы здѣсь, писать подобіемъ всякихъ приказныхъ дѣлъ, противъ прежде состоявшагося ... именнаго указа на листахъ, а не на столбцахъ; руки прикладывать, кто даетъ на себя крѣпости до тѣхъ словъ (какъ написано будетъ все дѣло по договору въ крѣпости до тѣхъ словъ) какъ писывалось прежде: а у сей купчей или записи или иной какой крѣпости свидѣтель, и не писавъ того, и не оставливая при послѣдней строкѣ мѣста въ рядъ, какъ и выше писано, равными строками; а потомъ въ рядъ же, не оставливая, подписываться поручикамъ и свидѣтелямъ, а подьячему, которой крѣпости

[1]) П. С. З., т. IV, № 1833.

писалъ. подписываться послѣ всѣхъ свидѣтелей. И под тѣмъ подьяческимъ именемъ, не оставливая жъ мѣста, взятьѣ съ числа съ нее денегъ и о запискѣ въ книгу под писывать по обыкновенію съ годомъ и съ числомъ и с именемъ своимъ надсмотрщику, а при началѣ крѣпости имен поручиковыхъ не писать (а писать въ оныхъ тако отъ лиц того, кто на себя крѣпость даетъ: а поручики по мнѣ ниже подписавшіеся, и кто подпишется, тотъ и поручикъ). И сим опредѣленіемъ подписываться съ низу крѣпости велѣно д того, что многіе прежде сего давъ слово, что ручаться г товы, и, по ихъ словамъ, имена ихъ въ запись напишут а потомъ, хотя одинъ изъ многихъ ручаться не похочетъ и куда отлучится и за тѣмъ переписываются крѣпости вт рично, отъ чего чинились лишнія продолженія и убытки“ [1]

Вышеприведенные указы еще не давали, однако, каких либо общеобязательныхъ формъ для писанія частныхъ актов Подъ вліяніемъ великобританскихъ и голландскихъ порядков извѣстный прожектеръ Салтыковъ, правда, уже въ 1714 предлагалъ установить ихъ въ виду фискальныхъ цѣлей; в одной ихъ своихъ пропозицій — о печатныхъ крѣпостях о разныхъ, сирѣчь о заемныхъ кабалахъ, о вотчинныхъ, помѣстныхъ записяхъ и купчихъ, о духовныхъ, о жалова ныхъ грамотахъ на помѣстья и вотчины и на всякіе разны чины и о прочихъ всякихъ записяхъ, — онъ писалъ ниже слѣдующее: „велѣть прежде написать образцы всякихъ выше писанныхъ крѣпостей со всякими окрестностьми и осторож ностію, что ни есть, чего касается въ дѣлахъ между всяког чина и состоянія людей, а промежки для имянъ и чиновъ ихъ и неустоекъ числа денежнаго, также числа годовы мѣсячныя и дневныя; и велѣть тѣ крѣпости печатать лите рами и потому продавать тѣмъ, которые будутъ каких гребовать, по уреченному числу, въ чемъ будетъ поспѣшност въ дѣлахъ такихъ, также и площаднымъ будетъ не тако

[1]) П. С. З., т. IV, № 2080. Нѣкоторыя формы, напримѣръ, рядныя оговорныя, были въ то время вовсе „отставлены“; см. Письма и бумаги Петр Великаго, т. II, № 615. П. С. З., т. IV, № 1907.

ждъ; а по сочиненіи такихъ крѣпостей, велѣть ихъ записы-ть въ книги по старому указу, для всякихъ впредбудущихъ оровъ“ [1]).

Предложеніе Салтыкова о введеніи „печатныхъ крѣпостей“ галось, однако, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій и только здиѣе, въ 1738 г. іюня 8, была обнародована особая струкція надсмотрщикамъ: она содержитъ рядъ образцовъ я наиболѣе обычныхъ документовъ: формъ приходо-расдныхъ, записныхъ книгъ и счетовъ [2]). Отсутствіе утверженныхъ правительствомъ формуляровъ восполнялось по ежнему частными сборниками: старинные „письмовники“ держали, напримѣръ, образцы разнаго рода писемъ, томъ числѣ и купеческихъ; они получили довольно шиокое распространеніе въ XVIII вѣкѣ [3]). Въ приложеи къ книгѣ „объ актахъ крѣпостныхъ“, вышедшей въ чалѣ XIX вѣка, напримѣръ, были напечатаны образцы дной, отдѣльной и раздѣльной; купчей и запродажной; емнаго письма и векселя, заемной закладной и закладной, нтрактовъ по найму людей и имущества, по отдачѣ въ еніе и поряду, а также формы „дареной записи“, духовй и отпускной [4]).

---

[1]) *Ѳ. Салтыковъ*, Пропозиціи, гл. VIII; см. *И. Павловъ-Сильванскій*, Проекты формъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, С.-Пб. 1897 г., прил., . 16—17.

[2]) П. С. З., т. X, № 7594.

[3]) *Н. Кургановъ*, Писмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка, многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія, ое изд. Спб. 1777, 9-ое изд. Спб. 1818 г. Другой сборникъ подобнаго рода былъ аглавленъ: „Наставленіе, какъ сочинять и писать всякія письма къ разнымъ обамъ“, 1-ое изд. М. 1765; 3-е изд. 2 чч. М. 1773 г. Третье появилось подъ главіемъ: „Кабинетскій и купеческій секретарь“ и заключало въ себѣ „соаніе наилучшихъ и употребительнѣйшихъ писемъ о всякихъ матеріяхъ и на якій случай“, соч. *Ивана Сокольскаго*, 1-ое изд., 2 чч., М. 1788 г., ое изд., 3 чч., М. 1795 г.

[4]) Объ актахъ крѣпостныхъ и проч. (ср. выше), ч. I, сс. 79, 86, 90, 94, , 99, 102, 110, 118, 119, 120, 122, 125, 127, 137, 138. Такіе же образцы исоединялись и къ болѣе научнымъ руководствамъ по русскому гражданскому аву, напримѣръ, къ „Опыту“ Вельяминова-Зернова, который, въ приложеніи къ оему труду, напечаталъ „образцы“ духовнаго завѣщанія, а также отдѣльной,

§ 3. *Юридическій анализъ.*

Въ сущности, безъ предварительнаго понятія объ общемъ характерѣ той юридической сдѣлки, которая облечена въ письменную форму частнаго акта, нельзя уразумѣть его смыслъ: юридическій анализъ уже нуженъ для того, чтобы признать данный документъ частнымъ актомъ, и съ такой точки зрѣнія мы разсматриваемъ, напримѣръ, вышеуказанныя „прощальныя грамоты“ или „завѣты“ духовныхъ лицъ. Прощальныя грамоты митрополита Кипріана 1406 года, „завѣтное писаніе“ вятскаго и пермскаго архіепископа Іоны 1699 года и т. п. преподаютъ духовно-нравственныя размышленія и наставленія, которыя, по волѣ почившихъ пастырей церкви, читались при погребеніи въ назиданіе прихожанамъ и, въ сущности, вовсе не содержатъ распоряженій о ихъ имуществѣ на случай смерти. Между тѣмъ, подъ „духовнымъ завѣщаніемъ“ нашъ Сводъ разумѣетъ „законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай его смерти“. „Прощальныя грамоты“ и „завѣтныя писанія“, очевидно, не подходятъ подъ такое опредѣленіе, да и самими ихъ составителями не назывались духовными завѣщаніями; значитъ, присвоенное имъ позднѣйшими списателями и издателями наименованіе—неправильно: строго говоря, ихъ нельзя причислить къ частнымъ актамъ [1]).

При помощи юридическаго анализа можно также точнѣе провести границы между публичнымъ и частнымъ актомъ, усмотрѣть въ публичномъ актѣ значеніе частнаго, поскольку онъ удостовѣряетъ частныя права, разграничить въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ по своему содержанію актахъ публично-правовые элементы отъ частныхъ, напримѣръ, въ старинныхъ духовныхъ нашихъ князей, въ „выборахъ“ въ священники

доступной и раздѣльной записи. См. *В. Вельяминовъ-Зерновъ*, Опытъ начертанія Россійскаго частнаго гражданскаго права, С.-Пб. 1821—1823 гг., ч. II с. 187—197.

[1]) Библіограф. Лѣтоп., в. III, с. 167. А. Ю. № 428. Сводъ Зак. Гражд. ст. 1010.

г. п. [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь юридическимъ анализомъ, гче установить, въ чемъ именно состоитъ юридическая ѣлка, о которой говорится въ актѣ, укрѣпляетъ-ли онъ зникновеніе какого-либо правоотношенія, подобно, напри-ѣръ, древней отводной, или его измѣненіе, подобно, напри-ѣръ, заемной-закладной, или его прекращеніе, подобно, апримѣръ, одной записи о размѣнѣ складными [2]). Между ѣмъ общій характеръ юридической сдѣлки уже обусловли-етъ и порядокъ, въ которомъ расположены клаузулы дан-аго формуляра, а значитъ, и его построеніе (см. выше).

Для того, чтобы уразумѣть сущность самихъ частныхъ ктовъ, необходимо имѣть въ виду то юридическое значеніе, акое приписывалось имъ въ древности, и, исходя изъ него, ляснять ихъ смыслъ. Въ сборникахъ актовъ встрѣчаются, апримѣръ, акты, которые редакторы называютъ отводными; леко не всѣ изъ нихъ, однако, дѣйствительно являются аковыми, т. е. памятями о реальномъ отводѣ земли, пере-аваемой въ силу какого-либо юридическаго титула однимъ ицомъ другому: въ „Актахъ Юридическихъ“ было напечатано „отводныхъ“, но изъ нихъ четыре оказываются разъѣзжими, не отводными; въ „Актахъ, относящихся до юридическаго ыта“ изъ шести „отводныхъ“ лишь одна можетъ быть при-нана дѣйствительно таковою и т. п. [3]).

Юридическій анализъ получаетъ дальнѣйшее приложеніе при выборѣ того изъ старинныхъ наименованій акта, ко-орое всего точнѣе выражаетъ его юридическое значеніе, а е бытовое содержаніе: недавно, напримѣръ, появилось любо-ытное изслѣдованіе о будто-бы новомъ видѣ „вымученныхъ“ лужилыхъ кабалъ; но такого вида нельзя установить: слу-илыя кабалы назывались иногда „вымученными“ по реаль-ымъ условіямъ ихъ возникновенія, такъ какъ выдавались

[1]) См. выше, сс. 46—47.

[2]) *Н. Сидоровъ*, Складныя записи, въ Историч. Обозр., т. XXI, сс. 260—261

[3]) А. Ю. №№ 138—145. А. Ю. Б., т. II, № 178. Ср. *В. Ельяшевичъ*, черкъ развитія формъ поземельнаго оборота въ Россіи, въ Извѣстіяхъ С.-Пб. олитехн. Инст. Э. О., т. XVII, с. 225.

насильно, вымучивались господами у нуждающихся или без ащитныхъ людей и т. п. [1]). Старинные наши акты част ами себя называли не только по роду сдѣлки, но и п онкретному содержанію ея объекта, что и приводило к войному ихъ наименованію, напримѣръ: „поемная дѣловая“ поскотины дѣльная“ и т. п. [2]). Въ такихъ случаяхъ лавный терминъ нельзя замѣнять второстепеннымъ, нахо ящимся въ довольно случайномъ отношеніи къ объекту сдѣлки ри квалификаціи „отступныхъ-посильныхъ“, напримѣръ, слѣ уетъ имѣть въ виду, что акты подобнаго рода, въ сущ ности, отступныя, вѣроятно, на „княщинныя земли“ оторыми они владѣли не на правѣ полной собствен ности и объектомъ которыхъ служило „посилье“, въ каче твѣ того именно, къ чему они приложили свой трудъ и от его они, при заключеніи сдѣлки, „отступаются“ за извѣстное ознагражденіе [3]). Бывали случаи, когда главный объектъ дѣлки настолько заслонялся второстепеннымъ, что актъ по учалъ свое наименованіе по послѣднему изъ нихъ; актъ одержащій договоръ найма съ задаткомъ, напримѣръ, на ывался иногда „задаточной памятью“; актъ, удостовѣрявшій зятіе на срокъ однимъ лицомъ у другого жалованныхъ гра отъ для предъявленія ихъ въ судъ и обезпеченный крупной еустойкой, именуется „зарядной записью“ и т. п. [4]).

Юридическій анализъ даетъ также возможность проводить азличіе между болѣе или менѣе однородными актами, ко орые иногда смѣшиваются, или между составными элемен-

---

[1]) *Н. Новомберскій*, Вымученныя кабалы въ Моск. Руси XVII стол., въ Журн. ин. Юст. 1915 г., май, сс. 288—338, іюнь, сс. 192—247.

[2]) Р. И. Б., т. XIV, ст. 219. Труды Археограф. Ком. Моск. Археол. Общ., II, в. 2, сс. 275—276.

[3]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I. №№ 62, 72, 73 и др. Акты Велико-Усжскаго Михайло-Архангельскаго монастыря, изд. *В. Шляпинымъ*, ч. I, №№ 1, 2, 4, , 14 и др. *А. Андреевъ*, Отступныя грамоты, въ Историч. Обозр., т. XXI, . 170—171.

[4]) *М. Боіословскій*, Земскія челобитныя въ древней Руси, въ Богословскомъ ѣстн. 1911 г., январь, с. 143; прим.; *его же*, Земское самоуправленіе на сск. сѣв. въ XVII в., т. II. М. 1912, с. 62, прим. 1. См. выше правую грату по поводу дѣла И. Чертова съ С. Стромиловымъ, сс. 48—49.

ами одного и того же акта. Въ одномъ изъ лучшихъ сборниковъ частныхъ актовъ, напримѣръ, было напечатано нѣсколько актовъ подъ наименованіемъ: „порядныя зарубежныхъ выходцевъ“, хотя они сами себя называютъ „ссудными“; въ данномъ случаѣ редакторъ смѣшалъ крестьянскія порядныя съ ссудными записями, что едва-ли могло бы случиться, если бы онъ обратилъ вниманіе на то, что въ основѣ порядныхъ, въ сущности, лежитъ договоръ найма и притомъ въ старѣйшихъ—найма земельнаго участка, а въ основѣ ссудныхъ—договоръ займа, надо полагать безпроцентнаго, хотя каждый изъ такихъ договоровъ и осложнялся другими условіями; слишкомъ мало различая юридическую природу вышеназванныхъ видовъ, онъ смѣшалъ одинъ изъ нихъ съ другимъ, чѣмъ ввелъ въ заблужденіе даже позднѣйшихъ историковъ права [1]). Въ составѣ одного и того же вида актовъ также приходится различать нѣкоторые элементы, разнородность которыхъ ускользаетъ отъ вниманія изслѣдователя, пренебрегающаго юридическими категоріями. Старинныя купчія, напримѣръ, часто оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ и отводными: „при куплѣ-продажѣ (земли) считалось излишнимъ составлять объ отводѣ особую грамоту: описаніе договора и описаніе отвода (т. е. акта реальной передачи самого земельнаго участка) соединялось въ одной грамотѣ. Дѣйствительно, въ цѣлой массѣ купчихъ мы находимъ указаніе на актъ отвода, на отводчика и на свидѣтелей отвода“. Въ такихъ случаяхъ сами акты признаютъ себя и купчими и отводными въ извѣстной клаузулѣ: „а ся купчая и отводная на ту землю“ [2]).

Аналогичнаго разсмотрѣнія требуютъ и нѣкоторыя записи, болѣе или менѣе сложныя по своему составу, напримѣръ, запись о пожизненномъ владѣніи половиной монастырскаго села и другой половиной того же села, промѣненной владыкомъ съ обязательствомъ продать вымѣненныя въ другомъ

[1]) А. Ю. № 203.

[2]) *В. Ельяшевичъ*, Op. cit., ibid., с. 229.

уѣздѣ пустоши и вырученныя деньги дать вкладомъ въ тотъ
монастырь, 1674 г. сентября 28 [1]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ юридическій анализъ дае
иное опредѣленіе акта, чѣмъ дипломатическій, а именно
тѣхъ, когда юридическая сдѣлка, запрещенная или затрудне
ная закономъ, прикрывалась болѣе пріемлемой формой ак
другой разновидности: вкладныя въ монастырь, напримѣр
прикрывали иногда купчія на земли, заключеніе которы
было запрещено извѣстными указами.

Наконецъ, юридическій анализъ облегчаетъ пониманіе
того развитія, которое обнаруживается въ данномъ вид
актовъ, его типическомъ формулярѣ и т. п.

Выше было уже указано различіе между памятью,
смыслѣ акта съ освѣдомительнымъ характеромъ, и кр
постью, въ смыслѣ акта съ удостовѣрительнымъ характером
различіе которыхъ, очевидно, основано на юридическом
анализѣ ихъ значенія, причемъ оно, можетъ быть, намекае
и на то преемство, въ какомъ указанныя формы слѣдова
во времени, т. е. даетъ нѣкоторое понятіе о развитіи час
наго акта вообще и главнѣйшихъ его періодахъ. Съ так
точки зрѣнія можно разсматривать и исторію отдѣльных
видовъ частныхъ актовъ, напримѣръ, купчихъ. Древнѣйш
извѣстныя намъ купчія XIV—XV в.в. писались отъ лица поку
пателя, а не продавца: въ одной изъ бѣлозерскихъ купчих
писанныхъ до 1427 года, притомъ лишенной (судя по не
латному ея тексту) удостовѣренія, напримѣръ, мы читаем
„Се язъ Кирило игумен купил есмь у Иван у Евсѣвиев
сна в дом Прчстыи Бци и чстнаго ея успеніа и свое
брати и кто будет по мнѣ игумен землю Захарьинскую с
всѣми оучястки, что потянуло къ тои земли, и с пожням
и куды топор ходил и куды коса ходила, и с наволо
ком с Зоринъским, что на Порозобицѣ на рѣки“ [2])
Аналогичный формуляръ часто встрѣчается и въ новгород

[1]) Чтен. въ Общ. любит. духовн. просв. 1880 г., май, отд. ист. матер.
с. 65—68.

[2]) *Д. Мейчикъ*, Op. cit., с. 120, № VIII, 1.

кихъ купчихъ XIV—XV в.в.; онъ составленъ по схемѣ: Се купи" такой-то у такого-то (далѣе слѣдуетъ описаніе земли ея межи)... „А на то послухи..." Такая грамота, очевидно, мѣла скорѣе значеніе памяти о происходившей сдѣлкѣ упли-продажи, послухи которой могутъ, въ случаѣ нужды, ыть вызваны въ судъ для свидѣтельствованія того, что она т. е. сдѣлка купли-продажи) дѣйствительно состоялась, чѣмъ наченіе формальнаго доказательства противъ возможныхъ ритязаній со стороны прежняго собственника продавца. ослѣдующія купчія съ XVI вѣка, наоборотъ, пишутся отъ ица продавца, причемъ начинаютъ снабжаться его подписью, также рукоприкладствами послуховъ; такое превращеніе ъясняется, надо думать, тѣмъ, что купчая стала формальымъ актомъ о передачѣ продавцомъ своего права покупаелю и уже обладаетъ доказательной силой на судѣ [1]). Юридическая конструкція акта, какъ видно, оказывала непосредственное вліяніе на формуляръ акта, дипломатическимъ апаизомъ котораго, значитъ, нельзя удовлетвориться.

---

[1]) А. Ю. № 71 (всего 37 купчихъ); впрочемъ, онѣ уже содержатъ моментъ остовѣренія въ формулѣ: „а у печати стоялъ..." и присоединеніи къ нимъ слой печати; купчія отъ лица продавца см. въ А. Ю. № 19 (с. 40), 1522 г. и др.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Синтезъ частнаго акта.

Синтезъ акта состоитъ въ выясненіи того, что придаетъ му нѣкоторое единство: цѣль, въ виду которой актъ состалепъ, обусловливаетъ, напримѣръ, то, а не иное соотношеніе го элементовъ; интересъ, удовлетворенію котораго онъ слу житъ, придаетъ ему болѣе или менѣе цѣльный характеръ и т. п Въ самомъ дѣлѣ, съ такой именно точки зрѣнія легко по нять, почему данный актъ является, положимъ, духовной, а е вкладной, заемной, а не служилой кабалой, закладной , не купчей и т. п.; почему въ данномъ актѣ понадобилис ѣ, а не иныя клаузулы, и, наоборотъ, опущены другія и т. п Если исходить, напримѣръ, изъ предположенія, что порядны ъ крестьянство писаны преимущественно въ виду интере овъ землевладѣльцевъ, а не самихъ крестьянъ, то станет понятнымъ, почему онѣ содержатъ, главнымъ образомъ, обяза ельства крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ, а не обяза ельства помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ; лишь очен немногія изъ нихъ (да и тѣ поморскихъ уѣздовъ) предусма риваютъ тѣ правонарушенія, какія могутъ послѣдовать со сто роны землевладѣльцевъ, а не однихъ только поряжающихся в крестьяне или половники и сопровождаютъ ихъ соотвѣтству ющими санкціями [1]). Аналогичныя наблюденія можно сдѣлат надъ заемными. Если исходить изъ положенія, что древне русскій заемъ былъ договоромъ, устанавливавшимъ извѣст ныя отношенія къ вещи, а не къ лицу, и что содержаніе дого вора заключалось въ томъ, что должнику на время давалис

[1]) Р. И. Б., т. XII, ст. 116; т. XIV, ст. 100—104, 409—412.

ньги или потребляемыя вещи (напримѣръ, рожь), а не въ
мъ, что должникъ обязывался возвратить ихъ назадъ въ
мъ же количествѣ и качествѣ, то и нѣкоторые пробѣлы и
собенности нашихъ древнихъ заемныхъ станутъ понятными.
ь виду того, что нашъ старинный договоръ займа имѣетъ
лько вещное дѣйствіе, а не обязательственное, и что онъ
станавливаетъ передачу денегъ, а не обязанность запла-
ить взамѣнъ ихъ равноцѣнную имъ сумму денегъ, такая
бязанность, лежащая внѣ его и вытекающая не изъ до-
вора, а изъ правила о возвращеніи собственнику взятыхъ
него вещей, часто даже не упоминается въ заемныхъ ка-
лахъ; напримѣръ: „Се язъ Якимъ Перфирьевъ сынъ, да
ъ Ярыга Дмитріевъ сынъ заняли есмя у старца у Іоны... ржи
етыре четверти съ января 11 да до Семена дня безъ на-
опъ. А полягетъ хлѣбъ по сроцѣ, ино дать на пять шестая.
гдѣ ся кабала застанетъ, тутъ по ней и правежъ...“ Въ
ѣхъ-же случаяхъ, когда отдача долга упоминается, она, въ
ачествѣ не необходимой части договора, все же играетъ въ
емъ второстепенную роль и соотвѣтственно оговаривается
ъ самомъ актѣ, какъ своего рода альтернатива или подроб-
ость: пашенный крестьянинъ Исакъ Марковъ, занявшій
0 рублей у старца Якутскаго Спасскаго монастыря Савва-
я въ 1678 году, напримѣръ, обязался въ срокъ „Христова
елика дни“ того-же года „за тѣ деньги дать“ своему креди-
ору полтораста пудовъ ржи; но тутъ же прибавляетъ: „а буде
Исай на тотъ срокъ ржи не отдамъ .. и отдать мнѣ, Исаю,
ъ деньги назадъ лицомъ“ [1]).

Соотвѣтственно вышеуказанному различію между актами
ъ освѣдомительнымъ характеромъ и актами съ удостовѣ-
ительнымъ характеромъ, можно думать, что и единство
кта достигалось въ нихъ различнымъ образомъ. Память о
роисшедшихъ юридическихъ событіяхъ, очевидно, должна
ыла имѣть въ виду „драму“ или дѣло совершенія ихъ

[1]) А. Ю. №№ 245, 247, 250, 251, 253, 255. А. Ю. Б., т. II, № 125, III. *Бѣляевъ*, Древне-русское обязательственное право, въ Юридич. Вѣстн., кн. XVIII (1917 г.), с. 98.

преимущественно въ той послѣдовательности, въ какой они происходили въ дѣйствительности; драматизмъ, состоявшій въ смѣнѣ однихъ дѣйствій другими, частью до возникновенія, частью при совершеніи сдѣлки, соотвѣтственно отражался и въ самомъ актѣ; онъ отличался скорѣе повѣствовательнымъ, чѣмъ собственно юридическимъ характеромъ. Въ одномъ изъ документовъ, названномъ „списком з даные“ и попавшемъ въ извѣстный сборникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, напримѣръ, мы читаемъ: „Княж Федоров Бѣлозерского боярин былъ Семен Баба в Чюровскихъ а тѣ пожни были того боярина Семена и у того Семена женился Иванъ Есипль сЫрдомы и тѣ пожни даль в приданых и на того Ивана ударила бѣда и тот Иванъ тѣ пожни продалъ попу Савѣ Ирдомскому и у того попа отрода не было и его попад(ь)я Настас(ь)я велѣла тѣ пожни дати въ Кирилов монастырь по своихъ душахъ“ [1]). Трудно сказать, представляетъ-ли изъ себя вышеприведенный документъ настоящую данную, тѣмъ болѣе, что списокъ не указываетъ на его удостовѣреніе; но и въ качествѣ памятной замѣтки о данной попадьи Настасьи онъ, очевидно, передаетъ ея содержаніе, послѣднее, однако, явно отличается повѣствовательнымъ характеромъ, единство акта — въ разсказѣ о томъ, какой судьбѣ подверглись пожни бѣлозерскаго боярина Семена Бабы, пожертвованныя попадьей Настасьей въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Къ нарративному элементу примѣшивается иногда элементъ императивный, все еще не переходящій въ юридическую форму. Въ данной чернеца Алексѣя Николаевскому Чухченемскому монастырю на земли на Маломъ островѣ, XV вѣка, напримѣръ, мы читаемъ: „Се далъ Алѣксъ чернець стѣму Николи і вѣкѣ землю Захаркиньскую і пожни куплю свою на Маломъ островки в нижномъ конци с верхьнего конца орамая земля от Степановы земли Федоровича і пожня логъ і кутъ весь, а очѣны своеі оучастокъ весь своі приказалъ

[1]) Сборн. актовъ Кирилло-Бѣлозерск. монастыря, рукоп. СПБ. Духовной Академіи А$^{1}/_{16}$, л. 313. Изъ Бѣлозерскихъ князей съ именемъ Ѳедора извѣстны: Ѳедоръ Михайловичъ (1293—1314 гг.) и Ѳедоръ Романовичъ (1375—1380 гг.).

асилеі братьі своеі володѣтѣ до моего живота, а по моемъ ивотѣ отдаіт[е] братьи моя очи̑ну мою отдаіте земли і ожни сѣ̑му Николи і вѣки“ [1]).

Такой-же драматическій характеръ отчасти сохранился и ъ болѣе древнихъ актахъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, напримѣръ, въ отводной Кирилло-Бѣлозерскому мостырю на деревню Петроковскую, 1448—1468 гг.; здѣсь ы читаемъ: „Се язъ Григорей Львовъ сынъ, что далъ есмь устошь, деревенку въ Кивойцѣ Петроковьскую въ домъ Пречистой Богородици въ Кириловъ манастырь игумену Касіяну з братьею, по своихъ родителѣхъ,—а на отводъ той пустоши мъ есми ключника посельскаго Баткова, черньца Ѳедюка тарого Онтонова. И Ѳедюкъ чернець отвелъ ту землю арцу Игнатью Туру Кирилова монастыря: отъ Кивой рѣки, одлѣ курганъ, по врагъ къ лѣсу, да по лѣсъ къ великому ку, по великой мохъ къ великому бору, да со мху доломъ рямо черезъ поперекъ бору къ граповитой соснѣ, отъ граовитое сосны прямо на долокъ, на мошокъ къ рѣкѣ Кивою низъ до того-жъ врага, что подлѣ кургана. А на отводѣ были... сю грамоту отводную писалъ...“ [2]). Такой же характеръ ыскусственнаго разсказа носитъ на себѣ одна изъ старѣйихъ мѣновныхъ, изложенная слѣдующимъ образомъ: „Се яз арионъ, кѣларь Сергѣева монастыря, мѣнил есмь с игуеном съ Аѳанасьем Стромыньскымъ пустошми: взял есмь г него пустошь Касьяновьскую оу Сольци оу Переяславьскиѣ Хупани, а ему есмь далъ въ Ворѣ пустошь Бѣлавиньскую онастырьскую. А на то послуси: Михаило Оѳонасьевич да ергѣи старець казначѣи, да Васьянъ старец Хихилев. А амоту писалъ сам игумен Аѳанасеи Стромыньскыи“ [3]).

Въ болѣе развитой формѣ актъ съ удостовѣрительнымъ арактеромъ, именуемый „крѣпостью“, логически раскрываетъ ридическую идею той сдѣлки, которую онъ удостовѣряетъ:

---

[1]) А. *Шахматовъ*, Изслѣдов. о двинск. грам. XV в., ч. II, с. 19.

[2]) А. Ю. № 139; ср. выдержки изъ „отводной“ въ приложеніи къ работѣ *Мейчика*, сс. 110—112.

[3]) *Д. Мейчикъ*, Op. cit., с. 119, № VII, 1.

замѣнъ разсказа о томъ, что происходило при совершеніи ея, онъ заключаетъ въ себѣ совокупность связанныхъ между собою важнѣйшихъ ея условій, проистекающихъ изъ нея юридическихъ послѣдствій и т. п. Въ противоположность той данной (?), которая приведена была выше, возьмемъ, напримѣръ, нѣсколько позднѣйшую данную Михаила Дехова Архангельскому монастырю на его „жеребій“ въ Касокурьѣ, 1550 года, формулированную слѣдующимъ образомъ: „Се яз Михаило Дементиев сын Дехов дал есми святому архістратигу Михаилу в дом вотчину свою в Касокурьи свои жеребеи шестую долю что ми от брата з дѣлу досталося на поминане. А поминал бы пожаловал игуменъ Архангилскои с крилосом Михаила Василя Еуѳимя. А в очищени тем пожним тому жеребю язъ Михаило. А на то послуси Василеи Михаилов сын Хвостянского да Пахом Ермолинъ сын. А даную грамоту писал Миронец Климентиев сын лѣт 7058-го августа в 7 день“ [1]). Впрочемъ, синтетическая связь обнаруживается не только между элементами одного и того же акта, но и между нѣсколькими актами, особенно тѣми, которые можно назвать дополнительными или соотносительными другъ къ другу.

Вообще, если изъ двухъ актовъ одинъ формулируетъ реальную или мыслимую часть другого въ болѣе развитомъ ея видѣ, послѣдній называется дополнительнымъ актомъ [2]).

Положимъ, что актъ A состоитъ изъ частей a_1, b_1, c_1, d_1, . . . k_1, . . . n_1 и что, слѣдовательно, $A = a_1 + b_1 + c_1 + d_1 \ldots k_1 \ldots + n_1$. Если часть k_1 развилась въ особый актъ K, то послѣдній и оказывается дополнительнымъ къ A актомъ. Впрочемъ, смотря по тому, какая именно часть A выражена

---

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 130.

[2]) Слѣдуетъ отличать дополненный актъ отъ дополнительнаго: нижегородская отступная-посильная 7048 года была писана безъ доклада; но вслѣдъ затѣмъ была составлена новая отступная-посильная съ докладомъ; см. Дѣйствія Нижегородской губ. учен. арх. ком., т. XIV, отд. 3, с. 14 (грамоты Коллегіи Экономіи по Нижнему Новгороду № 9). Сборникъ актовъ Лихачева, с. 221.

ь K, послѣдній получаетъ болѣе или менѣе значительный мыслъ. Ясно, что въ качествѣ дополнительнаго акта K не ожетъ замѣнить главный актъ—A : вѣдь k не можетъ быть лавною частью A, ибо въ такомъ случаѣ выдѣленіе k изъ A авносильно было бы уничтоженію A, что не соотвѣтствуетъ словіямъ задачи; слѣдовательно, k должно быть такою астью A, которая имѣетъ болѣе или менѣе второстепенное наченіе, что соотвѣтственно отражается и на K. Второстепенное значеніе K выясняется въ отношеніи его къ k : если оставныя части A суть клаузулы, и, слѣдовательно, k имѣетъ лаузальный характеръ, то K получаетъ разный смыслъ въ ависимости отъ того, а) представляетъ ли K раскрытіе того еальнаго содержанія, которое примышляется въ k; в) содержитъ-ли K самую клаузулу k въ болѣе развитой ея формѣ, достовѣряемой имъ.

Въ случаѣ (а) K, въ сущности, имѣетъ скорѣе характеръ прилагаемаго къ A документа, разъясняющаго реальное одержаніе его клаузулы k. Въ рядныхъ, устанавливающихъ словія о приданомъ, напримѣръ, перечисленіе его нерѣдко ыдѣляется въ особый документъ, гдѣ подробно описывается мущество невѣсты. Такую роспись къ рядной едва-ли можно ризнать, однако, особымъ актомъ: она состоитъ изъ простого ереченя различныхъ частей имущества, которыя выдаются за евѣстой; документъ подобнаго рода не получаетъ, однако, ида формальнаго акта, который самъ по себѣ удостовѣрялъ-бы овершеніе какой-либо сдѣлки. Аналогичныя росписи къ аздѣльнымъ, къ духовнымъ и т. п. также извѣстны: къ уховной гостя Г. Θетіева приложено даже нѣсколько такихъ осписей [1]).

Въ случаѣ (в) K получаетъ значеніе такого именно акта:

---

[1]) Роспись къ рядной—*А. Барсуковъ*, Родъ Шереметевыхъ, VII, с. 226; оспись къ раздѣльной—А. Ю. Б. Ш, № 328, Ш; къ духовной Г. Θетіева присоединено нѣсколько росписей; см. Отеч. Зап. 1829 г., №№ 106, 107. Позднѣйшую роспись къ рядной названную „реэстромъ вѣновнымъ“ (соединеніе архаизма съ неологизмомъ) 1774 года см. въ Кіевской Старинѣ 1903 г., т. LXXXI, с. 159—163.

клаузула к выражается въ немъ въ ея юридическомъ зна-
ченіи и, обыкновенно, въ болѣе развитомъ, чѣмъ въ А видѣ;
окументъ надлежащимъ образомъ удостовѣренъ, и т. п. Къ
воей духовной, писанной около 1486 года, князь Михаилъ
ндреевичъ Верейскій присоединилъ восемь дополнительныхъ
ктовъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ; каждый изъ нихъ
злагаетъ или развиваетъ въ самостоятельной формѣ одну
зъ клаузулъ основного акта и содержитъ распоряженія
тносительно особой части его имущества; въ основномъ
ктѣ, напримѣръ, князь Михаилъ Андреевичъ приказываетъ
„долгъ свой заплатити и все розправити по своемъ животѣ“
еликому князю Ивану Васильевичу, присовокупляя: „а гдѣ
ш что долгу дати, ино тому списокъ за моею печатью и за
одписью дьяка моего“; а въ дополнительномъ актѣ, который
амъ себя называетъ „приписнымъ спискомъ“, онъ подробно
злагаетъ свои распоряженія касательно уплаты его долговъ
невзиманія „его денегъ въ его селехъ въ ростѣхъ и въ
ашни и на комъ ни буди“, удостовѣряя „сесь списокъ“
риложеніемъ своей печати и подписью его духовника Ивана
„печатника“ [1]). Въ порядныхъ, напримѣръ, часто встрѣ-
ается условіе о подмогѣ; такое условіе, правда, въ очень
рѣдкихъ случаяхъ, составляло содержаніе отдѣльнаго акта,
именуемаго подможною записью [2]). Въ „сдаточныхъ“ на
помѣстья вдова, сдававшая свой прожиточный участокъ лицу,
которое отбывало съ него государеву службу, обыкновенно
выговаривала себѣ право получать отъ него прокормленіе
и т. п.; такая клаузула развивалась иногда въ самостоятель-
ный актъ. Данныя, купчія и т. п. обыкновенно содержали
клаузулу о родовомъ выкупѣ („а роду нашему не выкупити“
и т. п.), а также клаузулу объ „очисткѣ“ земли отъ при-
вязаній на нее стороннихъ лицъ; встрѣчаются, однако, и
особыя „отписи“ объ отказѣ родственниковъ отъ права выкупа
отчуждаемаго имущества и еще чаще „очищальныя записи“

---

[1]) С. Г. Г. и Д., ч. I, №№ 121 и 122.
[2]) Акты Дьяконова, в. I, № 3.

т. п. [1]). На оборотѣ купчей на село Курьяново Волоцкаго зда, проданное Дмитріемъ Оладьинымъ князю Ивану Ховано-ому, 1546 года, продавецъ пишетъ: „по сей купчей грамотѣ (заключавшей и клаузулу объ очищеніи земли) я Дмитрѣй ою вотчину и село Курьяново продалъ и запись въ очищеніѣ далъ...“ Впрочемъ, бывали случаи, когда въ основномъ тѣ одна изъ такихъ клаузулъ отсутствовала и получала раженіе въ особомъ актѣ. Таковы, напримѣръ, приписанія къ двинской данной черенца Алексѣя Николаевскому ухченемскому монастырю на земли на Маломъ островѣ ступная его родственниковъ Игнатія Ларіонова и другихъ цъ тому же монастырю на его вотчину на Нарьѣ и въ угихъ мѣстахъ, XV вѣка; предъявленная Иваномъ Шереетевымъ вмѣстѣ съ заемной-закладной князя Андрея оздроватаго „очищальная запись“ 1544 (7052) г., въ которой онъ писалъ: „а явитца на ту отчину мою кабала или ная которая крѣпость ни буди, и мнѣ, князю Ондрѣю, та тчина очищати, а Ивана убытка не привесть“ и т. п. [2]).

Такая синтетическая связь еще болѣе замѣтна въ предлахъ группы актовъ, облекающихъ какое-либо юридическое ложе въ письменную форму, причемъ каждый изъ нихъ твѣтствующимъ образомъ отражаетъ въ себѣ одну изъ о частей: акты подобнаго рода можно назвать соотносительными. Соотносительные акты писались, напримѣръ, по воду вклада въ монастырь: вкладчикъ выдавалъ монастырю

---

[1]) Матеріалы историч. и юридич. района бывшаго приказа Казанскаго дворца, VI, сс. 110, 120—121. Данную съ отказомъ отъ права выкупа — см., напр., въ „Сотницахъ“ *С. Шумакова*, в. I, сс. 224—225; купчую съ клаузулой родовомъ выкупѣ, которая формулировалась иногда съ ограниченіями—см. въ Ю. № 86; „Обзоръ грам. Коллегіи Экон.“ *С. Шумакова*, в. IV, № 870 и др. пись объ отказѣ отъ права выкупа—см. въ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 173 и др. аузулу объ очищеніи земли—см. въ А. Ю. №№ 79, 82 и др. Очищальную пись 1538 года—см. въ Сборн. грам. Коллегіи Экон., т. I, № 81. С. Шумаковъ азываетъ на сѣверѣ на „закладныя и доимочныя памяти къ нимъ“, а также „мѣновныя записи съ разными добавочными къ нимъ другими записями“; . *С. Шумаковъ*, Обзоръ, в. IV, с. 36.

[2]) А. Ю. № 82. Сборн. грам. Коллегіи Экон., т. I, №. 24. А. Ю. Б., т. I, № 52, 201—203.

кладную на пожертвованное имъ имѣніе, а монастырь, по крайней мѣрѣ во многихъ извѣстныхъ намъ случаяхъ, въ собой „памяти“ или записи (?) свидѣтельствовалъ о полученіи имъ вклада. Въ „вкладной“ Микулы Кистенева Троице Сергіеву монастырю 1616 года, напримѣръ, мы читаемъ и Троецкимъ властемъ пожаловати на тотъ мой дворъ прислати изъ монастыря мнѣ монастырьская казенная вкладная“. Такія вкладныя, выданныя монастыремъ вкладчику дѣйствительно, сохранились, напримѣръ, важская вкладная выданная игуменомъ Богословскаго монастыря съ братьею вкладчику Ивану Пышкѣ за его вкладъ, съ указаніемъ тѣхъ условій, на которыхъ онъ можетъ быть принятъ въ монастырь, и т. п. [1]). При заключеніи брака обыкновенно писали два акта—рядную и сговорную: рядная содержала договоръ о приданомъ, сговорная опредѣляла, главнымъ образомъ, сроки вадьбы [2]). При порядѣ въ крестьянство на какой-либо „жеребей“ землевладѣлецъ выдавалъ, правда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, крестьянину „запись, что ево не изгонити и никакова насилства надъ нимъ не учинить“, соотноситель нымъ актомъ которой являлась, конечно, порядная, выдаваемая крестьяниномъ помѣщику [3]). При переоброчкѣ земли прочемъ, осложненной нѣкоторыми новыми условіями, также оставлялись „обмѣнныя письма“, составленныя отъ лица каждой изъ сторонъ и излагавшія взаимныя ихъ права и обязанности: такими „письмами“ или „договорными крѣпостями“ обмѣнялись, напримѣръ, архіепископъ Устюжскій Александръ и гость Василій Грудцынъ на деревни Сигово, Кишкодово и Ирхино, въ 1692 году [4]).

---

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экон., т. I, № 463. Р. И. Б., т. XIV, ст. 323—324, 964—965. Ср. вышеприведенную память Клоновскаго монастыря, с. 25. Важскіе столбцы, въ Рукописномъ Отдѣленіи Россійской Академіи Наукъ; здѣсь хранится нѣсколько такихъ вкладныхъ [Ср. *В. Верюжскій*, Аѳанасій, архіеп. Холмогорскій, Спб. 1908, с. 259—260, пр. 6].

[2]) *Г. Котляровъ*, Рядныя-сговорныя записи XVI—XVII в.в., въ Историч. Обозр. XXI, с.с. 182—223.

[3]) Акты Дьяконова, в. I, № 40.

[4]) Р. И. Б., т. XIV. ст. 1038—1043.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполненіе юридической сдѣлки и ея юридическія послѣдствія порождали составленіе актовъ, торые можно также причислить къ соотносительнымъ. Въ 598 году, напримѣръ, Авдѣй Шешенинъ выдалъ Николаевому Корельскому монастырю данную отпись, по духовной змена Колобынина, на половину его пожни въ Заозерьѣ. ь случаѣ просрочки заемныхъ-закладныхъ писались иногда обыя поступныя на заложенное имущество. Въ одномъ изъ вѣстныхъ случаевъ такой актъ писанъ на оборотѣ просроенной закладной Никиты Некрасова Моисею Конапову, 312 года, причемъ, вѣроятно, въ виду того, что должникъ ступается въ пользу кредитора своей землей „въ дернь“, мъ актъ называетъ себя „подеренкомъ“. Приведемъ его кстъ: „Се язъ Никита Стафеевъ сынъ Некрасовъ не моглъ ми на срокъ 35 рублевъ денегъ подняти и язъ Никита по ей закладной то свое владѣнье, вотчину свою на Шетовѣ рѣ, въ Медвѣдевской деревни въ трети два жеребья, и одернилъ за тѣми жъ денгами Мосею Конапову сыну. А одернилъ ту свою землю въ дернь безъ выкупа и безъ пятки; а и дѣла мнѣ Никиты нѣтъ до той до своей земли и до сѣхъ угодей и до двора и до подворной земли. А на то ослуси: Тимоѳей Кириловъ сынъ Павлова да Иванъ Григорьевъ Дубининъ, оба съ Пукшенги. А подеренокъ писалъ Николской діячекъ Пукшенскіе волости Ивашецъ Дементіевъ ѣта 7121 году декабря въ 30 день“ [1]).

Наконецъ, синтезъ актовъ можно иллюстрировать еще роцессомъ ихъ сліянія: въ одномъ и томъ же актѣ, наримѣръ, данной или купчей, въ сущности, соединялись лементы данной и отводной или купчей и отводной. Въ одной анной Матвѣя Иванова, писанной по приказу отца своего „въ брата мѣсто“ на отцовскую вотчину, послѣ описанія я мѣстоположенія на Вагинѣ островѣ да на островѣ на рѣкѣ

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 363. Р. И. Б., т. XIV, ст. 219—22. Терминъ „подеренокъ“, какъ видно изъ контекста нѣкоторыхъ купчихъ потреблялся и для обозначенія „пополнка“; см. Р. И. Б, т. XIV, ст. 53. Сборн грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 84.

ольшой Двинѣ, мы читаемъ: „А ся данная грамота и отвод
ія на ту нашу вотчину...“ Гораздо чаще такая связь обна
уживается между купчими и отводными: въ новгородской
упчей Киприана Павлова на вотчину Павла Григорьева, на
жмѣ, XV вѣка, мы, напримѣръ, читаемъ: „...А на то
ослухи: Василей Григорьевичь, Тимоѳей Яковличь, Иванъ
асильевичь. А на отводѣ земли былъ: Василій Филимоно
ичь, да Иванъ Ѳедоровичь да Степанъ Омосовичь...“.
Наличность разныхъ свидѣтелей, присутствовавшихъ при
овершеніи сдѣлки купли-продажи и отвода, ясно показы
аетъ, что онѣ различались другъ отъ друга; но вмѣстѣ съ
ѣмъ изъ вышеприведеннаго примѣра, подкрѣпляемаго мно
ими другими, видно, что описаніе договора и описаніе отвода
оединялось въ одной и той же грамотѣ. Такое сочетаніе,
адо думать, оказывало вліяніе и на формуляръ купчихъ,
редставлявшихъ изъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ и отводныя „на
у землю“: извѣстны, напримѣръ, купчія, въ которыхъ ука
ываются лишь послухи сдѣлки, а не послухи отвода, при
ѣмъ отводчикъ земли („а землю завелъ“, т. е. самъ про
ѣвецъ) иногда упоминается, а иногда не значится; и на
оборотъ, встрѣчаются купчія, въ которыхъ нѣтъ именъ послу
овъ, бывшихъ при заключеніи сдѣлки, и приведены имена
ослуховъ при отводѣ; такіе пробѣлы, можетъ быть объя
няются тѣмъ, что, въ случаяхъ подобнаго рода, послухи
дѣлки и послухи отвода были одни и тѣ же и что имена
хъ соотвѣтственно подразумѣвались [1]).

Въ связи съ вышеуказанными принципами и методами
интеза частныхъ актовъ нельзя не указать еще на слѣдую
дій: подобно всякому другому проявленію соціальной жизни,
астный актъ вообще является продуктомъ данной культуры
, значитъ, получаетъ въ своихъ элементахъ или въ своихъ
гношеніяхъ къ другимъ актамъ болѣе или менѣе выдержан
ое единство въ зависимости отъ большей или меньшей
ѣльности той культуры, которая обусловила его строеніе и

[1]) Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 128. А. Ю. № 71, X и XX.
В. Ельяшевичъ, Op. cit., ibid., cc. 228—230.

азвитіе. Съ такой точки зрѣнія наши древнѣйшіе частные
кты отражаютъ на себѣ, напримѣръ, разнообразіе тѣхъ куль-
рныхъ областей, къ которымъ они принадлежали, и посте-
енно отливаются въ единообразныя условныя формы, по
ѣрѣ политическаго объединенія отдѣльныхъ культурныхъ
ентровъ подъ политическимъ главенствомъ Московскихъ
осударей. До возвышенія Москвы можно различить, напри-
ѣръ, особые типы актовъ новгородскихъ, традиціонныя черты
оторыхъ отражаются въ поморскихъ, а также московскихъ
т. п. По водвореніи Московскаго самодержавія мѣстныя
собенности все болѣе подчиняются общимъ нормамъ, и
осковскіе типы получаютъ преобладаніе надъ остальными.
Въ частности, такой процессъ легко замѣтить, напримѣръ,
тносительно служилыхъ кабалъ: древнѣйшія изъ извѣстныхъ
амъ служилыхъ кабалъ—рязанскія отличаются нѣкоторыми
ертами отъ позднѣйшихъ московскихъ, напримѣръ, клаузу-
ами, родственными съ тѣми, какія встрѣчаются въ заемныхъ
см. выше); но рязанскій типъ вслѣдъ затѣмъ вытѣсняется
юсковскимъ. Между служилыми кабалами Новгородско-
Ісковской области нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства.
Въ отличіе отъ „московскаго“ типа, напримѣръ, основной
ихъ текстъ состоитъ обыкновенно только изъ двухъ клаузулъ:
торая и третья клаузулы сливаются здѣсь воедино, благодаря
ему и смыслъ ихъ нѣсколько измѣняется. Тѣмъ не менѣе
между обѣими группами нѣтъ полнаго сходства: въ новго-
родскихъ актахъ выраженіе „за ростъ“ часто встрѣчается,
въ псковскихъ—оно, кажется, вытѣсняется другимъ, а именно:
„за деньги“; такое предположеніе подтверждается еще
тѣмъ, что псковскія формы (а именно тѣ, въ которыхъ
имѣются пояснительныя указанія на „истину и ростъ“)
соотвѣтствуютъ формамъ съ выраженіемъ „за деньги“
Московскія формы служилыхъ кабалъ постепенно прони-
каютъ, однако, и въ Новгородско-Псковскую область: при
просмотрѣ служилыхъ кабалъ XVII вѣка легко убѣдиться
что форма M_2 пользовалась значительнымъ распространеніемъ
она встрѣчается и въ новгородскихъ кабальныхъ книгахъ

1597—1600 г.г. и 1646—1650 г.г. и, нѣсколько позднѣе, въ псковскихъ книгахъ; въ книгѣ 7127 года въ которой мнѣ не попадалось служилыхъ кабалъ формы M_1, можно, напримѣръ, указать цѣлый рядъ актовъ, или подходящихъ къ формѣ M_2, или близкихъ къ ней по формулировкѣ третьей клаузулы; такая же форма часто встрѣчается въ псковскихъ книгахъ 7134—7136 г.г. и другихъ годовъ, въ томъ числѣ и въ нѣсколько позднѣйшихъ, напримѣръ, 7151—7152 г.г.; судя по отдѣльнымъ экземплярамъ, можно указать сходныя формы и среди служилыхъ кабалъ: московскихъ, коломенскихъ, костромскихъ, ярославскихъ, кашинскихъ, хлыновскихъ, каширскихъ, тульскихъ, бѣльскихъ, зарайскихъ, арзамасскихъ и астраханскихъ. Наконецъ, со времени введенія Московскимъ правительствомъ въ 1680 году общеобязательнаго формуляра для писанія служилыхъ кабалъ онѣ пишутся большею частью по одному и тому же образцу. Въ самомъ дѣлѣ, можно указать, напримѣръ, на служилыя кабалы, писанныя по такой формѣ и на Ивановской площади въ Москвѣ и въ замосковныхъ городахъ: Переяславлѣ Залѣсскомъ, Суздалѣ, Угличѣ, Кашинѣ, Галичѣ, Костромѣ и Лухѣ въ многихъ южныхъ, преимущественно украинныхъ городахъ: Тулѣ, Каширѣ, Алексинѣ, Бѣлевѣ, Болховѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ и Землянскѣ; и въ рязанскихъ и понизовыхъ городахъ: Переяславлѣ Рязанскомъ и Зарайскѣ, а также въ Нижнемъ Новгородѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ легко замѣтить, что подьячіе одного и того же поселенія въ теченіе разсматриваемаго времени почти не уклонялись отъ формы изложенной въ указѣ 1680 года. Можно привести, напримѣръ, цѣлый рядъ служилыхъ кабалъ, писанныхъ разными подьячими Ивановской площади въ 1680—1685, 1687, 1690—1694 и 1698 г.г. и не обнаруживающихъ существенныхъ уклоненій отъ оффиціальнаго образца; то же единообразіе и въ служилыхъ кабалахъ, писанныхъ, напримѣръ, въ Кашинѣ въ 1682 и 1689 г.г., въ Суздалѣ въ 1687 и 1693 г.г., въ Болховѣ въ 1684 и 1688 г.г. и въ Бѣлевѣ въ 1689 и 1697 г.г. Подьячіе нижегородской площади

едька“ Андреевъ, „Родька“ Гавриловъ, Николай Колмавъ, „Ивашко“ Кроминъ и „Андрюшка“ Павловъ въ 1686—87 г.г., видимо, придерживались одного и того же образца. Такимъ образомъ, по мѣрѣ политическаго объединенія Московскаго государства водворяется и большее единообразіе въ формѣ служилыхъ кабалъ, свидѣтельствующее о господствѣ позднѣйшаго московскаго типа надъ всѣми остальными [1]).

Аналогичная зависимость типа частнаго акта, въ его совокупности, отъ данной культуры обнаруживается и при изученіи двухъ видовъ крестьянскихъ договоровъ съ землевладѣльцами—порядныхъ и ссудныхъ: въ то время, какъ порядныя продолжаютъ господствовать въ Новгородско-Псковской и Поморской области, онѣ уже уступили мѣсто въ Замосковныхъ городахъ ссуднымъ. Впрочемъ, являясь продуктами культуры, данные типы актовъ могли зависѣть не только отъ мѣстныхъ, но и отъ временныхъ ея образованій, что видно, напримѣръ, кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, изъ сопоставленія древнѣйшихъ новгородскихъ и московскихъ купчихъ съ позднѣйшими и т. п. [2]).

---

[1]) А. *Лаппо-Данилевскій*, Op. cit., отд. отт., сс. 12—13, 16, 45—46.

[2]) А. Ю. №№ 71, 75, 82, 85, 91 и др. А. Ю. Б., т. II, № 147.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Краткій очеркъ русской дипломатики частныхъ актовъ, изложенный выше, намѣчаетъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ ея содержаніе и объемъ: можно было бы, напримѣръ, войти въ гораздо болѣе подробное разсмотрѣніе составныхъ частей частнаго акта и тѣхъ измѣненій, какимъ онѣ подвергались по мѣрѣ его развитія; остановиться на подробномъ анализѣ формуляровъ важнѣйшихъ разновидностей частныхъ актовъ и прослѣдить вліяніе, оказанное на нихъ законодательными мѣрами; выяснить въ всестороннемъ синтезѣ связь, въ какой они находились съ бытомъ и правомъ даннаго времени, а также ихъ эволюцію и т. п. Впрочемъ, сдѣланныхъ выше наблюденій и выводовъ, быть можетъ, достаточно для того, чтобы въ заключеніе высказать нѣсколько замѣчаній касательно общаго значенія русскихъ частныхъ актовъ для пониманія нашей исторической дѣйствительности.

Въ виду слабости государственной власти частные акты въ древности являлись въ значительной мѣрѣ продуктами народнаго творчества: отражая въ себѣ потребности и интересы обыденной жизни общества, они возникали изъ ея нѣдръ; государственная власть, постепенно получавшая самодержавный характеръ, все-же оставалась на ея поверхности, была не въ силахъ проникнуть въ ея глубь и подчинить себѣ ея теченіе; она мало заботилась даже о выработкѣ формуляровъ частныхъ актовъ; въ теченіе Московскаго періода нашей исторіи, напримѣръ, правительство установило чуть-ли не одинъ только оффиціальный формуляръ служилыхъ кабалъ, да и то лишь

ѣднѣйшимъ указомъ 1680 года; остальные оставались почти регулированными даже въ послѣдующемъ періодѣ: они складывались скорѣе на почвѣ обычнаго народнаго права, хотя, разумѣется, должны были сообразоваться съ текущимъ законодательствомъ.

По своему назначенію и происхожденію тѣсно связанные съ народною жизнью частные акты содержатъ много цѣнныхъ свѣдѣній о народной жизни: матеріальной и даже духовной.

Старинные наши частные акты имѣютъ большое значеніе для исторіи хозяйственнаго быта. Духовныя князей и частныхъ лицъ содержатъ, напримѣръ, подробныя свѣдѣнія о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ завѣщателей, о тѣхъ имущественныхъ отношеніяхъ, какія существовали между ними и другими членами семьи, а также зависимыми отъ нихъ „людьми“ и сторонними лицами, объ устройствѣ ихъ хозяйства и т. п. Таковы, напримѣръ, духовныя ликаго князя Ивана Калиты 1328 года, Александра Белеева 1472 года и др. [1]). Вкладныя и данныя, купчія и заемныя-кладныя и т. п. даютъ наглядное понятіе объ обращеніи позельной собственности, о концентраціи ея въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ и т. п. Сборники Троице-Сергіева и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, акты Шереметевыхъ и Дехтеревыхъ, также многихъ другихъ лицъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ такихъ операціяхъ. Полныя и служилыя кабалы, жилыя, поздныя и ссудныя даютъ понятіе о развитіи крѣпостного права, ъ почвѣ котораго стало складываться капиталистическое производство. Въ старинныхъ записныхъ книгахъ сохранилось ного актовъ подобнаго рода: одинъ изъ Новгородскихъ землевладѣльцевъ—Воинъ Аѳанасьевичъ Новокщеновъ, напримѣръ, редъявилъ дьяку Д. Алябьеву 15 полныхъ и докладныхъ, а кже 12 служилыхъ кабалъ XV-XVI вв., по которымъ можно удить о его рабовладѣльческомъ хозяйствѣ и т. п. [2]). Въ ою очередь складныя и позднѣйшіе договоры объ образо-

[1]) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 21. А. Ю. № 410 и др.
[2]) Р. И. Б., т. XVII, сс. 125, 131—134, 183.

ваніи компаній указываютъ на ростъ промышленнаго капитала, напримѣръ, складная запись Максима Боковикова и Сергѣя Губина на торговлю въ Сибирскихъ городахъ 1700 года, договоръ Апраксина, Толстого и Шафирова объ образованіи ими компаніи и т. п. [1]). Менѣе значительными, конечно, оказываются тѣ же старинные наши частные акты для исторіи духовнаго быта. Въ духовныхъ, напримѣръ, имѣются распоряженія касательно образовъ и книгъ завѣщателя, которые иногда тутъ же перечисляются; таковы, напримѣръ, духовная Мясоѣда Вислаго 1568—1570 гг., духовная Ѳедосьи Ивановны Воложской 1652 (7160) г. и др. [2]). Свѣдѣнія о грамотности попадаются иногда и въ другихъ актахъ: въ одной данной Чудову монастырю братьевъ Саввы, Ѳедора и Ивана Семеновичей Мухановыхъ мы читаемъ: „А у сеѣ данные моей Савиновой Тороповой и моей братьи Ѳедоровой и Ивановой рукъ нѣту, потому что язъ Торопъ грамотѣ учился да не доучился и писати не умѣю, а братья моя Ѳедоръ и Иванъ оба грамотѣ не умѣютъ же; а впередъ, будетъ братья моя грамотѣ и писати научатся, и имъ руки свои къ сей данной приложити и въ мое въ Савиново въ Торопово мѣсто“ [3]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ частные акты вскрываютъ намъ и болѣе глубокія нравственныя переживанія русскаго человѣка: въ одной изъ дополнительныхъ духовныхъ князя Михаила Андреевича Верейскаго, писанной около 1486 года, мы читаемъ: „А что мои люди, кого буду чѣмъ пожаловалъ, жалованьемъ и деревнями,—и государь бы мой князь великій после живота моего жалованья не порушилъ, чтобъ мои люди после моего живота не заплакали“ [4]). Можно указать и на такіе частные акты, которые, подобно, напримѣръ, казенной вкладной (см. выше) Тихвинской обители вкладчику Ивану Ѳеоктистову,

---

[1]) *Н. Сидоровъ*, Op. cit., въ Историч. Обозрѣніи, т. XXI, сс. 259—261. *А. Лаппо-Данилевскій*, Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII стол., Спб. 1899. сс. 27, 29, 34—35 и др.

[2]) А. Ю. № 421.

[3]) А. Ю. Б., т. I, № 63, XIX.

[4]) С. Г. Г. и Д., ч. I, № 122, 1.

ившему ей вкладомъ три короба стеколъ въ 1679 году, явно претендуютъ на достоинства тогдашняго литературнаго стиля.

„Прия даяніи же томъ своемъ усердномъ, благоговѣйный той мужъ Іоанъ, усерднѣйшу вѣру къ Богу и къ добродѣтелемъ желаніе неуклонное простираючи, просилъ тоя святыя обители настоятеля и братіи, да соблаговолятъ ему подъ пастырствомъ своимъ въ той святой богоспасаемой оградѣ, егда время его призоветъ и святость ихъ благоволитъ, жити: и да будетъ ему нетокмо тѣлесное, но и душевное благотишное спасительное пристанище отъ волнъ многомятежныхъ міра сего святая та обитель; и аще усмотрятъ благоразсуднѣ въ немъ удостояющее его смиренномудрое послушаніе, съ терпѣніемъ, и беззлобивую кротость и прочая яже монахомъ приличествующая, да облекутъ его во святый ангелскій чинъ монашескаго образа, или да пребываетъ яко смотрѣливнымъ своимъ разсужденіемъ они богодохновенніи повелятъ отцы во всякомъ послушаніи и служеніи монастырьскомъ, съ терпѣніемъ, безлѣностно и безропотно, питая тѣло свое крупицы избывающими отъ святыя ихъ трапезы, гдѣ ихъ преподобное разсужденіе повелитъ. Разрѣшшей же ся отъ тѣлесе душѣ его, да сотворятъ память яко волитъ святость ихъ и да впишется имя его въ литію и въ синодикъ въ той святой обители, во еже бы святыми церковными молитвами и поминаніи умилостивляющи Бога о душахъ отшедшихъ, душѣ его отъ узъ незрѣнія лица Божія чрезъ грѣхи сплетенныхъ ослабу пріобрѣсти, тѣло же его да предастся сроднѣй земли при святѣй церкви въ той же святѣй обители, да и отъ сихъ нѣкую пріиметъ утѣху душа, якоже держитъ святая церковь. И къ сему его усердному и богоугодному со смиреніемъ прошенію, духовный настоятель святыя сея обители преподобный отецъ священноархимандритъ Варсонофей съ братьею неинако быти судиша, яко и самъ Спаситель рода человѣча Господь Іисусъ Христосъ Богъ нашъ, глаголяй „грядущаго ко мнѣ не иждену вонъ“, сего благоговѣйна

мужа Іоана данніе пріяти и по предваршимъ его прошеніямъ въ животѣ къ душеполезнымъ подвигомъ управляти, а по смерти душу его во святѣй сей обители поминати; живу жъ ему сущу, егда волитъ во святой той обители во всякомъ послушаніи и благопокореніи терпѣливно и въ службахъ монастырьскихъ люботрудно безъ прекословія ко всѣмъ жителствовати, благоволиша“ [1]).

Въ частныхъ актахъ встрѣчаются иногда весьма характерныя данныя, касающіяся соціальныхъ отношеній. Въ свою духовную 1627 г. Пантелеймонъ Соловцовъ, пожертвовавшій много вкладовъ въ Нижегородскія церкви и монастыри, счелъ нужнымъ внести слѣдующія строки:

„также и сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ во своей кручинѣ, боемъ, по винѣ и не по винѣ и къ женамъ ихъ и ко вдовамъ насилствомъ, дѣвственнымъ растленьемъ, а иныхъ есми грѣхомъ своимъ и смерти предалъ, согрѣшилъ во всемъ и передъ ними виноватъ: простите меня грѣшного и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ а васъ, государей моихъ, во всемъ Богъ проститъ и благословитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; такожъ крестьянъ моихъ и крестьянокъ, чѣмъ кого оскорбилъ въ своей кручинѣ, лаею и ударомъ и продажею, по винѣ и не по винѣ, во всемъ передъ ними виноватъ: простите меня и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, а васъ, государей моихъ, во всемъ Богъ проститъ и благословитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ“ [2]).

Въ данной посадника Новгородскаго Василія Степановича въ домъ святаго Іоанна Богослова XV вѣка имѣется слѣдующая клаузула:

---

[1]) А. Ю. № 130, с. 154—155.

[2]) А. Ю. Б., т. I, ст. 558.

„Да еще есми придалъ островъ Онтроньевъ весь, что есми у Обакума купилъ; а то церкви святому Іоанну Богослову во обитель общежительство игумену, кто ни будетъ у святаго Іоанна Богослова и вѣки. А игуменъ, кто ни будетъ у святаго Іоанна Богослова, держати ему общее житіе; а черицовъ игумену держати, какъ его сила иметъ; а черицовъ игумену держати въ монастырѣ, кто игумену любъ; а игумену и черицемъ, живуци въ монастырѣ святаго Іоанна Богослова, собинъ имъ не держати; а пойдетъ игуменъ проць изъ монастыря, ино ему дати уцетъ черицамъ“ [1].

Вообще, находясь въ ближайшемъ соприкосновеніи съ жизнью, частные акты заключаютъ въ себѣ иногда любопытныя бытовыя подробности. Въ записи объ образованіи одной артели для сбору таможенныхъ и проѣзжихъ пошлинъ въ Арзамасѣ и двухъ уѣздныхъ селахъ, 1654 года, мы читаемъ:

„А буде какія стороннія и тутошнія Арзамасцы и уѣздныя люди всякихъ чиновъ люди учьнутъ платить государевы пошлины или намъ въ почесть ударить челомъ какимъ таваромъ нибудь, и однаму тѣмъ изъ насъ трехъ таварыщовъ не покарыстоватца, опытай артели украдомъ тихонка не свозить, и сторонними людми не посылать; а которыя Арзамасцы и Арзамаского уѣзду всякія стороннія тарговыя люди съ своихъ таваровъ учнутъ платить государеву пошлину, и таму нашему таварыщу имать таможенну пошлину въ правду, другу не дружить, а недругу не мьстить и въ томъ хитрости никакія не чинить, за щеку и въ мошну артелныхъ денегъ намъ траимъ таварыщамъ: мнѣ Якову, и мнѣ Потѣхѣ, и мнѣ Тамилѣ, и нашимъ пріемнымъ таварыщамъ Акиѳѣю, да Григорью, да Филипью не класть и хитрости въ денежномъ сборѣ никакія не учинить“ [2])

---

[1]) А. Ю. № 110, VI.

[2]) А. Ю. Б., т. I, ст. 689.

Въ договорной памяти въ трапезники Николаевской церкви Кодлаской волости Василія Болтинскихъ 1696 года въ числѣ его обязанностей, между прочимъ, значится и слѣдующая:

„да мнѣ же трапезнику по всякой годъ трапеза мыть по дважды, ко Христову Рожеству да на святую Пасху“ и т. п. [1]).

Помимо быта, изъ частныхъ актовъ мы, разумѣется, почерпаемъ свѣдѣнія о правѣ и прежде всего о томъ, что сами стороны при заключеніи сдѣлки считали важнымъ и заносили въ соотвѣтствующій актъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ частные акты даютъ нѣкоторое понятіе о системѣ и эволюціи права.

а) Въ сущности, частные акты уже предполагаютъ нѣкоторую систему сравнительно точныхъ понятій. Вообще, частное право возникаетъ подъ вліяніемъ потребностей гражданскаго оборота, которыя каждымъ членомъ общежитія чувствуются острѣе и чаще тѣхъ, какія связаны съ его политической жизнью. Частныя права возникаютъ, главнымъ образомъ, на почвѣ имущественныхъ отношеній, и каждый членъ общежитія имѣетъ болѣе или менѣе близкое, лично его интересующее касательство къ нимъ. Правда, при установленіи имущественныхъ правъ въ древности вообще и у насъ въ частности исходили скорѣе изъ периферіи такихъ отношеній, чѣмъ изъ ихъ центра: они возникали въ виду огражденія имущественныхъ интересовъ данныхъ лицъ въ буквальномъ смыслѣ (знаки при захватномъ землепользованіи, межи, изгороди—жерди и т. п.) или въ переносномъ смыслѣ (путемъ предупрежденія правонарушенія въ видѣ неустойки, посредствомъ судебной защиты и т. п.) и въ гораздо меньшей степени опредѣлялись въ качествѣ извѣстныхъ юридическихъ сдѣлокъ и т. п.; тѣмъ не менѣе и въ нашемъ старинномъ бытѣ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе или менѣе нормальномъ его состояніи, интересъ къ такимъ отношеніямъ острѣе и чаще чувствовался, чѣмъ, положимъ, обязанность уплатить какой-либо государственный налогъ или отбывать какую-либо государственную повинность,

[1]) Р. И. Б., т. XII, ст. 1329.

чѣмъ сношеніе съ земской или съѣзжей избой и т.п. Благодаря такимъ условіямъ частно-правовыя понятія становятся сравнительно болѣе точными и тоньше оттѣняютъ правовую мысль, чѣмъ публичныя, что и предполагаетъ уже наличность нѣкоторой ихъ системы, хотя бы она и не была опознана въ полной мѣрѣ.

Различіе между полнымъ и неполнымъ правомъ собственности, напримѣръ, отражалось въ существованіи двухъ различныхъ видовъ актовъ: купчихъ и отступныхъ (посильныхъ); способы пріобрѣтенія права собственности также удостовѣрялись различными актами: жалованными вотчинными грамотами, купчими, мѣновными, вкладными, данными и т. п. Въ числѣ договоровъ и обязательствъ различали, напримѣръ, записи о запродажѣ имущества отъ другихъ ихъ разновидностей, заемъ съ уплатой роста отъ займа съ отработкой роста, что соотвѣтственно отражалось въ заемныхъ и служилыхъ кабалахъ, наемъ имущества, укрѣпляемый оброчными, кортомными, мытными, празговыми и другими, отъ его „сдачи“ по „сдаточной“ или „сдавчей“, личный наемъ по жилой записи отъ подряда по „подрядной“ и отъ довѣрительнаго порученія, совершаемаго, напримѣръ, по договорной записи между тяглымъ міромъ и „мірскимъ посыльщикомъ“, наслѣдованіе по духовному завѣщанію отъ права на приданое по рядной записи и т. п.

b) Частные акты даютъ понятіе о естественномъ ростѣ правовыхъ понятій, т. е. о непрерывности эволюціи права. Такая Naturwüchsichkeit даетъ возможность изучать развитіе частныхъ актовъ въ реальной обстановкѣ гражданскаго оборота, выяснять условія мѣста и времени, отразившіяся на юридическихъ формахъ, и ихъ взаимозависимость и т. п., а также устанавливать непрерывно слѣдующія другъ за другомъ стадіи развитія такихъ формъ. Весьма поучительно, напримѣръ, наблюдать постепенное превращеніе служилой кабалы изъ обязательства должника служить за ростъ въ самопродажу, а затѣмъ и простую отдачу себя въ рабство, или слѣдить за процессомъ вытѣсненія крестьянской порядной

(арендная контракта) ссудной (долговымъ обязательствомъ) переходящей въ отдачу себя въ крестьянство вѣчно.

с) Частные акты даютъ также понятіе о процессѣ правообразованія: роль судей въ нашемъ древнемъ гражданскомъ процессѣ все еще очень мало выяснена; подобно судьямъ въ древнемъ уголовномъ процессѣ, которые являлись скорѣе оффиціальными свидѣтелями судебнаго поединка или поля, происходившаго между сторонами, они и въ гражданскомъ процессѣ врядъ-ли выступали дѣятельными творцами юридическихъ формъ; помимо судей можно указать и на другіе органы творчества въ области частнаго права: судя по нѣкоторымъ даннымъ, площадные подьячіе, составлявшіе частные акты, принимали нѣкоторое участіе въ выработкѣ ихъ формъ и такимъ образомъ, въ извѣстной степени, творили частное право; не будучи, конечно, равными по своему значенію древне-римскимъ преторамъ или позднѣйшимъ англійскимъ „justice'амъ", создававшимъ англійское „common law", площадные подьячіе все-же играли нѣкоторую роль въ процессѣ правообразованія, до сихъ поръ почти никѣмъ не отмѣченную, пока не смѣнились въ XVIII в. нотаріусами; наконецъ, сами стороны, надо думать, не оставались пассивными въ такомъ процессѣ: ихъ участіемъ объясняются нѣкоторыя изъ клаузулъ разныхъ видовъ актовъ.

Впрочемъ, древне-русскіе частные акты свидѣтельствуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и о недостаточномъ развитіи русскаго правосознанія и его юридическихъ формъ: оно еще не выработало системы частно-правовыхъ понятій, которая способна была бы къ органическому развитію.

а) Въ самомъ дѣлѣ, древне-русскія грамоты, касающіяся гражданскаго права, не всегда можно признать настоящими актами: нѣкоторыя изъ нихъ скорѣе запечатлѣваютъ въ памяти совершеніе извѣстной сдѣлки и имена присутствовавшихъ при ней свидѣтелей, чѣмъ утверждаютъ ее въ юридическомъ смыслѣ въ качествѣ актовъ, имѣющихъ, сами по себѣ, доказательную силу на судѣ; слѣдовательно, такіе документы еще не обладаютъ полнотою юридическаго значенія.

b) Нѣкоторые изъ древне-русскихъ частныхъ актовъ составлены еще настолько неясно, что представляютъ большія затрудненія для правильной ихъ интерпретаціи: извѣстная „рядная“ Тѣшаты XIII вѣка вызвала, напримѣръ, самыя разнообразныя толкованія, взаимно исключающія другъ друга, но до сихъ поръ все-же остается по природѣ укрѣпляемой ею сдѣлки довольно загадочной.

c) Многіе древне-русскіе частные акты далеко не включаютъ всѣхъ условій сдѣлки, что отражается и на ихъ формулярахъ: полагаясь на обычное право, дѣйствовавшее въ данной мѣстности и въ данное время, они въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничиваются глухою ссылкой на обычай или даже просто подразумѣваютъ его. Въ одной записи помѣщика своему крестьянину, 1647 года, мы читаемъ: „и держати ево мнѣ Ивану во крестьянехъ, какъ протчіе дворяне крестьянъ у собя держатъ“ и т. п. [1]).

d) При одновременномъ заключеніи нѣсколькихъ сдѣлокъ, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ между собою, ихъ укрѣпляли иногда однимъ актомъ, въ которомъ онѣ иногда переплетались безъ надлежащаго ихъ разграниченія. Такое совмѣщеніе иногда чрезвычайно затрудняетъ квалификацію самого акта, а, значитъ, и составленіе его заголовка.

Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что частные акты даютъ иногда весьма наглядное представленіе о той границѣ, которая въ данномъ мѣстѣ и въ данное время проводилась между частнымъ правомъ и публичнымъ правомъ; они показываютъ, что въ древности область частнаго права часто бывала шире послѣдующаго его объема и включала въ себя такія нормы, которыя вслѣдъ затѣмъ перешли въ область публичнаго права. Достаточно припомнить, что крѣпостное право превращало свободныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, въ объектовъ имущественныхъ правъ и дѣлало ихъ предметами сдѣлокъ, укрѣпляемыхъ купчими, закладными и т. п.; или обратить вниманіе на то, что проѣзжія или отпускныя

---

[1]) Акты Дьяконова, в. I. № 40.

на работу, выдаваемыя господами своимъ крѣпостнымъ, замѣняли паспорта и т. п. Духовныя московскихъ князей, Іоанна Калиты и другихъ, напримѣръ, содержатъ наряду съ волеизъявленіями касательно движимаго и недвижимаго имущества завѣщатели такія распоряженія, которыя относятся къ публичному праву, и наоборотъ, акты публичные, напримѣръ, мѣстнаго самоуправленія иногда настолько богаты элементами частноправнаго характера, что невольно возникаетъ сомнѣніе, къ какой области права они дѣйствительно относятся; выборы въ священники содержатъ, напримѣръ, много условій касательно платы за ихъ услуги мірской общинѣ.

Вышеуказанныя особенности древне-русскихъ частныхъ актовъ обнаруживаютъ все еще слабое развитіе русскаго правосознанія и его юридическихъ формъ.

Быстротечное время, отмѣренное намъ для совмѣстныхъ нашихъ занятій,—на исходѣ и не позволяетъ мнѣ расширить тотъ небольшой кругъ чтеній, который былъ посвященъ мною краткому очерку русской дипломатики частныхъ актовъ. Я заканчиваю его не безъ чувства нѣкотораго смущенія: меня волнуетъ и тревожитъ сознаніе, что я не далъ Вамъ всего того, что хотѣлъ и долженъ былъ-бы дать Вамъ; но меня утѣшаетъ мысль, что мнѣ довелось, вмѣстѣ съ Вами, принять участіе въ крупномъ культурномъ начинаніи: въ дѣлѣ архивнаго строительства русской исторіи. Я не могу не оцѣнить значеніе нашихъ занятій и съ еще болѣе общей точки зрѣнія: мнѣ кажется, что они, въ извѣстной мѣрѣ, способствовали созданію прочной основы для духовнаго общенія между нами, а такое общеніе, особенно въ наше время, имѣетъ громадное значеніе: оно вводитъ насъ въ высокую область единенія мысли и работы духа, безъ которыхъ не можетъ наступить и настоящее обновленіе нашей соціальной и политической жизни.

13 ноября 1918 г.

БИБЛИОТЕКА

Оглавленіе.

Стр.

Отъ редактора 1
Предисловіе. 3
Отдѣлъ первый. Общее понятіе о дипломатикѣ и ея положеніи въ русской исторической наукѣ 5
Глава первая. Предметъ дипломатики: изученіе документовъ и актовъ.
§ 1. Понятіе о документѣ и объ актѣ 5
§ 2. Акты съ освѣдомительнымъ и акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ 13
§ 3. Акты публичные и частные. 30
§ 4. Основныя задачи дипломатическаго изученія публичныхъ и частныхъ актовъ 49
Глава вторая. Дипломатическое изученіе въ русской археографіи и исторіографіи. 82
§ 1. Важнѣйшія собранія и хранилища актовъ 52
§ 2. Развитіе русской дипломатики и ея литература 69
Отдѣлъ второй. Документальное источниковѣдѣніе частныхъ актовъ.
Глава первая. Интерпретація частныхъ актовъ 82
Глава вторая. Критика актовъ, преимущественно частныхъ . . . 91
Отдѣлъ третій. Документальное построеніе частныхъ актовъ. 122
Глава первая. Анализъ частнаго акта 124
§ 1. Предварительный анализъ частнаго акта: мѣсто и время его происхожденія 124
§ 2. Дипломатическій анализъ акта 135
§ 3. Юридическій анализъ 158
Глава вторая. Синтезъ частнаго акта. 164
Заключеніе 178